

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER THREE

MAY – JUNE

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2025

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 3

МАЙ – ИЮНЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **РАЗЛЮГОВА Елена Эмильевна**, д.ф.н., профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Алексей Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи** (Jean-Louis Backès), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); **ВРАНЕШ Бранко** (Branko Vraneš), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **ДАЙ Гуйцзюй** (Dai Guiju), PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна** (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); **КОЛЛАРОВА Эва** (Eva Kollárová), PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); **ЛЕВЕРС Даниэль** (Daniel Leuwers), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); **МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна** (Biljana Mirchevska Bosheva), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); **МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович** (Nasirulla Mirkurbanov), к.ф.н., профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбек); **ПЕНЧЕВА Антония Иванова**, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); **ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна**, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); **РОВДО Иван Семенович** (Ivan Rovdo), д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); **РЫЧКОВА Людмила Васильевна**, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); **СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен** (Irène Sokologorsky), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); **СУВАЙДЖИЧ Бошко** (Boško Suvajdzic), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **СУЛЕЙМЕНОВА Элеонора Дюсеновна**, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен** (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); **ЦРВЕНКОВСКА Эмилия** (Emilija Crvenkovska), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2025
© «Вестник Московского университета», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ (1945–2025)

<i>Крупчанов А.Л., Певак Е.А., Ремнева М.Л., Толмачёв В.М.</i> Наши деданы — участники Великой Отечественной войны	9
<i>Галинская Е.А.</i> Елена Федоровна Васеко	18
<i>Моисеева В.Г.</i> Герой и автор «лейтенантской» прозы	23
<i>Коржова И.Н.</i> Художественные стратегии изображения войны в романе К.М. Симонова «Так называемая личная жизнь»	36
<i>Пауткин А.А.</i> Неоконченный роман В.С. Пикуля о войне (взгляд из XXI века)	48

СТАТЬИ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ясаи Л.</i> О глагольном виде с прикладной точки зрения	56
<i>Савельев В.С., Дин Пэй.</i> Русские негатонимы: перспективы изучения	69
<i>Салтовская С.В.</i> Образование притяжательных прилагательных с суффиксами <i>-*j-</i> и <i>-ов/-ев-</i> от имен собственных в древнерусских памятниках письменности	82
<i>Лифанов К.В.</i> Фонема <з> в истории словацкой письменности	91
<i>Чуева С.Ю.</i> Особенности формирования феминитивов от <i>potina agentis</i> с суффиксами <i>-tír</i> , <i>-тор</i> , <i>-тῆς</i> в древнегреческом языке	101

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ LV ВІНОГРАДОВСКИХ ЧТЕНИЙ)

<i>Мухачёва И.В.</i> Особенности реализации валентностей у глаголов-ликвидативов с приставкой <i>раз-</i> в синхронии и ближайшей диахронии	117
<i>Добрушина Е.Р.</i> Ихний, толика и рыба, или Что дают макро- и нанодиахронические методы	134

СТАТЬИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Кривонос В.Ш.</i> Встреча с книгой в «Раковом корпусе» А.И. Солжени- цына	148
<i>Рыбина П.Ю.</i> Литература на экране: базовые метафоры современной теории адаптации	158
<i>Янь Кунь.</i> Феномен метаповествования и его художественное во- площение в романе Р.В. Сенчина «Информация»	171
<i>Белавина Е.М.</i> Эссе Луи Арагона «Рифма в 1940»: от истории стиха к дискурсу контрабандного воздействия	182
<i>Демахина А.В.</i> Кладбище в «раю Амора»: трансформация куртуаз- ного «земного рая» во французской аллегорической литературе позднего Средневековья	196
<i>Гаврилова П.Д.</i> Женские образы в творчестве македонского писателя П.М. Андреевского сквозь призму архетипа	204
<i>Шешкен А.Г.</i> Эпиграф как средство междисциплинарного диалога: лирика Максима Богдановича	213

РЕЦЕНЗИИ

<i>Гавриков В.А.</i> Рецензия на книгу: Темиршина О.Р. Егор Летов: язык и мир. Опыт психолингвистического подхода к поэзии. СПб.: Скифия, 2024. 608 с.	225
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Онипенко Н.К.</i> LVI Виноградовские чтения	229
--	-----

ПАМЯТИ...

<i>Кобозева И.М., Кульпина В.Г.</i> Виктор Андреевич Татарinov (1952–2024)	236
<i>Щербина А.С.</i> Памяти Тамары Фёдоровны Теперик	241
<i>Исакова И.Н.</i> Лилия Валентиновна Чернец (1940–2025)	246

CONTENTS

FOR THE ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY (1945–2025)

<i>Krupchanov A., Pevak E., Remneva M., Tolmatchoff V.</i> Our Deans — the Participants of The Great Patriotic War	9
<i>Galinskaya E.A.</i> Elena Fedorovna Vaseko	18
<i>Moiseeva V.G.</i> The Hero and the Author of “Lieutenant Prose”	23
<i>Korzhova I.N.</i> Artistic Strategies for Depicting War in K.M. Simonov’s Novel <i>The So-called Personal Life</i>	36
<i>Pautkin A. V.</i> Pikul’s Unfinished Novel About War (a View from the 21 st Century)	48

ARTICLES. LINGUISTICS

<i>Jászay L.</i> On the Verbal Aspect from an Applied Point of View	56
<i>Savelyev V.S., Ding Pei.</i> Russian Negatonyms: Prospects for Study	69
<i>Saltovskaia S.V.</i> Formation of Possessive Adjectives with Suffixes <i>-*j-</i> and <i>-ov/-ev-</i> from Proper Names in Old Russian Manuscripts	82
<i>Lifanov K.V.</i> The Phoneme <з> in the History of Slovak Writing	91
<i>Chueva S.Y.</i> Features of the Formation of Femininitives Derived from <i>No-mina Agentis</i> in -τήρ, -τωρ, -της in Ancient Greek	101

DIACHRONIC STUDIES IN RUSSIAN VOCABULARY

(BASED ON THE MATERIALS

OF THE 55th VINOGRADOV READINGS)

<i>Mukhachjova I.V.</i> Features of the Realization of Valences in Liquidative Verbs with the Prefix of Difference in Synchrony and the Nearest Diachrony	117
<i>Dobrushina E.R.</i> <i>Ikhonii, Tolika</i> and <i>Rybova</i> , or What Micro- and Nano-diachronic Methods Give Us	134

ARTICLES. LITERARY CRITICISM

<i>Krivonos V.</i> Meeting with the Book in <i>The Cancer Ward</i> by A.I. Solzhenitsyn	148
<i>Rybina P.</i> Literature on the Screen: The Controlling Metaphors in Contemporary Adaptation Theory	158
<i>Yan Kun.</i> The Phenomenon of Metafiction and Its Artistic Embodiment in Roman Senchin's Novel <i>Information</i>	171
<i>Belavina E.</i> Louis Aragon's Essay "Rhyme in 1940": From the History of Verse to the Discourse of Contraband Influence	182
<i>Demakhina A.V.</i> The Cemetery in the "Paradise of Love": Transformation of the Courtly "Earthly Paradise" in French Allegorical Literature of the Late Middle Ages	196
<i>Gavrilova P.D.</i> Female Images in the Works of P.M. Andreevsky Through the Prism of the Archetype	204
<i>Sheshken A.</i> Epigraph as a Means of Interliterary Dialogue: Maxim Bogdanovich' Lyrics	213

REVIEWS

<i>Gavrikov V.</i> Review of the Book: Olesya R. Temirshina. Yegor Letov: Language and World. An Experience of a Psycholinguistic Approach to Poetry. St. Petersburg: Skifiia, 2024, 608 p.	225
---	-----

ACADEMIC LIFE

<i>Onipenko N.K.</i> 56 th Vinogradov Readings	229
---	-----

IN MEMORIAM

<i>Kobozeva I., Kulpina V.</i> Viktor A. Tatarinov (1952–2024)	236
<i>Shcherbina A.S.</i> Tamara Fedorovna Teperik	241
<i>Isakova I.N.</i> Lilia Chernets (1940–2025)	246

К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ (1945–2025)

НАШИ ДЕКАНЫ — УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

**А.Л. Крупчанов, Е.А. Певак, М.Л. Ремнева,
В.М. Толмачёв**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; kрупчанов@rambler.ru; erevak@yandex.ru; remnevaml@philol.msu.ru;
tolmatchoff@mail.ru*

Аннотация: В нашей статье мы рассказываем о жизненном пути, об участии в Великой Отечественной войне, о работе трех наших деканов: Алексея Георгиевича Соколова, Леонида Григорьевича Андреева и Ивана Федоровича Волкова, которые защищали Родину, после войны учились на филологическом факультете МГУ, стали большими учеными, на протяжении 30 лет (с 1961 по 1991 г.) руководили факультетом, определяя его основные научные направления, создавая молодой послевоенный коллектив и организуя его работу, составляя такие учебные планы и программы, что выпускники факультета оказывались в дальнейшем востребованными всеми университетами и академическими институтами страны.

Ключевые слова: Московский университет; Великая Отечественная война; А.Г. Соколов; Л.Г. Андреев; И.Ф. Волков

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-1

Для цитирования: Крупчанов А.Л., Певак Е.А., Ремнева М.Л., Толмачёв В.М. Наши деканы — участники Великой Отечественной войны // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 9–17.

¹ Материалы, лежащие в основе этой статьи, публиковались ранее: Филологический факультет Московского университета: энциклопедический словарь. Другие лица: Кол. авт. Гл. ред. М.Л. Ремнёва. М.: Изд-во Московского университета (МГУ), 2005; Филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: Очерки истории. 1941–2021. 4-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. проф. М.Л. Ремнёвой; рабочая группа: Е.М. Белавина, А.Е. Беликов, В.Л. Коровин, Е.А. Певак, Г.А. Филатова. М.: Изд-во Московского университета, 2021. См. также: Филологический факультет Московского университета: энциклопедический словарь. 2025 (готовится к печати).

OUR DEANS — THE PARTICIPANTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. Krupchanov, E. Pevak, M. Remneva, V. Tolmatchoff

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; krupchanov@rambler.ru;
epevak@yandex.ru, remnevaml@philol.msu.ru; tolmatchoff@mail.ru*

Abstract: In our article we talk about the life path, about the participation in the Great Patriotic War, about the work of our three deans: Alexey Georgievich Sokolov, Leonid Grigorievich Andreev and Ivan Fyodorovich Volkov, who defended their homeland, studied at the Philological Faculty of Moscow State University after the war, became great scholars and for 30 years (from 1961 to 1991) headed the faculty, defining its main academic directions, creating a young post-war team and organising its work, as well as creating such curricula and programmes that the graduates of the faculty were later in demand by all universities and academic institutions of the country.

Keywords: Moscow University; the Great Patriotic War; Alexey Sokolov; Leonid Andreev; Ivan Volkov

For citation: Krupchanov A., Pevak E., Remneva M., Tolmatchoff V. (2025) Our Deans — the Participants of The Great Patriotic War. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, p. 9–17.

Алексей Георгиевич Соколов (25.03.1921, с. Тысяцкое, Тверская область — 09.12.2004, Москва) — историк русской литературы, специалист по литературе конца XIX — начала XX в., русскому зарубежью. Доктор филологических наук (1985), профессор (1969), заслуженный профессор МГУ (1996), декан филологического факультета с 1961 по 1974 г.

А.Г. Соколов родился 25 марта 1921 года в семье инженера Георгия Сергеевича Соколова. В 1938-м окончил среднюю школу и поступил в Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ). В декабре 1941 года МИФЛИ объединили с МГУ, и с этого времени Соколов — студент филологического факультета. Он окончил его в 1942 году. С августа по декабрь 1942 года работал преподавателем русской литературы и русского языка в Сухаревском педагогическом училище (Тульская область).

В начале 1943 года Соколов был призван в действующую армию и отправлен на Ленинградский фронт, где служил автоматчиком; в том же году был направлен на фронтовые курсы младших лейтенантов, по окончании которых в 1944 году командовал взводом автоматчиков. С 3-м Прибалтийским фронтом брал Ригу, участвовал в боях под Кенигсбергом, а затем работал в Управлении тыла фронта. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После демобилизации в октябре 1945 года Соколов поступил в аспирантуру филологического факультета МГУ (руководитель — Б.В. Михайловский).

По окончании аспирантуры в 1948 году начинается его многолетняя педагогическая и организаторская деятельность: он работает старшим инспектором в Министерстве высшего и среднего специального образования СССР, а после защиты кандидатской диссертации становится преподавателем филологического факультета МГУ. Незаурядные организационные способности Соколова способствовали тому, что с 1952 по 1958 г. он работал заместителем декана по научной работе, а в 1961-м стал деканом факультета, которым руководил до 1974-го.

В годы его деканства начало работать отделение структурной и прикладной лингвистики (ОСиПЛ) и одноименная кафедра при нем. В процессе развертывания традиционных специальностей на факультете возникают кафедры романского языкознания, германского языкознания, сравнительно-исторического языкознания, иберо-романского языкознания и угро-финской филологии. В 1963 году Приказом Минвуза СССР была открыта Лаборатория фонетики и речевой коммуникации. В 1972 году при филологическом факультете было образовано Отделение по преподаванию русского языка как иностранного (РКИ), заметно расширившее географию иностранных связей факультета, а также Отделение по преподаванию иностранных языков. В эти годы появилась кафедра истории литератур народов СССР, ставшая в ту пору главным отечественным центром в области исследования диалога национальных культур. Тогда же была создана лаборатория «Русский язык и русская литература в современном мире».

Сферой научных интересов Соколова все годы оставалась русская литература конца XIX — начала XX в. Еще в конце 1950-х годов, когда многие авторы этого периода не входили в круг изучаемых, он читал о них лекции, давал своим аспирантам и соискателям темы по творчеству И. Анненского, Андрея Белого, М. Кузмина, Н. Гумилева и др. В 1958 году он стал лауреатом Ломоносовской премии как член авторского коллектива учебника «История советской литературы (Том I)».

В 1979 году вышел написанный им учебник «История русской литературы конца XIX — начала XX в.». В 1985 году он защитил докторскую диссертацию, представленную в форме научного доклада «История русской литературы конца XIX — начала XX века», в основе которого второе (1984), исправленное и дополненное издание этого учебника. В 1970–1980-х инициировал создание учебных пособий по курсу истории русской литературы конца XIX — начала

XX в.: антологий и хрестоматий русской поэзии, прозы и критики, сборников литературных манифестов и критических статей, коллективных монографий, отражающих наиболее значимые художественные явления Серебряного века.

Ко второй половине 1980-х годов относится издание научных сборников из серии «История русского реализма конца XIX — начала XX в.». На исходе XX века изучение литературы рубежа XIX–XX веков и русского зарубежья в стенах высших учебных заведений соотносилось прежде всего с преподавательским и научным авторитетом Соколова, с его именем на обложке университетского учебника.

В 1992 году на базе научно-исследовательской лаборатории «Русская литература в современном мире» был организован учебно-научный центр по изучению культуры русского зарубежья, которым он руководил с 1992 по 1997 г.

Соколов читал лекции в Сорбонне и Парижском университете славянских языков, в Лондонской славистической школе, Институте славистики и русистики Варшавского университета, в университетах Страсбурга, Лидса, Ливерпуля, Эдинбурга, Милана, участвовал в конференциях в Италии, Польше, ГДР.

Очень сдержанный, никогда не повышавший голоса, однако читавший лекции о Серебряном веке так, что не только литературоведы, но и лингвисты, даже глубокие историки языка, бежали после них в Горьковку, чтобы там узнать о том, что происходило от символизма до Октября, чтобы прочитать литературные манифесты, с удивлением при этом узнавая, что любимый с детства писатель В. Каверин пришел к нам из «Серapiоновых братьев». При всей своей сдержанности и как будто закрытости, Соколов был очень внимателен к людям и многое сделал для того, чтобы при нем появилась целая когорта молодых преподавателей: И.Г. Милославский, Б.С. Бугров, О.А. Смирницкая, М.Л. Ремнева, М.В. Володина, И.Н. Кузнецова (Мельникова), А.В. Карельский, Ю.Н. Караулов, Ю.Л. Оболенская, О.М. Мунгалова, А.П. Авраменко, А.И. Полторацкий, Н.А. Соловьева, С.Г. Тер-Минасова и другие. Из других вузов были приглашены проф. В.С. Виноградов, проф. Л.В. Златоустова, проф. Г.А. Хабургаев, доц. Е.Н. Мамсурова, доц. Л.Н. Лапшина-Медведева.

Он воевал за страну, он обустроивал факультет, он искал и находил людей, он учил работать.

Леонид Григорьевич Андреев (16.06.1922, Смоленск — 13.12.2001, Москва) — филолог-романист, специалист по французской литературе XX века и по бельгийской литературе, доктор филологических наук (1968), профессор (1970), заслуженный профессор МГУ (1995),

заведующий кафедрой истории зарубежной литературы (1974–1996), декан филологического факультета (1974–1980).

Л.Г. Андреев родился 16 июня 1922 года в семье служащего почты (телеграфного механика) Григория Тимофеевича Андреева и Александры Ивановны Андреевой — домохозяйки. В 1940 году с отличием окончил смоленскую среднюю школу № 13 и поступил в МВТУ им. Н.Э. Баумана. 13 июля 1941 года он добровольцем ушел на фронт, участвовал в битве под Москвой. В ночь с 13 на 14 марта 1942 года Андреев, боец отдельного лыжного батальона, получил тяжелое обморожение ног, попал в госпиталь, а затем был демобилизован по инвалидности. Андреев — кавалер ордена Отечественной войны 1-й степени, ордена Славы 3-й степени, награжден медалью «За победу над Германией».

В сентябре 1942 года Андреев поступил на историко-филологический факультет Ярославского педагогического института. По окончании первого курса он был направлен с рекомендательным письмом известного ученого-филолога А.А. Смирнова к декану филологического факультета МГУ Н.К. Гудзию, и в 1944 году его перевели в Московский университет. После окончания факультета (1948) Андреев был рекомендован в аспирантуру при кафедре истории зарубежной литературы.

В 1951 году он защитил кандидатскую диссертацию «Борьба за социалистический реализм во французской прогрессивной литературной критике в послевоенный период (1945–1950 гг.)», и в этом же году по инициативе проф. Р.М. Самарина был приглашен на кафедру истории зарубежной литературы для работы преподавателем, а затем — доцентом (1952). В эти же годы он был избран секретарем парткома факультета.

В 1968 году защитил докторскую диссертацию «Сто лет бельгийской литературы». С 1968 года Андреев работает в должности профессора, а в 1974 году, после кончины Р.М. Самарина, становится заведующим кафедрой истории зарубежной литературы. В этой должности он находился до 1996 года.

Андреев был ярким лектором, читал общие лекционные курсы по истории зарубежной литературы конца XIX — начала XX вв., по зарубежной литературе XX века, вводный курс по истории зарубежной литературы, вел спецкурсы по литературе сюрреализма, импрессионизма, по французскому «новому роману», творчеству Ж.-П. Сартра, А. Камю. Он получил известность за рубежом: его приглашали для чтения лекций в университет Льежа (1974), в Сорбонну (1978). Работы Андреева выходили во Франции, в Германии, Чехословакии, Японии, неоднократно переиздавались на родине.

В 1974–2001 гг. Андреев возглавляет специализированный диссертационный совет.

На годы деканства Андреева (1974–1980) приходится расцвет романо-германского отделения, организуется прием студентов на шведскую, португальскую и голландскую специализации, вводится в учебный план полный курс по истории зарубежной критики. Как в годы деканства, так и в последующее время в качестве заведующего кафедрой Андреев много сделал для совершенствования кадрового состава кафедры зарубежной литературы. Были приняты в штат англист А.Н. Горбунов (1974), скандинавист А.В. Сергеев (1975), американист Т.Д. Венедиктова (1976), латиноамериканист Е.В. Огнева (1980), англист И.Ю. Попова (1981), испанист С.И. Пискунова (1981), американист В.М. Толмачёв (1981), романист М.А. Абрамова (1982), хунгарист В.М. Белоусова (1983), германист Д.Л. Чавчанидзе (1989), американист О.Ю. Панова (1991), руманист Е.В. Фейгина (1992), романист Н.Т. Пахсарьян (1993). По совместительству на кафедре в разное время работали американист Н.А. Анастасьев и германист В.Д. Седельник.

В состав предметов, преподающихся на факультете, в 1990 г. по инициативе Андреева был включен курс «Библия и культура».

Андреев — автор книг «Французская литература 1917–1956» (1959), «Марсель Пруст» (1968), «Сюрреализм» (1972), «Современная литература Франции. 60-е годы» (1977), «Импрессионизм» (1980) и др. Он составитель и редактор университетских учебников. Особо значимой для автора и интеллектуально, и в свете собственного военного и жизненного опыта была книга «Жан-Поль Сартр. Свободное сознание и XX век» (1994).

Андреев — заслуженный профессор МГУ (1995), лауреат Ломоносовской премии 1-й степени (1980), премии «За лучшие российские университетские филологические работы 1993–1994 гг.» (1995). Он входил в редколлегии журнала «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология», книжных серий «Университетская библиотека», «Мастера зарубежной прозы: XX век», являлся главным редактором РЖ ИНИОН РАН, экспертом РГНФ, членом Союза писателей и Литфонда.

Обаятельный человек, энергичный декан, благожелательный руководитель, известный всей стране председатель диссертационного совета, Андреев, чьи лекции и семинары пользовались неизменной популярностью, воспитал множество учеников, стремился увлечь научную молодежь новейшей литературой, сопоставительным анализом литературы, философии, живописи.

В память об Андрееве кафедра истории зарубежной литературы регулярно проводит международную конференцию «Лики XX века».

Иван Федорович Волков (27.04.1924, с. Поим, Пензенская губерния — 22.02.1995, Москва) — филолог-германист, теоретик литературы, историк русской и западноевропейских литератур, доктор филологических наук (1970), профессор (1972), заведующий кафедрой истории русской литературы XX века (1986–1995), декан филологического факультета (1980–1991).

И.Ф. Волков родился в старообрядческой семье крестьянина-сапожника. Дату рождения в церкви записали по старому стилю, поэтому в официальных документах значится 14.04.1924. За отказ вступить в колхоз в 1931 году семья была выслана под Челябинск. Оттуда через год маленького Ивана забрала старшая сестра Вера, а в 1936 году он с братом Михаилом переехал в Ташкент. Там Волков окончил школу и в 1942 году поступил в Воронежский авиационный институт, эвакуированный в Ташкент. Однако учиться по-настоящему не получалось, он начал работать на заводе боеприпасов (по 16 часов в сутки). 17 августа 1943 года доброволец Волков был отправлен на учебу в Гомельское пехотное училище, эвакуированное тогда в Туркмению. Его военная специальность — минометчик. В училище он увлекся немецким языком и литературой.

В 1944 году Волков в звании младшего лейтенанта был направлен в действующую армию, а в марте 1945-го его откомандировали на учебу в Военный институт иностранных языков Красной Армии (ныне — факультет иностранных языков Военного университета Министерства обороны РФ). В числе слушателей института Волков 24 июня 1945 года стал участником Парада Победы в Москве. После окончания Парада Победы в университетском двореке на Моховой он встретился с будущим профессором филологического факультета германистом А.С. Дмитриевым. Эта встреча стала судьбоносной: Волков принял решение стать студентом МГУ. Однако, будучи действующим офицером, он должен был завершить учебу в ВИИЯКА и вернуться к месту службы — в Германию. Там он был назначен переводчиком при коменданте в городе Ной-Вельцов района Шпремберг, а затем — в Калау земли Бранденбург.

Учиться на филологическом факультете начал заочно. Лишь 4 февраля 1947 года лейтенант Волков был уволен в запас для продолжения учебы в университете.

Московский университет он закончил в 1951 году (научный руководитель — проф. Р.М. Самарин), был рекомендован в аспирантуру, подготовил и защитил кандидатскую диссертацию «Творческий путь И.Г. Зейме» (научный руководитель — В.П. Неустроев). После окончания аспирантуры с середины 1950-х до 1958-го работал по распределению старшим преподавателем Таганрогского педагогического института, где читал лекции и вел практические занятия

по всему курсу истории мировой литературы. Вернувшись в 1958 году в Москву, он работает в издательстве «Искусство» и начинает преподавательскую деятельность в МГУ. В 1960 году приглашен проф. Г.Н. Пospelовым на вновь открытую на факультете кафедру теории литературы.

Во второй половине 1970-х Волков становится заместителем декана филологического факультета по работе с иностранными учащимися, а в 1980 году его назначают и. о. декана. Став в 1981 году деканом, Волков сохранил стиль непринужденного и свободного общения с коллегами. Он всегда выслушивал чужие мнения по конкретным вопросам, давал высказаться практически всем, после чего формировал собственную точку зрения, при этом опираясь на свой жизненный опыт. Любой дискуссией управлял он, проявляя в принципиальных вопросах последовательность и спокойную настойчивость. Обладая удивительной способностью тонко чувствовать людей и ситуацию, он свое понимание их всегда умел сформулировать в кратких и емких характеристиках. Веселая самоирония была не только его органичным состоянием, но и частью образа, позволявшего выходить из иногда непростых психологических ситуаций.

Он был председателем учебно-методического объединения филологических факультетов классических университетов СССР, в 1982–1993 гг. — главным редактором журнала «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология», входил в состав редколлегии журнала «Русская речь», был главным редактором большого числа факультетских, университетских и международных сборников.

В начале 1990-х гг. Волков стал первым директором филологического факультета Русско-германского института науки и культуры МГУ.

В 1986 году коллектив кафедры истории советской литературы (с 2014 года — истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса) пригласил Волкова возглавить кафедру. Под его руководством были созданы принципиально новые программы лекционных курсов по русской литературе XX века, в том числе — первая объединенная учебная программа от рубежа XIX–XX вв. до современности (1994). Волкову и его коллегам было совершенно ясно, что настало время возвращать из литературного небытия произведения таких авторов, как Е.И. Замятин, А.П. Платонов, А.А. Ахматова, Н.С. Гумилев, и многих других. Вместе с тем Волков решительно выступал против появившихся в 1990-е годы попыток ограничить изучение таких писателей, как М. Горький, В.В. Маяковский, М.А. Шолохов и др.

В 1991 году Волков организовал первые и единственные демократические выборы декана в новейшей истории филологического факультета. В выборах участвовал весь трудовой коллектив.

На гражданскую панихиду в феврале 1995 года пришло столько людей с разных факультетов и других университетов, что фойе конференц-зала 1-го гуманитарного корпуса не смогло вместить всех желающих проститься с Волковым. Многие остались стоять на улице. Профессор С.И. Кормилов сказал: «Мы много будем писать об Иване Федоровиче как о человеке, ученом, педагоге. Это нужно, должно, необходимо, прежде всего нам самим. А вот другое труднее — быть на него похожим. Хотя очень бы хотелось...»

Поступила в редакцию 15.02.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 29.04.2025

Received 15.02.2025

Accepted 22.04.2025

Revised 29.04.2025

ОБ АВТОРАХ

Крупчанов Андрей Леонидович — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; krupchanov@rambler.ru

Певак Елена Александровна — кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; epevak@yandex.ru

Ремнева Марина Леонтьевна — доктор филологических наук, профессор, президент филологического факультета, заведующий кафедрой русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; m.l.remneva@mail.ru; remnevaml@philol.msu.ru

Толмачёв Василий Михайлович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; tolmatchoff@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Andrey L. Krupchanov — PhD in Philology, Associate Professor at the Department of History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; krupchanov@rambler.ru

Elena A. Pevak — PhD in Philology, research associate of the laboratory “Russian Literature in the Modern World”, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; epevak@yandex.ru

Marina L. Remneva — DSc in Philology, Head of the Russian Language Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; m.l.remneva@mail.ru; remnevaml@philol.msu.ru

Vasily M. Tolmatchoff — DSc in Philology, Professor, Chairman of the Department of History of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University; tolmatchoff@mail.ru

ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА ВАСЕКО

Е.А. Галинская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; eagalinsk@mail.ru

Аннотация: В статье описывается военная биография, дальнейший жизненный путь и научная и педагогическая деятельность в сфере истории русского языка доцента кафедры русского языка, кандидата филологических наук Елены Федоровны Васеко (1924–2017), инвалида Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Елена Федоровна Васеко; Великая Отечественная война; история русского языка; памятники древнерусской и старорусской письменности

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-2

Для цитирования: Галинская Е.А. Елена Федоровна Васеко // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 18–22.

ELENA FEDOROVNA VASEKO

Е.А. Galinskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; eagalinsk@mail.ru

Abstract: The article describes the military biography, subsequent life path, and academic and pedagogical activities in the field of history of the Russian language of the Associate Professor of the Department of Russian language, PhD in Philology Elena Vaseko (1924–2017), a disabled veteran of the World War II.

Keywords: Elena Vaseko; World War II; history of the Russian language; Old Russian manuscripts

For citation: Galinskaya E.A. (2025) Elena Fedorovna Vaseko. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 18–22.

Доцент Елена Федоровна Васеко (1924–2017), инвалид Великой Отечественной войны, проработала на кафедре русского языка филологического факультета 55 лет — с 1951 по 2006 год и обучила не одно поколение студентов, прививая им интерес к истории русского языка в разных ее аспектах.

Елена Федоровна родилась 4 апреля 1924 года в г. Унеча Брянской области. Война началась, когда Елена Федоровна закончила девятый класс. Она тотчас стала работать в санитарной дружине, помогая при транспортировке раненых бойцов, участвовала в строительстве укреплений, рыла окопы. Но фронт подходил все ближе к Унече, и Елена Федоровна вместе с семьей эвакуировалась в поселок Жердевка Тамбовской области. Там параллельно с учебой в школе она работала в колхозе. В мае 1942 года Елена Федоровна, не дожидаясь получения школьного аттестата, добровольно отправилась в армию. Ее служба началась в разведывательной авиации — в 47-й Отдельной корпусной авиаэскадрилье, базировавшейся в Курской области. Елена Федоровна обучилась работать с аэрофотоснимками и занималась их дешифровкой до тех пор, пока эскадрилью не расформировали, поскольку много самолетов-разведчиков было сбито, а оставшихся не хватало для полноценного функционирования этого войскового подразделения. Далее Елена Федоровна, пройдя соответствующую подготовку, стала связисткой-телефонисткой и с августа 1942 года начала служить в звании рядового в роте связи 556-го стрелкового полка, в которой ее назначили дежурным телефонистом по полку. В сентябре 1942 года вместе с полком она попала на Сталинградский фронт, где получила легкое ранение, после которого, вылечившись в госпитале, вернулась в строй, но уже в составе 147-го стрелкового полка. Вплоть до 20 декабря 1942 года Елена Федоровна была в рядах защитников Сталинграда, но 20 декабря ее служба на фронте оборвалась, так как она попала под очередную бомбежку и ей, восемнадцатилетней девушке, во время дежурства на коммутаторе осколком авиабомбы оторвало правую руку. Первую помощь Елене Федоровне оказали в полевом госпитале, и затем около пяти месяцев она провела еще в нескольких военных госпиталях (последний из которых находился в городе Уральске), после чего в мае 1943 года демобилизовалась.

Елена Федоровна еще школьницей полюбила русскую литературу, и теперь ее мечтой стало поступление на филологический факультет МГУ. Но сначала ей нужно было получить аттестат о среднем образовании и научиться хорошо писать левой рукой, чтобы полноценно заниматься в университете. Подать вовремя документы в МГУ Елене Федоровне не удалось, но как фронтовика ее приняли на месяц позже, так что 1 октября 1943 года она приступила к учебе. На протяжении всех пяти лет обучения в МГУ Елена Федоровна была в числе лучших студентов факультета. В 1948 году она блестяще защитила дипломную работу под руководством члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова и поступила в аспирантуру на ка-

федру русского языка. По завершении аспирантуры в 1951 году она стала старшим преподавателем кафедры, а в 1981 году — доцентом.

В первые годы работы в Московском университете Е.Ф. Васеко вела семинарские занятия по всем предметам исторического цикла и по всем разделам курса современного русского языка, но в дальнейшем сферой ее научных и педагогических интересов стала преимущественно историческая русистика. На протяжении многих лет Е.Ф. Васеко тщательно исследовала по рукописным документам XVI века диалект Москвы того времени и в 1973 году под руководством Р.И. Аванесова защитила кандидатскую диссертацию «Фонетическая система московского говора первой половины XVI века по памятникам деловой письменности» [Васеко 1973]. Другие научные труды Е.Ф. Васеко посвящены различным аспектам истории русского языка, в частности генезису и хронологии восточнославянского полногласия [Васеко 2001], изменению [e] в [o] [Васеко 1959], истории аканья в московском говоре [Васеко 1979]. Ее внимание привлекала и история восточнославянской письменности, в частности графико-орфографические особенности древнерусских и старорусских памятников письменности, приемы описания графики древнерусских рукописей в лингвистических исследованиях, орфографические явления, связанные с обозначением редуцированных [ы] и [и] и их рефлексов [Васеко 1997]. Е.Ф. Васеко активно занималась и методической работой. Так, в соавторстве с профессором К.В. Горшковой она написала учебное пособие для практических занятий «Историческая грамматика русского языка» [Васеко, Горшкова 1994], которое до сих пор не потеряло своей актуальности.

На протяжении своей долгой педагогической деятельности Е.Ф. Васеко читала курсы старославянского языка, исторической грамматики русского языка и русской палеографии, вела семинары по старославянскому языку, исторической грамматике русского языка и русской диалектологии, занималась с аспирантами кафедры историей русского языка. Студенты и аспиранты с интересом посещали лекции и семинары Елены Федоровны и вспоминают их с благодарностью.

Елена Федоровна была прекрасным научным руководителем, щедро делившимся с учениками своими знаниями и умением анализировать данные памятников древнерусской и старорусской письменности. В ее спецсеминаре «Древние рукописные источники как объект лингвистического исследования» студенты осваивали сложные вопросы реконструкции по памятникам древней письменности различных языковых явлений и процессов, протекавших на протяжении истории русского языка, успешно писали курсовые и дипломные работы. Под руководством Е.Ф. Васеко были защище-

ны три кандидатские диссертации по истории русского языка и письменности. К своим ученикам Елена Федоровна относилась очень тепло, и они неизменно отвечали ей тем же.

В МГУ высоко ценили Е.Ф. Васеко, она являлась заслуженным преподавателем Московского университета, была награждена медалями «В память 850-летия Москвы», «Ветеран труда», юбилейными знаками «225 лет МГУ», «За отличные успехи в работе». И, конечно, у Елены Федоровны были военные награды: орден Отечественной войны 1-й степени, медаль «За победу над Германией», медаль Г.К. Жукова, а также многочисленные юбилейные медали: в честь 20-й, 25-й, 30-й, 40-й годовщины победы в Великой Отечественной войне, в честь 50-, 60- и 70-летия Вооруженных Сил СССР, медали «Ветеран войны 1941–1945 гг.», «Фронтовик 1941–1945 гг.», памятный знак «60 лет победы в Сталинградской битве». Елена Федоровна всегда принимала участие в церемонии возложения венков у Вечного огня в МГУ, а когда она уже была на пенсии и не могла самостоятельно ходить, ее привозили на церемонию студенты филологического факультета, относившиеся к ней, инвалиду Великой Отечественной войны, участнице Сталинградской битвы, с большим уважением.

Почти все нынешние профессора и доценты кафедры русского языка в свое время были учениками Е.Ф. Васеко: посещали ее лекции, или семинары, или занятия с аспирантами, а я, автор этого очерка, еще и защитила под ее руководством кандидатскую диссертацию. Мы с большой теплотой вспоминаем свое общение с Еленой Федоровной в качестве студентов, аспирантов, а в дальнейшем и коллег. Она была добрым, отзывчивым человеком, общение с которым всегда доставляло радость. И мы неизменно сохраняем о Елене Федоровне светлую, благодарную память.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васеко Е.Ф.* К вопросу об изменении *е* в *о* в русском языке // Вопросы истории русского языка. М., 1959. С. 58–59.
2. *Васеко Е.Ф.* Фонологическая система московского говора первой половины XVI в. по памятникам деловой письменности. Дис. канд. филол. наук. М., 1973.
3. *Васеко Е.Ф.* К истории аканья в московском говоре // Вопросы русского языкознания. Вып. 2. М., 1979. С. 16–28.
4. *Васеко Е.Ф.* Редуцированные [ы] и [и] в древнерусском языке и орфографические явления, связанные с обозначением этих гласных и их рефлексов // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 5–15.
5. *Васеко Е.Ф.* К вопросу о генезисе и хронологии восточнославянского полногласия // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. М., 2001. С. 21–28.

6. Васеко Е.Ф., Горшкова К.В. Историческая грамматика русского языка: Учебное пособие для практических занятий. М., 1994.

REFERENCES

1. Vaseko E.F. K voprosu ob izmenenii *e* v *o* v russkom yazyke [Revisiting the changing of *e* into *o* in Russian]. *Voprosy istorii russkogo yazyka*. Moscow, Moscow State University Publ., 1959, pp. 58–59. (In Russ.)
2. Vaseko E.F. Fonologicheskaya sistema moskovskogo govora pervoi poloviny XVI v. po pamyatnikam delovoi pis'mennosti [Phonological system of Moscow dialect of the first half of the 16th century according to business style texts]. PhD Dissertation. Moscow, Moscow State University, 1973. (In Russ.)
3. Vaseko E.F. K istorii akan'ya v moskovskom govore [On the history of akanye in Moscow dialect]. *Voprosy russkogo yazykoznaniiya*. Vyp. 2. Moscow, Moscow State University, 1979, pp.16–28. (In Russ.)
4. Vaseko E.F. Redutsirovannye [y] i [i] v drevnerusskom yazyke i orfograficheskie yavleniya, svyazannye s oboznacheniem ehtikh glasnykh i ikh reflektsov [Reduced [y] and [i] in Old Russian and orthographic phenomena associated with the designation of these vowels and their reflexes]. *Voprosy russkogo yazykoznaniiya*. Vyp. VII. *Russkie dialekty: istoriya i sovremennost'*. Moscow, Moscow State University, 1997, pp. 5–15. (In Russ.)
5. Vaseko E.F. K voprosu o genezise i khronologii vostochnoslavianskogo polnoglasiiya. [On the genesis and chronology of East Slavic plenophony]. *Yazykovaya sistema i ee razvitiye vo vremeni i prostranstve*. Sbornik nauchnykh statei k 80-letiyu profesora Klavdii Vasil'evny Gorshkovoi. Moscow, Moscow State University Publ., 2001, pp. 21–28. (In Russ.)
6. Vaseko E.F., Gorshkova K.V. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Uchebnoe posobie dlya prakticheskikh zanyatii [Historical grammar of the Russian language: A textbook for practical classes]. Moscow, Filologiya, 1994. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.02.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 29.04.2025

Received 15.02.2025

Accepted 22.04.2025

Revised 29.04.2025

ОБ АВТОРЕ

Галинская Елена Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; eagalinsk@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Galinskaya — Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; eagalinsk@mail.ru

ГЕРОЙ И АВТОР «ЛЕЙТЕНАНТСКОЙ» ПРОЗЫ

В.Г. Моисеева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; moisvik44@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются особенности поэтики «лейтенантской» прозы с точки зрения соотношения позиций автора и героя. Предметом исследования являются произведения, опубликованные в разные периоды (1946, конец 1950 — начало 1960-х, 2011), что позволило очертить временные границы литературного течения, определить те художественные особенности, которые позволяют говорить о «лейтенантской» прозе как явлении в истории современной русской литературы и вместе с тем явлении социальном и нравственно-этическом. Близость автора к герою, общность жизненного и военного опыта и одновременно «внеаходимость» автора по отношению к герою определяют архитектуру текста в целом, его жанровую специфику. На примере «В окопах Сталинграда» (1946) В. Некрасова подробно анализируются характерологические черты лирической повести, которые получают развитие в произведениях, написанных позднее: ориентация на собственный военный опыт, установка на документальность повествования, внимание к детали. Герой и автор «лейтенантской» прозы — представители поколения 1920-х годов, сыгравшего особую роль в истории Великой Отечественной войны, этой общностью автора и героя обусловлена лирическая тональность повествования и его структура. Этим же определяется и сложность разграничения позиций автора и героя, сохранения дистанции между ними, необходимой для эстетической завершенности образа героя, опасность подчинения героя автору (в этом случае происходит своего рода осовременивание героя) или наоборот (что проявляется в идеализации героя). Динамика и драматизм отношений автора и героя в эстетическом процессе раскрывается на примере эволюции художественной системы Василя Быкова.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; «лейтенантская» проза; «военная» проза; В. Некрасов; Г. Бакланов; Ю. Бондарев; В. Быков; Г. Гранин; автор; герой; повествовательный монолог; повесть; лирическая повесть; художественная деталь; автобиографизм

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-3

Для цитирования: Моисеева В.Г. Герой и автор «лейтенантской» прозы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 23–35.

THE HERO AND THE AUTHOR OF “LIEUTENANT PROSE”

Victoria Moiseeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; moisvik44@gmail.com

Abstract: The article examines the features of the poetics of “lieutenant prose” in terms of the relationship between the positions of the author and the hero. The analysis of works written in different periods (1946, late 1950s — early 1960s, 2011) made it possible to define the boundaries of this literary movement, to determine artistic features of “lieutenant prose” as peculiar phenomenon in the history of modern Russian literature, and at the same time as a social and ethical phenomenon. The author’s closeness to the hero, the commonality of their life and war experience, and at the same time the author’s “non-involvement” in the hero’s actions determine the architectonics of the text as a whole and its genre specifics. Using the example of *In the Trenches of Stalingrad* (1946) by Victor Nekrasov, the characterological features of the lyrical story are analyzed in detail; these features (orientation towards one’s own war experience, focus on documentary narration, attention to detail) will be developed in later works. The hero and the author of the “lieutenant prose” are representatives of the 1920s generation that played a special role in the history of the Great Patriotic War. This commonality between the author and the hero determines the lyrical tone of the narrative and its structure. This commonality also makes it difficult to distinguish the positions of the author and the hero, and to keep the distance between them that is necessary for the aesthetic completeness of the hero’s character, not allowing to subordinate the hero to the author or vice versa. In the first case the hero is treated as a contemporary of the author, while in the second one he is idealized. The dynamics and difficulties of the relationship between the author and the hero in the aesthetic process are revealed in the evolution of the artistic system of Vasil Bykov.

Keywords: Great Patriotic War; “lieutenant prose”; military prose; V. Nekrasov; G. Baklanov; Yu. Bondarev; V. Bykov; G. Granin; author; hero; narrative monologue; long story; lyrical long story; artistic details; autobiographism

For citation: Moiseeva V.G. (2025) The Hero and the Author of “Lieutenant Prose”. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 23–35.

В 1946 году — в первый послевоенный год — увидели свет сразу несколько знаковых для военной литературы произведений: «Спутники» В. Пановой, «С фронтовым приветом» В. Овечкина, «Звезда» Э. Казакевича, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Люди с чистой совестью» П. Вершигоры и «В окопах Сталинграда» В. Некрасова — повесть, которую считают первой в ряду произведений «лейтенантской» прозы. Если быть более точными, в журнале «Знамя» в 1946 году (номера 8–10) был опубликован роман Некрасова «Сталинград», однако при отдельном издании с учетом прозвучавшей в адрес произведения критики произведению было возвращено

то название, под которым оно поступило в издательство журнала «Знамя», — «В окопах Сталинграда» (первоначальное авторское название «На краю земли») [Ржевская 2001]. В последующие годы в спорах о том, какой должна быть литература о Великой Отечественной войне, словосочетание «окопная правда» — с явной или скрытой отсылкой к повести Некрасова — станет обозначением художественного стиля, определяющим признаком которого является ориентация писателя на личный военный опыт.

«Мысль написать повесть про Сталинград родилась у меня еще в армии. Родилась, правда, не в самом Сталинграде — там просто не было времени об этом думать, — а через год, в резерве, незадолго до начала Никопольской операции. Но в резерве мне удалось написать только шесть страниц. Началось наступление. Продолжить писать удалось только через полтора года — в Киевском Окружном госпитале, в конце 1944 года» [Некрасов 1947]. Некрасов пишет о событиях, от которых его отделяет временная дистанция меньше чем в два года, событиях, не ставших еще фактом исторического прошлого, — это часть исторического события, длящегося в настоящем. И он выбирает форму повествования, позволяющую представить изображаемое в двух временных парадигмах — длящегося настоящего и заверченного прошлого. Читатель точно знает, когда происходили описанные в повести события: сентябрь 1942 — январь 1943 года, и где — «в окопах Сталинграда». Однако первая же фраза: «Приказ об отступлении приходит всегда неожиданно» — переносит читателя внутрь события. Повествование ведется от лица главного героя повести Юрия Керженцева. Его рассказ не воспоминания о прошлом, на которые накладывает отпечаток работа памяти, преобразующая это прошлое под влиянием разных факторов (временная дистанция, изменения, произошедшие с самим человеком и др.), производящая отбор определенного материала. Керженцев-повествователь и Керженцев — участник событий сосуществуют в одном временном и пространственном измерении. История не пишется, а рассказывается Керженцевым. Подобная художественная иллюзия создается благодаря использованию разговорных оборотов речи, глагольных форм настоящего времени. *Praesens historicum* (настоящее историческое) выполняет разные функции в тексте: служит для эмоционального воздействия на адресата, «погружает» его в хронотоп представляемых событий.

Автобиографизм образа Юрия Керженцева очевиден: он, как и Виктор Некрасов, до войны жил в Киеве, где сейчас его ждет любимая мама, по профессии — архитектор, военная должность — инженер полка. Обратим внимание, что фактом биографии героя не стало авторское увлечение театром, есть небольшая разница

в возрасте (Керженцеву 28 лет, столько было Некрасову в 1939 году). Эти детали важны для обозначения временной и психологической дистанции между автором и героем, необходимой для обретения образом героя художественной, эстетической целостности. М.М. Бахтин дает общую формулу основного эстетически продуктивного отношения автора к герою как «отношения напряженной вненаходимости автора всем моментам героя, пространственной, временной, ценностной и смысловой вненаходимости, позволяющей собрать *всего* героя <...> и восполнить *до целого* теми моментами, которые в нем самом недоступны <...> и оправдать и завершить его помимо смысла, достижений, результата и успеха его собственной направленной вперед жизни». Это «отношение глубоко жизненно и динамично: позиция вненаходимости завоевывается, и часто борьба происходит не на жизнь, а на смерть, особенно там, где герой автобиографичен...» [Бахтин 1994: 98].

Кто же он — герой, создаваемый Некрасовым из фактов собственной биографии и военного опыта как личность близкая, но не равная автору? Юрий Керженцев — из поколения 20-летних офицеров и солдат Великой Отечественной войны. Юрий Керженцев, как пишет И. Виноградов, — «обычный, нормальный интеллигентный человек. Но только человек с той нравственной культурой, которая присуща далеко не всякому интеллигенту» [Виноградов 1968: 245]. Эта «человеческая нормальность» и является доминантой характера Керженцева. Керженцев не наделен какими-то яркими чертами характера, он сдержан в выражении своих эмоций и мыслей, характер его раскрывается в сюжете и повествовательном монологе.

Отличительные черты стиля повествования — лапидарность, простота, скрытая эмоциональность, особое внимание к деталям. Такая форма ведения рассказа предполагает доверие к адресату, способному понять, например, трагизм ситуации, переданной в кратком описании блиндажа с ранеными: «Перебираемся в соседний блиндаж, где лежат раненые. Их четыре человека. Один бредит. Он ранен в голову. Говорит о каких-то цинковых корытах. У него совершенно восковое лицо и глаза все время закрыты. Он, вероятно, умрет. Убитых мы не закапываем. Мины свистят и рвутся без передышки». Детали в произведении, по выражению Ё. Добина, с «периферии» переносятся в центр художественного повествования, «прямо относятся не только к окружению, но и к ядру повествования, к образному целому» [Добин 1981: 301]. Об этой смысловой нагруженности детали говорит и Керженцев, выражая здесь, безусловно, авторскую мысль: «Есть детали, которые запоминаются на всю жизнь. И не только запоминаются. Маленькие, как будто незначительные, они въедаются, впитываются как-то в тебя,

начинают прорастать, вырастают во что-то большое, значительное, вбирают в себя всю сущность происходящего, становятся как бы символом. Я помню одного убитого бойца. Он лежал на спине, раскинув руки, и к губе его прилип окуроч. Маленький, еще дымящийся окуроч. И это было страшней всего, что я видел до и после на войне. Страшнее разрушенных городов, распоротых животов, оторванных рук и ног. Раскинутые руки и окуроч на губе. Минуту назад была еще жизнь, мысли, желания. Сейчас — смерть». В приведенном фрагменте важна не только мысль о знаковости детали, но и сам приведенный героем пример — деталь, символизирующая трагичность оборванной на полуслове жизни, воплощающая в себе экзистенцию трагического в бытии человека на войне. Понимание этого определяет особое внимание Керженцева практически к каждому встреченному им человеку. На страницах повести «присутствует» более полусотни действующих лиц, но даже эпизодический персонаж не остается безликим, хотя бы в нескольких словах говорится о манере поведения или чертах характера или дается портретная зарисовка: «коренастый, похожий на породистого бульдога, немолодой уже Каппель... В землянку заглядывает штабной писарь — рыхлый, круглолицый сержант... Снаряжает их [мины] маленький, юркий, похожий на жучка боец из батальона, в прошлом сапер». Это примеры характеристики героев, которые появляются в повествовании единожды. Методичность в представлении даже самых незначительных персонажей может показаться несколько навязчивой, если забыть о том, что ее определяет и что обострено ситуацией войны, — уважение к жизни каждого человека, а для автора еще и важность сохранения памяти о тех, с кем довелось пройти дорогами войны. В этом проявляется гуманизм повести Некрасова и масштабность мировосприятия его героя: мерой всего является человек, понимание безусловной ценности его жизни и безграничности его духовного потенциала.

Возникшая после публикации произведения полемика показала, что критики в большинстве своем этого в повести не увидели. По мнению одного из них, Юрий Керженцев лишен всякого интеллектуального кругозора, он ничего не знает и не видит, «кроме своей собственной частной задачи, кроме того узкого участка фронта, на котором он действует» [Громов 1947: 169], и делается вывод, что «в центральном герое книги больше всего сказывается ее главный недостаток — отказ автора от историзма в осмыслении событий» [Громов 1947: 170]. Через более чем 40 лет, когда повесть вернется к читателю в России, схожий упрек герою и автору прозвучит в статье В. Кардина. Меняются идеологические парадигмы, но, как ни парадоксально, — при всем доброжелательном отношении и высокой

оценке повести в целом — претензии остаются прежние. Только теперь «зашоренность» героя критик видит в его нежелании оглядываться назад, задумываться о причинах неудач войны, о неготовности к войне и о личной ответственности за это каждого, и далее претензии к герою переносятся на автора: «Складывается впечатление, будто В. Некрасов в какие-то минуты улавливает зашоренность умного, симпатичного ему (и нам) Керженцева. Впечатление, конечно, обманчивое. Писатель не замечает этой зашоренности <...> Но его, Некрасова, безупречная правдивость сама собой подводила к сложностям более серьезным, чем рисовалось поначалу. Возникали непредвиденные дилеммы, непредусмотренные загадки» [Кардин 1989: 140]. Конечно, эти «непредвиденные дилеммы, непредусмотренные загадки» возникали не вопреки или помимо воли автора: созданный Некрасовым психологический тип героя-повествователя делал художественно оправданным отсутствие в тексте разного рода идеологизированных рассуждений, позволял уберечь повествование от ложной патетики и героики. Писатель точно определил те границы, в пределах которых керженцевское видение войны остается исторически и художественно убедительным. В 1981 году, возвращаясь к истории написания повести, Некрасов на вопрос о полноте правдивости данной в ней картины войны ответит: «О правде. Вся ли она? В основном вся. На девяносто девять процентов. Кое о чем умолчал — один процент» [Некрасов 1991: 618].

Образ главного героя, соотносимость позиций героя и автора, внеаходимость последнего по отношению к герою и вместе с тем очевидная близость определяют архитектуру текста в целом, его жанровую специфику. Лирическая повесть — жанр, который получит развитие в «лейтенантской» прозе конца 1950-х — начала 1960-х; более того, по мысли исследователей, новая жанровая модель с совершенно определенной стилиевой тональностью стала «структурным ядром течения». «Эту жанровую модель <...> мы называем фронтовой лирической повестью. В ее конструктивных и экспрессивных качествах оформилась и развилась новая эстетическая семантика» [Лейдерман, Липовецкий 2003: 164], черты которой определяет образ героя: «Выбор на роль центрального персонажа молодого фронтовика и сосредоточение дискурса в зоне его сознания обусловили всю структуру и фактуру фронтовой лирической повести — ее проблематику и конфликты, сюжетику и хронотоп, изобразительность и выразительность» [Лейдерман, Липовецкий 2003: 166].

В течение нескольких лет были опубликованы произведения, которые и сформировали представления читателей и критиков о новом течении военной прозы: «Южнее главного удара» (1957) и «Пядь земли» (1959) Г. Бакланова (1923 г.р.), «Батальоны просят

огня» (1957) и «Последние залпы» (1959) Ю. Бондарева (1924 г.р.), «Журавлиный крик» (1961), «Третья ракета» (1962) и «Фронтовая страница» (1963) В. Быкова (1924 г.р.), «Звездопад» (1961) В. Астафьева (1924 г.р.), «Крик» (1962) и «Убиты под Москвой» (1963) К. Воробьева (1919 г.р.), «Один из нас» (1962) В. Рослякова (1921 г.р.), — позднее к названным авторам добавятся имена А. Адамовича (1926 г.р.), В. Кондратьева (1920 г.р.), Е. Носова (1925 г.р.).

«Лейтенантская» проза — явление, если можно так сказать, поколенческое: ее авторы — в основном родившиеся в первой половине 1920-х — рассказывают о военной судьбе своего поколения, которому суждено было со школьной или студенческой скамьи шагнуть в окопы Великой Отечественной и на долю которого выпали самые большие потери в «человеческой силе». Философ и писатель, участник войны Александр Зиновьев (1922 г.р.) говорил об особой исторической роли своего поколения: «Мое поколение свою историческую роль выполнило. Ни с каким другим поколением победа была бы невозможна... хотя в войне участвовало и более старшее и более молодое поколение, общий моральный, идеологический, психологический тон задавали люди моего поколения» [Зиновьев 2016: 126].

В лирике поэтов этого поколения чувство общности передано в образе «коллективного» лирического героя: лирическое «мы» вбирает в себя лирическое «я» (например, стихотворение Н. Майорова (1919 г.р.) «Мы» (1940)). Перед нами не просто поэтический прием создания собирательного образа поколения, появление такого лирического «мы» определяется внутренним чувством единства судьбы и мировосприятия, которое отличало людей этого поколения и в полной мере проявилось в годы Великой Отечественной.

Ю. Бондарев писал об одном из своих персонажей: у «капитана Новикова — и взрослого, и “мальчика, рано начавшего носить оружие”, — много прототипов. Я не списывал этот образ с определенного человека. Я хотел отдать все значительные черты моего воевавшего поколения этому герою и пытался создать образ в какой-то степени типичный в моем понимании того времени. Не скрою, мне хотелось, чтобы капитана Новикова полюбили. Видимо, каждый неравнодушен к своему поколению и хочет напомнить о нем с ревнивой любовью. То же самое, что я говорил о Новикове, относится и к образам Лены, и младшего лейтенанта Алешина, и лейтенанта Овчинникова, к солдатам Колокольчикову, Горбачеву, Сапрыкину» [Бондарев 2024: 228].

Поэт Давид Самойлов (1920 г.р.), как и авторы «лейтенантской» прозы, только спустя годы после войны обратившийся к теме судьбы своего поколения, в стихотворении 1961 года «Сороковые» дает

поэтический эквивалент литературоведческой характеристики темы, героя и авторской позиции, определяющей видение героя, всей «лейтенантской» прозы.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось...
Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые!..
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

То, что «лейтенантская» проза всегда не только «о времени», но и «о себе», придает лирическую тональность повествованию независимо от его формы (неперсонифицированное, от 3-го или от 1-го лица), временной дистанции и степени автобиографизма героев. Этим же определяется и сложность разграничения позиций автора и героя, сохранения дистанции между ними, необходимой для эстетической завершенности образа героя, опасность подчинения героя автору (в этом случае происходит своего рода осовременивание героя) или наоборот (что проявляется в идеализации героя). Тенденция к первому наблюдается в произведениях Бакланова, когда мысли автора приписываются герою, второго — в прозе Ю. Бондарева, когда в образе героя проступают черты героико-романтического идеала автора. В обоих случаях результатом становится то, что «кончается эстетическое событие и начинается этическое (памфлет, манифест, обвинительная речь, похвальное и благодарственное слово, брань, самоотчет-исповедь и проч.)» [Бахтин 1994: 104].

Динамику и, можно сказать, драматизм отношений автора и героя в эстетическом процессе можно наблюдать в эволюции художественной системы Василя Быкова — одного из авторов «лейтенантской» прозы, остававшегося на протяжении многих десятилетий верным определенной в первых произведениях теме. О ранних повестях Быкова И. Дедков писал: «“внезаходимость” автора обеспечена прежней “находимостью” его в той самой жизни, что стала предметом изображения и нового постижения, не потому ли эта “внезаходимость” так трудно дается» [Дедков 1990: 148]. Трудности эти проявляются прежде всего в схематизации образов отрицательных героев: автор не желает «входить в положение человека, “запродавшегося злу”» [Дедков 1980: 103], и перед читателем появляется «не столько реальный характер, сколько система взглядов» [Адамович 1974: 196]. В поиске средств разграничения сферы автора и героя Быков в начале 1960-х обращается к романтической образности

(повесть «Альпийская баллада», 1963). Но романтизация действительности, видимо, изначально чужда природе быковского таланта, поэтому в дальнейшем будет использоваться им как вспомогательное художественное средство, не определяя жанровую специфику произведения. Когда во второй половине 1960-х — начале 1970-х Быков публикует произведения, в которых выкристаллизовываются основные черты быковской повести-притчи, критика по инерции прочтения ранних повестей как прежде всего лирических уравнивает позиции автора и героя, поэтому почти общим местом в статьях становятся мысли о нравственном ригоризме и максимализме Быкова. При этом в стороне остается вопрос о реалистичности и отсутствии открытой дидактики в его произведениях, к появлению которой неизбежно бы привело слияние позиций автора и героя. На этот парадокс оценки прозы писателя обратила внимание Л.А. Колобаева: «Нравственный максимализм — это оценки, в которых несущественны степени вины, это суд по безусловному закону — все или ничего. Романтизм по происхождению своему коренится в романтическом мироощущении и потому так или иначе связан с романтическим типом художественного творчества. В. Быков от такого типа творчества далек. Нравственный же максимализм присущ некоторым героям В. Быкова, принадлежит самим этим героям, а не автору, выступает лишь как момент их развития и расценивается художником со строго реалистических позиций» [Колобаева 1975: 39]. Жанровая структура повестей Быкова этого периода обуславливается образом героя-протагониста, чья точка зрения близка авторской, но не равна ей: авторская позиция включает в себя отношение к миру героя-протагониста как положительному нравственному и психологическому примеру, но не сводима к нему. Выработанная писателем художественная модель позволила на достаточно большой временной дистанции от изображаемых событий создавать реалистически достоверные, несущие в себе философское обобщение произведения, в которых обстоятельства и герои Великой Отечественной войны, как и в ранних повестях, существуют в *praesens historicum*, а не *past historicum* — если понимать эти термины расширительно, как характеристику не только повествовательной структуры, а хронотопа художественного текста в целом. Сказанное об особенностях хронотопа повестей Быкова второй половины 1960-х годов и более поздних можно распространить на «лейтенантскую» прозу этого времени в целом, собственно, о принадлежности названных произведений к названному течению мы можем говорить только в том случае, если в тексте находит выражение «поэтика участника» (термин С. Бочарова), что снимает историческую дистанцию между прошлым и настоящим, принципиально

отличает прозу этого типа от исторической: «В одном случае прошлое хотя и сохраняет для нас значимость (как всякое достойное прошлое), все же выступает как нечто завершенное в себе, “закрытое” в себе (Гегель) и ставшее достоянием истории. В другом — прошлое открыто современности и ее проблемам, оно продолжает жить в настоящем как нечто еще неразрешенное и разрешаемое в нашем сознании только сейчас» [Утехин 1982: 82–83].

Эволюция Быкова репрезентативна для «лейтенантской» прозы и в плане представления проблематики, определяющей ее содержательный центр. Для авторов этого течения всегда на первом месте вопросы этического характера, которые могут иметь нравственно-социальную, психологическую, философскую окрашенность. Нравственный конфликт занимает центральное место в их произведениях, форма его конкретного проявления может быть разной (столкновение с предательством, трусостью, бездумным, иногда и преступным в отношении жизней людей командованием и т. д.), однако практически всегда значение этого конфликта, определяемого военной ситуацией, не исчерпывается внутри нее, он корреспондирует с теми противоречиями современности, с которыми читатели сталкиваются в мирной жизни. Можно сказать, что произведения «лейтенантской» прозы с ее утверждением безусловной ценности человеческой жизни, категорий добра и доброты оказали заметное влияние на формирование нравственных ориентиров теперь уже поколения конца 1940-х — начала 1950-х годов.

«Лейтенантская» проза — явление временное, верхняя граница определяется обстоятельствами экстралитературными, абсолютно объективными: уходом из жизни людей поколения 1920-х годов. По-видимому, последней в хронологии истории этого литературного течения и своего рода итогом стала повесть Д. Гранина (1919 г.р.) со знаковым названием — «Мой лейтенант» (2011). Повесть предваряет эпиграф-диалог:

«— Вы пишете про себя?

— Что вы, этого человека уже давно нет».

В повести этот переход от времени героя в *praesens historicum* к *past historicum* отражен в подвижности границ сферы героя и сферы автора: повествовательное «я» вбирает в себя слово героя — участника обороны Ленинграда во время блокады, и слово автора — того, кто рассказывает о событиях спустя многие десятилетия и оценивает их с учетом приобретенного за эти годы знания и опыта, одновременно с этим появляется образ лейтенанта Д. — человека, которого уже «давно нет», со своей правдой, системой ценностей, реакцией на события: «То, что происходило дальше, происходило не со мной, от меня отделился лейтенант Д. Не подозревал, что во мне

существует такая личность <...> На фото Андрей Корсаков стоит рядом, через него я вижу и себя. Какие мы молодые, какие глупые! Как моя судьба могла довериться мне? <...> почему опять я выбрал войну? <...> Не могу понять я этого Д. Вглядываюсь в свою фотографию тех лет, в свою бледную исхудалую физиономию — нет ответа. <...> Многое мы сохранили, да вот людей не сохранили. Они уходили, почти все ушли, кто куда. Среди них я вдруг увидел моего лейтенанта <...> Совсем молодой, тоненький, перетянутый ремнем, густая шевелюра торчала из-под лихо сдвинутой фуражки. Сбоку болталась планшетка. Он мне нравился. Хотя, честно говоря, порядком надоел. Надоела его наивность, доверчивость, он никак не мог понять, что со мной произошло. Конечно, жаль, что мы расстаемся, но пора жить без него, без его мечтаний и упреков».

Как видим, отношения автора и героя складываются сложно, даже конфликтно, однако подвижность в повествовании границы между «я» и «он», в большинстве случаев отсутствие явной мотивированности перехода от «он» к «я» и само название произведения, использование местоимения «мой» свидетельствуют о том, что конфликт этот, декларируемый автором, «снимается» в самом повествовании — никуда и никогда не уйдет лейтенант Д. Автор и герой объединены тем коллективным «мы», которое часто фигурирует, появляется, возникает и в тексте повести Д. Гранина, — они оба представители поколения 1920-х годов. Тем и интересна повесть, написанная уже в XXI веке: мы имеем возможность видеть не только начало, но и итоги исторического пути поколения, во много определившего судьбу России, нравственные ориентиры общества, развитие русской прозы во второй половине XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адамович А.М.* Горизонты белорусской прозы: Лит.-критич. очерки. М., 1974.
2. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев, 1994. С. 69–255.
3. *Бондарев Ю.* Моим читателям // Бондарев Ю.В. Горячий снег. Взгляд в биографию: Сборник. М., 2024. С. 227–234.
4. *Виноградов И.* На краю земли // Новый мир. 1968. № 3. С. 227–247.
5. *Громов П.* Герой и время // Звезда. 1947. № 4. С. 166–174.
6. *Дедков И.* Василь Быков. Повесть о человеке, который выстоял. М., 1990.
7. *Добин Е.* Искусство детали // Добин Е. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л., 1981. С. 300–430.
8. *Зиновьев А.А.* На коне, танке и штурмовике. Записки воина-философа. М., 2016.
9. *Кардин В.* Виктор Некрасов и Юрий Керженцев // Вопросы литературы. 1989. № 4. С. 113–148.
10. *Колобаева Л.А.* Партизанские повести В. Быкова (история и современность) // Филологические науки. 1975. № 3 (87). С. 34–40.

11. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: пособие для студ. высш. учеб. заведений. В 2 т. Т. 1. 1953–1968. М., 2003.
12. Некрасов В. Моя работа над повестью «В окопах Сталинграда» // Радянське мистецтво. 18 июня 1947 г. № 25 (115) С. 2 / Перевод с украинского Юрия Мершчия. [Электронный ресурс]. URL: <https://nekrasov-viktor.com/Books/Nekrasov-Moya-rabota-nad-povesty-V-okopakh-Stalingrada/> (дата обращения: 22.03.2025).
13. Некрасов В. Через сорок лет... // Некрасов В. Записки зеваки. Роман. Повести. Эссе. М., 1991. С. 611–622.
14. Ржевская Е. Это было в Москве, в Киеве, в Париже... О Викторе Некрасове // Дружба народов. 2001. № 6. С. 7–22.
15. Утехин Н. Жанры эпической прозы. Л., 1982.

REFERENCES

1. Adamovich, A.M. *Gorizonty belorusskoy prozi: Lit.-kritich. ocherki* [Horizons of Belarusian prose: Literary essays]. Moscow, *Soviet Writer Publ.*, 1974. 318 p. (In Russ.)
2. Bakhtin, M.M. *Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti* [Author and hero in aesthetic activity]. In: Bakhtin M.M. *Raboty 20-kh godov* [Works of the 20s]. Kiev, *Next*, 1994, p. 69–255. (In Russ.)
3. Bondarev, Yu. *Moim chitatel'nyam* [To my readers]. In: Bondarev Yu.V. *Goryachiy sneg. Vzgl'yad v biografiyu: Sbornik* [The Hot Snow. A Look into Biography: Collection]. Moscow, *AST Publ.*, 2024, p. 227–234. (In Russ.)
4. Vinogradov, I. *Na krayu zemli* [On the edge of the earth] *Novy mir*. 1968. No. 3, p. 227–247. (In Russ.)
5. Dedkov, I. *Vasil Bykov. Povest o cheloveke, kotoriy vystoyal* [Vasil Bykov. The Story of the Man Who Stood Up and Survived]. Moscow, *Soviet Writer Publ.*, 1990. 308 p. (In Russ.)
6. Dobin, E. *Iskusstvo detali* [The Art of Detail]. In: Dobin E. *Syujet i deystvitelnost. Iskusstvo detali* [Narrative and reality. The art of detail]. Leningrad, *Soviet Writer Publ.*, 1981, p. 300–430. (In Russ.)
7. Gromov, P. *Geroy i vremya* [Hero and Time]. *Zvezda* [Star]. 1947. No. 4, p. 166–174. (In Russ.)
8. Zinoviev, A.A. *Na kone, tanke i shturmovike. Zapiski voyna-filosofa* [On horse, tank and attack aircraft. The writings of soldier-philosopher]. Moscow, *TD Algorithm Publ.*, 2016. 240 p. (In Russ.)
9. Kardin, V. *Viktor Nekrasov i Yuri Kerzhentsev* [Viktor Nekrasov and Yuri Kerzhentsev]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 1989. No.4, p. 113–148. (In Russ.)
10. Kolobaeva, L.A. *Partizanskije povesti V. Bykova (istoriya i sovremennost)* [The Partisan Stories of V. Bykov (History and Modernity)]. *Filologicheskie nauki* [Philological Disciplines]. 1975. No. 3 (87), p. 34–40. (In Russ.)
11. Leyderman, N.L., Lipovetsky, M.N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e goda: posobie dlya stud. vissh. ucheb. zavedeniy* [Modern Russian Literature: 1950 — 1990s: study guide for students of higher education institutions]. In 2 vol. Vol. 2. 1953–1968. Moscow, *Academy Publishing Center*, 2003. 412 p. (In Russ.)
12. Nekrasov, V. *Cherez sorok let...* [Forty Years Later...] In: Nekrasov V. *Zapiski zevaki. Roman. Povesti. Esse* [Notes of an Onlooker. Novel. Stories. Essays]. Moscow, *Slovo Publ.*, 1991, p. 611–622. (In Russ.)
13. Nekrasov, V. *Moya rabota nad povestyu «V okopakh Stalingrada»* [My Work on the Novel «In the Trenches of Stalingrad»]. *Radyanske miststvo*. June 18, 1947, No. 25 (115) p. 2. *Perevod s ukrainskogo Yuriya Mershchiiy* [Translated from the Ukrainian

by Yuri Mershchiy]. [Electronic resource]. URL: <https://nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Moya-rabota-nad-povesty-V-okopax-Stalingrada/> (accessed: 22.03.2025). (In Russ.)

14. Rjevskaya, E. Eto bilo v Moskve, v Kieve, v Parije... O Viktore Nekrasove [It was in Moscow, in Kiev, in Paris... About Viktor Nekrasov]. *Druzhba narodov*. 2001. No. 6, p. 7–22. (In Russ.)
15. Utexin N. *Janri epicheskoy prozi* [Genres of Epic Prose]. Leningrad, *Nauka*, 1982. 412 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.02.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 29.04.2025

Received 15.02.2025

Accepted 22.04.2025

Revised 29.04.2025

ОБ АВТОРЕ

Моисеева Виктория Георгиевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; moisvik44@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Victoria Moiseeva — PhD, Senior Researcher, Laboratory “Russian Literature in the Modern World”, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; moisvik44@gmail.com

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВОЙНЫ В РОМАНЕ К.М. СИМОНОВА «ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ»

И.Н. Коржова

Московский университет «Синергия», Москва, Россия; clean24@yandex.ru

Аннотация: Последний роман К.М. Симонова «Так называемая личная жизнь», посвященный событиям Великой Отечественной войны, вбирает в себя сюжеты и мотивы военных дневников писателя, его очерков и рассказов военной поры и поэзии того же периода. Претексты не просто дают материал для изображения, но включаются в смысловое поле произведения. Проза входит в роман через вымышленные тексты, корреспонденции Лопатина, имеющие прообразы в собственном творчестве Симонова. Поэзия введена через прямые цитаты (реже аллюзии) и актуализирует значимые для Симонова топосы военной поры. Стратегии изображения войны, данные в претекстах, сменяются в романе иным подходом, но важен сам факт их присутствия, создающего эффект наложения нескольких позиций. Подзаголовок романа, «Из записок Лопатина», является нарративным парадоксом, поскольку текст написан от третьего лица. Указывая на фокусирующую роль героя, писатель заявляет о новой стратегии изображения войны в прозе — через сознание человека, вбирающее весь опыт жизни, не только фронтовой. Благодаря подзаголовку и рефлексии принципов создания текста в самом романе, найденная стратегия является принадлежностью как автора, так и героя.

Ключевые слова: Симонов; Великая Отечественная война; автоинтертекст; роман о романе; заглавие; национальная топика

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-4

Для цитирования: Коржова И.Н. Художественные стратегии изображения войны в романе К.М. Симонова «Так называемая личная жизнь» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 36–47.

ARTISTIC STRATEGIES FOR DEPICTING WAR IN K.M. SIMONOV'S NOVEL *THE SO-CALLED PERSONAL LIFE*

I. Korzhova

Moscow University "Synergy", Moscow, Russia; clean24@yandex.ru

Abstract: K.M. Simonov's latest novel, *The So-called Personal Life*, which focuses on the events of the Great Patriotic War, incorporates the plots and motifs of

the writer's war diaries, his essays and short stories from the war period, and poetry from the same period. Pretexts do not just provide material for the image, but are included in the semantic field of the work. Prose enters the novel through fictional texts, Lopatin's correspondence, which have prototypes in Simonov's own work. Poetry is introduced through direct quotations, less often allusions, and introduces wartime topoi significant for Simonov. The strategies for depicting war given in the text are replaced in the novel by others, but the very fact of their presence is important, creating an effect of overlapping several points of view. The novel's subtitle, "From Lopatin's Notes", is a narrative paradox, since the text is written in the third person. Pointing to the hero's focusing role, the writer declares a new strategy for depicting war in prose — through human consciousness absorbing the entire experience of life, not only military. Thanks to the subtitle and reflection of the principles of text creation in the novel itself, the strategy found is the property of both the author and the hero.

Keywords: Simonov; Great Patriotic War; auto-intertext; novel about a writer; title; national topic

For citation: Korzhova I.N. (2025) Artistic Strategies for Depicting War in K.M. Simonov's Novel *The So-called Personal Life*. *Lomonosov Philology Journal*. Series 9. *Philology*, no. 3, pp. 36–47.

«Так называемая личная жизнь. (Из записок Лопатина)» (1956–1978) К.М. Симонова — последнее крупное произведение писателя; это роман, состоящий из трех повестей: «Четыре шага», «Двадцать дней без войны», «Мы не увидимся с тобой...». Причем первая из них тоже собиралась из отдельных рассказов, часть из которых «отделилась» от романа «Живые и мертвые».

Эта поздняя проза писателя, думается, порождена поиском еще одного, точного и правдивого, ракурса осмысления войны, но выбирает опыт написанного им ранее. В задачи статьи входит изучение способов подключения различных пластов автоинтертекста, выявление функции таких отсылок и определение специфики изображения войны в романе.

Роман является в некотором смысле психологическим анахронизмом. Произведение посвящено старшему поколению фронтовых корреспондентов. Писатель, кажется, максимально отдаляет от себя своего героя. Василий Николаевич Лопатин, 1896 года рождения, старше Симонова на 19 лет. Но уже ко времени завершения первой повести автор догнал героя по возрасту. Лопатин позволил Симонову с его зрелым опытом как бы заново прожить войну, а не просто вспомнить ее. Самый чуткий критик писателя, его друг Л.И. Лазарев прямо называл Лопатина «лирическим героем Симонова» [Лазарев 1985: 281].

Роман все время размыкает собственное пространство за счет текстов реальных и вымышленных и опирается на три пласта на-

писанного Симоновым. Это, во-первых, его военные дневники, которые вместе с позднейшими комментариями писателю удалось опубликовать незадолго до завершения романа под названием «Разные дни войны» (1974–1975). Во-вторых, корреспонденции и рассказы военной поры. И, наконец, стихотворения того же времени. Многочисленные общие эпизоды в дневниках Симонова, в его малой прозе и тексте романа выявлены Л.А. Финком [Финк 1979], при этом исследователь подходит к ранним произведениям скорее как к источникам романа. Л.И. Лазарев [Лазарев 1985] сосредоточен на сопоставлении текстов, привлекая лирику Симонова и отмечая трансформацию женского образа. Ему же принадлежит лаконичное определение характера межтекстовых связей романа: «Памятью рассудка роман о Лопатине связан с “Разными днями войны”, памятью сердца — со стихами военных лет, главным образом с циклом “С тобой и без тебя”» [Лазарев 1985: 290].

Предложенный в статье ракурс изучения автоинтертекста связан с тем, что ранние произведения не просто используются как источник — они различным образом вводятся в роман как параллельно существующий текст, воплощающий иную стратегию постижения войны. Эти отсылки к написанному ранее, в иных условиях, с иными задачами, но, что важно для Симонова, с более короткой дистанции, задают некоторую полифонию позиций.

В романе неоднократно возникает вопрос о возможности для военного корреспондента вынести на страницы газеты реальные впечатления от фронтовых поездок и встреч. Помогают подключить прозаические претексты, а также артикулировать проблему осмысления войны некоторые «тексты-фантомы» — корреспонденции Лопатина, в которых узнаются конкретные очерки Симонова¹. Корреспонденции не приводятся целиком, а лишь упоминаются, само же повествование является своего рода восполнением этих «незримых» текстов, осмыслением того, о чем невозможно было рассказать в газете, но сказанное в ней не разоблачается как неправда.

Несколько наиболее важных корреспонденций, именно те, из-за которых происходит спор с редактором, имеют названия. Споры героев позволяют Симонову поставить вопрос о допустимой степени искренности журналиста, а также рассмотреть иные, нежурналистские подходы к освещению войны. Первое разногласие связано с очерком «В освобожденном городе» — о сложных мотивах, которые побуждали местных жителей работать при фашистах. Речь не шла

¹ «Смерть за смерть» («Красная звезда», 1941, 27 сентября, с. 4), «Разоблаченная шпионка» («Красная звезда», 1941, 28 сентября, с. 4), «В разведке» («Красная звезда», 1941, 23 ноября, с. 3), «Общий язык» («Красная звезда», 1941, 30 ноября, с. 4).

о предательстве. Для многих это было единственной возможностью поддержать себя и семью. Редактор снимает очерк, поскольку тот может сыграть на руку фашистам. Из воспоминаний Д.И. Ортенберга, бывшего редактором «Красной звезды», известно, что с очерком под тем же названием вернулся из Одоева и сам Симонов. Ортенберг, процитировав роман, заключает: «Эта сцена воспроизведена Симоновым в романе, можно сказать, с натуры» [Ортенберг 1984: 340]. Но в романе мы читаем уже не сам осторожный очерк Лопатина, а знакомимся с живыми впечатлениями героя.

Некоторые материалы Лопатина хотя и вызывают недовольствие редактора, но в номер идут. Споры об их названии — споры о том, каким должно быть освещение войны. Так, корреспонденция, которую Лопатин должен написать после неудачных боев за Ржев, имеет три потенциальных заголовка. Гурский, остроумный журналист, автор большинства передовиц, сообщает герою задание редактора: «Отб-бывая на фронт, п-приказал, чтобы ты написал что-нибудь обобщающее на д-два подвала: та зима и эта. Год н-нынешний и год м-минувший. Могу подарить тебе это название лично от себя» [Симонов 1979–1987, 7: 184]. Лопатин начинает сравнивать наступления конца 1941 и 1942 годов, пишет трудно и в результате фактически подменяет тему. Он решает, что назовет очерк «Вторая зима»² и расскажет лишь про один полк.

Гурский предлагает действительно броское, аллюзийное название. Лопатин же отказывается в пользу, казалось бы, менее удачного. Но заголовок Гурского не просто предполагал сравнение, но и утверждал большую значимость второго года. Лопатин, как и его автор, далек от подобной однозначной оценки. Напротив, наступление 1942 года неуспешно и предпринято с целью не дать фашистам перебросить резервы на юг. «И если бы можно было вот так откровенно и написать про это, все сразу стало бы на свое место. Но как раз об этом и нет права писать» [Симонов 1979–1987, 7: 197]. Название «Вторая зима» уже не предполагает оценок в рамках бинарных оппозиций, сравнение может привести и к более сложным выводам.

В итоге Лопатин пишет о том, как полк с третьей попытки берет колхозную усадьбу. Но, взяв принципиально «поуже», что признает и сам, он не отказывается от масштабного заголовка. Второй год и складывается из таких тяжелых изнурительных боев, где родная земля возвращается по километрам. Для самого Лопатина нет противоречия между содержанием и названием. Но оно есть в сознании редактора, Матвея:

² Из опубликованных очерков Симонова ни один не имеет схожего заглавия, зато последняя часть его эпической трилогии названа «Последнее лето».

«— Обобщения-то у тебя не получилось!
— Не получилось, — согласился Лопатин.
— Какая же это “Вторая зима”? — Редактор перечеркнул название “Вторая зима” и поставил вместо него “В одном из полков”. — Вот теперь — соответствует» [Симонов 1979–1987, 7: 199].

Эти заголовки не просто отражают содержание текста, но и становятся способом осмысления войны, формой спора о важном и неважном на ней.

Второй пример альтернативных заглавий для одного несуществующего текста — корреспонденция Лопатина «Ночь как ночь»³. Герой знает, что сама тема, точно отраженная в заголовке, вызовет неудовольствие редактора: Лопатин хочет рассказать о мыслях офицера в ночь перед боем. По предполагаемому содержанию и времени написания (весна 1944 г.) этот очерк близок к рассказу «Перед атакой» самого Симонова — произведению, которое писатель считал «одним из своих наиболее точных <...> рассказов военного времени» [Симонов 1979–1987, 9: 322]. В романе редактор критикует, собственно, сразу текст и заголовок: «Все тянет заранее объяснить, что ничего особенного не произойдет. Раз ночь как ночь — чего ж тут читать?» [Симонов 1979–1987, 7: 399]. Он ценит недосказанность, способность заголовка заинтриговать читателя. Альтернативное название как бы с позиции редактора, выражая в данном случае его взгляд, материалу дает Гурский:

«— Откроешь утром газету, и своих не узнаешь. Вместо “Ночь как ночь” окажется какое-нибудь “Вчера перед рассветом”. Он любит оп-перативные названия. Чтобы вчера произошло, а сегодня уже нап-печатали» [Симонов 1979–1987, 7: 401].

Отметим, что в обоих случаях, хотя текст не правится, речь идет не только о заголовках, но о принципиально разных подходах к изображению войны. Лопатин выбирает волнующую его частность, связанную с поступками конкретных людей, и именно она воплощает правду войны. Редактор ориентирован на факты — Лопатин на смыслы. И если факт не имеет информативной ценности, то стоящие за ним обобщения имеют ценность другого рода.

Возможно, происходит не только столкновение разных точек зрения на движущие силы войны и на задачи журналистики, но и столкновения разных форм словесности: журналистики и литературы. Лопатин, чьи очерки о Сталинграде А.Н. Толстой хвалит за художественность, получает в редакции чуть ироничное прозвание «писатель». О различии задач, которое тяготило его, писал сам Си-

³ Подобный заголовок также типичен для Симонова. Один из рассказов, вошедший в первую часть романа и позднее названный «Левашов», при первой публикации назывался «Еще один день» («Москва», 1957, № 6, с. 38–92).

монов: «Писатель к концу войны начал подавлять во мне журналиста: я все меньше писал в газету корреспонденций и все больше полуочерков, полурассказов, все чаще я рассматривал свои записи в блокнотах не как материал для завтрашней корреспонденции, а как заготовки для чего-то, что напишу когда-нибудь потом, внутри меня, соседствуя и все чаще противореча друг другу, боролись два видения войны — условно говоря, корреспондентское и писательское» [Симонов 1979–1987, 9: 447]. И заголовки Лопатина — заголовки писателя, который ценит в факте типическое, а не единичное.

Таким образом, военная проза Симонова не просто остается источником романа, известным только для исследователей, но и включается в смысловое поле романа через «тексты-фантомы». Поэзия входит в роман непосредственно, целыми словесно-образными сгустками.

В романе «Так называемая личная жизнь» Симонов работает с самыми известными фразами и строками, обозначая ценностные доминанты через отлитые годами, а иногда и столетиями формулы, т. е. приближаясь к освоению того феномена, который А.М. Панченко называл «неотчуждаемой топикой» и соотносил с национальным характером [Панченко 2000: 255]. Если с чужими поэтическими текстами, которые также необыкновенно широко для Симонова вводятся в роман, автор чаще солидаризируется, то в отношении к собственной поэзии присутствует доля полемичности. Именно в такой функции возникает строка «Жди меня»: цитируется уже даже не произведение — отсылка идет к целому кругу идей, которым дал словесный облик Симонов. Ника рассказывает об измене бывшего мужа: «Война как-то сгладила, а тогда была ужасно зла. Не люблю, когда водят за нос. Разные бывают “жди меня!”, бывают и такие» [Симонов 1979–1987, 7: 287]. Строка стихотворения звучит в ироническом контексте. Она становится указанием на одобряемую и прославляемую стратегию ожиданий, но этот вариант поведения оказывается отнюдь не единственным. Отметим, что фраза получает расширительное значение, указывая на ожидание вообще — не только во время войны и не только женское.

Чаще Симонов избирает стратегию углубления по отношению к собственным любовным стихотворениям, но в продолжении этой сцены, скорее, отказывается от размышления над сложным вопросом, поднятым им в пору войны. Ника спрашивает о двойственности мужского поведения: коротких связях на фронте параллельно с письмами женам. Объяснение, если не оправдание этого явления было дано в стихотворении, обрушившем, пожалуй, самый жестокий шквал критики на Симонова — «На час запомнив имена...»:

А им, которым в бой пора
И до любви дожить едва ли,
Все легче помнить, что вчера
Хоть чьи-то руки обнимали

[Симонов 1979–1987, 1: 169].

Лопатин же отрицает типичность подобных ситуаций, как бы ставит под сомнение сам предмет речи, возможность легких связей именно во время боев:

«— Я, например, почти не сталкивался с этим. Оговариваюсь, не знаю, во время затишья и в тылах, может быть, всего этого больше, и даже гораздо больше. А когда бои — кто может этим заниматься? Кому до этого? Бывает, конечно <...>» [Симонов 1979–1987, 7: 287].

Еще одним обращением к любовной лирике является автоцитата, также данная в полемическом ключе. «“Но отлетела от любви душа, а тело жить одно не захотело”, — вспомнил он читанные ему вслух на фронте стихи одного из нынешних молодых поэтов. Вспомнил и усмехнулся простоте решения задачки. В жизни у него вышло потрудней, душа-то отлетела, а тело все-таки захотело жить и дальше, и еще долго и унизительно хотело» [Симонов 1979–1987, 7: 360]. Здесь автор цитирует собственное стихотворение «Я схоронил любовь и сам себя обрек...», одно из последних в цикле «С тобой и без тебя». Включение этих строк в повесть, действие которой относится к 1944 году, — анахронизм, ибо написаны они в 1948 году, хотя и тогда не стали точкой ни в цикле, ни в реальных отношениях.

Несмотря на недовольство простотой решения, включение этой фразы Симонову необходимо. Отказываясь от прежнего максимализма, поэт одновременно продолжает осмыслять личные отношения сквозь призму тех же, найденных в «С тобой и без тебя», категорий души и тела. Они представлены в оппозиции, когда речь идет о Ксении, и объединяются для описания чувства к Нике. «Раньше раздраженно привык считать ее виноватой в том, что в нужном ему теле жила ненужная ему душа <...>» [Симонов 1979–1987, 7: 187]. — «И вся сложность происшедшего состояла не в том, что он разлучился с ней, а в том, что так и не разлучился! В том, что он вез с собою эту женщину. Вез с собою всю ее, с ее душой, с ее телом, с ее голосом, с ее улыбкой, с ее бесстрашной привычкой говорить и отвечать правду <...>» [Симонов 1979–1987, 7: 316].

Мотив незримого присутствия женщины тоже относится к прежним, многократно появлявшимся в симоновской лирике военной поры. Он воплотился в стихотворениях «Когда на выжженном плато...», «Далекому другу», «Не раз видав, как умирали...», «Я в эмигрантский дом попал...», имплицитно в «Жди меня» и особенно

ярко в «Я, перебрав весь год, не вижу...» с пронзительной картиной, исполненной мистики любви: «Ты по камням оледенелым со мной невидимо прошла...» [Симонов 1979–1987, 1: 176]. В последней части романа, рассказывая о точности, с которой Ника чувствует Лопатина, Симонов прибегает к автоцитате, воскрешая в памяти только что приведенные строки: «Она не вспоминала его корреспонденции, но так, словно сама шла за ним по пятам все эти полтора года, почти без промаха спрашивала о том, что оставалось за бортом написанного» [Симонов 1979–1987, 7: 511].

Еще одно собственное знаковое стихотворение, вернее, воплощенная в нем идея, введено Симоновым в виде аллюзии. Лопатин рассказывает о страшном керченском рве и парадоксальным образом радуется невозможности отомстить за убитых там: «<...> В нашем сознании, что за такое ты никогда не сможешь и не будешь мстить полною мерою, есть чувство собственного превосходства. И собственной силы, которой ты никогда не воспользуешься так, как они воспользовались. Я говорю не о победе, а о мести: око за око, зуб за зуб — об этом!» [Симонов 1979–1987, 7: 532]. Симонов помнит, что в годы войны сам воззвал к этому древнему закону. Мы уже упоминали очерк «Смерть за смерть». Но непреклоннее всего признание справедливости и неизбежности мести прозвучало в стихотворении «Убей его»: «Так убей же немца, чтоб он, / А не ты, на земле лежал, / Не в твоём доме чтобы стон, — / А в его — по мертвом стоял» [Симонов 1979–1987, 1: 107]⁴. О воодушевляющей силе этого стихотворения писали многие современники. Сам Симонов, очевидно, сложно относился к этому произведению, последовательно, как и его герой, додумывая логически заложенное в нем. Согласно воспоминаниям Л. Почивалова, Симонова мучила мысль: «Сколько людей убито вроде бы по моей наводке!»⁵ Думается, строки романа можно считать более глубоким объяснением этой настороженности по отношению к одному из самых сильных своих стихотворений.

Таким же углублением фразы, выросшей до концепта, является размышление генерала Ефимова о том, что слепое следование некоторым идеям, внушенным, казалось бы, храбростью и патриотизмом, оказывается тактически неверным. Ефимов упоминает знаменитый приказ Сталина № 227 «Ни шагу назад», эти идеи словесно оформивший. «Вот так и получалось. Они в деревне, мы — перед ней; они на высоте — мы в болоте. А зачем он нам был — этот километр болота? <...> Думаете, я кому-нибудь позволю поставить под сомнение святость слов “ни шагу назад”? Я их с Одессы и Севастополя знаю. Но

⁴ «Красная звезда». 1942. 18 июля. С. 3.

⁵ Почивалов Л. А колокол все звонит и звонит... // Литературная газета. 2000. № 24. С. 7.

эти слова — бесповоротные! Эти слова не для того, чтобы швыряться ими по поводу каждого болота, хаты или отдельного дерева, от которого — ни шагу назад!» [Симонов 1979–1987, 7: 489].

В 1942 г. Симонов тоже откликнулся на этот приказ горьким и величественным стихотворением «Безымянное поле». В нем звучал ужас от потери родной земли и стыд перед предками, созидавшими государство своим ратным трудом. Стихотворение рождено, думается, не столько буквальным пониманием приказа, сколько поэтической эмфазой. Но на необходимость отстоять каждую пядь земли указано весьма определенно:

Клянемся ж с тобою, товарищ,
Что больше ни шагу назад!
Чтоб больше не шли вслед за нами
Безмолвные тени солдат.
Чтоб там, где мы стали сегодня, —
Пригорки да мелкий лесок,
Куриный ручей в пол-аршина,
Прибрежный отлогий песок <...>.

[Симонов 1979–1987, 1: 110]

Симонов полемизирует в романе не с собственным стихотворением, а с явлением, закрепившимся в известном приказе-призыве. Но в числе людей, замороженных этими словами, был и сам поэт.

Последняя часть романа названа строками Симонова-поэта «Мы не увидимся с тобой...». В этой повести, как и в стихотворении, речь идет о смерти друга. Но фраза соотносится с потенциальным развитием многих сюжетных линий и может предвещать судьбу Лопатина, Матвея, генерала Ефимова, Велихова, даже Нины, которая еще успеет застать войну после окончания курсов медсестер.

«Мы не увидимся с тобой...» — стихотворение не о единственной смерти, а об общей доле на войне: «Но чем ей горе облегчить, / Когда солдатскою судьбою / Я сам назавтра, может быть, / Сравняюсь где-нибудь с тобою?» [Симонов 1979–1987, 1: 92]. Мысль о повторяемости судеб воплощена в таких стихотворениях Симонова, как «Мальчик», «Счастье», «Старая солдатская». Духовная общность лучших героев романа Симонова заставляет их выбирать буквально тот же путь, что выбрал товарищ, и это грозит смертью. В финале романа писатель сюжетно воплотил идею приобщения к общей судьбе, идею, ключевую для его военной поэзии. Лопатин должен закончить за Гурского его корреспонденцию, а для этого ему необходимо также переправиться на берег Восточной Пруссии. Это абсолютно символическое и совершенно нерациональное действие. На том берегу находится просматриваемый коровий выгон, ничем

не интересный для корреспондента. Но и Лопатин, и Велихов готовятся повторить маршрут Гурского, рискуя жизнью.

Поэзия проникает в роман не только в виде цитат. Собственный лирический опыт постижения войны оказался необыкновенно важен для Симонова, поскольку ставил в центр личность, для которой события частные были не менее значимы, чем переживания гражданина воюющего Отечества. Этот опыт воссоздания целостной личности воплощен в последнем романе Симонова и отражен в заглавии и подзаголовке.

Оговорка в заглавии — «так называемая» — вовсе не умаляет значения «личной жизни». Автор спорит как раз с теми, для кого необходимо это извиняющееся уточнение: «Разве есть у человека еще какая-то другая жизнь, не личная, безличная, какая? Потусторонняя, что ли? Если человек из малодушия не разделил сам себя на две мнимые половинки, то никакой другой жизни и вообще-то нет в природе, кроме личной» [Симонов 1979–1987, 7: 512]. Эта идея неслучайно появляется почти в самом конце романа, в диалоге с Никой.

Подзаголовок романа, «Из записок Лопатина», представляет своего рода нарративный парадокс. Но он необходим для утверждения нового принципа изображения войны. Под этим заглавием в 1964 г. впервые были собраны рассказы, составившие первую повесть; в единственном прижизненном издании романа в 1978 г. фраза перешла в подзаголовок всего произведения, объединившего уже три повести.

Роман написан от третьего лица, хотя с части «Жена приехала» утверждается господство пространственной, временной, психологической точки зрения заглавного героя Лопатина. Симонов чувствовал необходимость изменения фокализации в первых частях романа и, по свидетельству Л.И. Лазарева [Лазарев 1985: 278], хотел переработать написанное в этом направлении. Это позволяет с уверенностью говорить, что подзаголовок нельзя воспринимать как что-то случайное, не соотносящееся с системой точек зрения романа.

В романе Лопатин, как и сам Симонов, тоже ведет военные дневники, «записки», и, как и его автор, не включает в них события частные. Но представленный роман является более многогранным постижением судьбы героя. Важно, что сама возможность создания более «полных» записей прямо артикулируется. Ника конструирует модель такой книги, соотнося ее с корреспонденциями Лопатина, пробуя как бы восполнить их до целостного опыта личности: «Но, конечно, ты прав — я спрашиваю тебя о том, чего не читала. <...> И я спрашиваю тебя не про военные тайны, а про тебя самого» [Симонов 1979–1987, 7: 511]. Сама Ника не готова была бы писать об этом — только рассказать близкому, самому Лопатину. Но герой как раз может помыслить себе подобный текст, и собственно в этот

момент происходит как бы зарождение замысла романа, хотя побудительными мотивами для Лопатина становятся не творческие преобразующие интенции, а стремление к правде. Так в роман, пусть не в прямом виде, введен элемент автометаописания, являющийся обязательным для изученного Д. Сегалом явления, которое он называл «литература о творческом процессе» [Сегал 1981: 152]. В терминологии Е.Б. Скороспеловой этот феномен получил название «романа о романе» [Скороспелова 2003: 173]. Структура, подчеркнутая подзаголовком, парадоксальным образом сближает роман Симонова с «Даром» В. Набокова, с тем же нарративным парадоксом: «он одновременно пишется на наших глазах и уже написан; его герой — одновременно персонаж и автор текста; его конец — одновременно его начало» [Долинин 2004: 136]. При этом для романа Симонова не характерна ни одна из черт, отличающих метароман [Сегал 1981: 161–162].

Справедливость прочтения романа как результата рефлексии героя подтверждает пьеса «Из записок Лопатина» [Симонов 1974], которую Симонов создал на материале второй части романа (третья не была еще написана). Пьеса имеет сложную структуру текста в тексте: Лопатин диктует свои записки машинистке, фрагменты его повествования (в третьем лице) тут же воплощаются на сцене в виде непосредственного действия. В этой пьесе, интересной прежде всего своим композиционным решением, особенно очевидно, что Лопатин важен не только как действующее, но и как рефлексирующее лицо и даже как преломляющая призма.

Безусловно, герой Симонова не демиург, но и не просто участник истории и даже не ее летописец. В соотношении эпохи и личности в качестве итогового объекта изображения избрана последняя. Причем личность оказывается преломляющим фокусом всего потока жизни. Это личное измерение истории и правды о ней оказалось последним словом Симонова о войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина. СПб., 2004.
2. Лазарев Л.И. Константин Симонов. Очерк жизни и творчества. М., 1985.
3. Ортенберг Д.И. Июнь — декабрь сорок первого. М., 1984.
4. Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб., 2000.
5. Сегал Д. Литература как охранная грамота // *Slavica Hierosolymitana*. 1981. Vol. V–VI. С. 151–244.
6. Симонов К.М. Из записок Лопатина: повесть для театра в двух частях. М., 1974.
7. Симонов К.М. Собрание сочинений в 10 т. М., 1979–1987.
8. Скороспелова Е.Б. Русская проза XX века. От А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003.
9. Финк Л.А. Константин Симонов. Творческий путь. М., 1979.

REFERENCES

1. Dolinin, A. *Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina* [The real life of the writer Sirin]. St. Petersburg, *Akademicheskii proekt Publ.*, 2004. 400 p. (In Russ.)
2. Lazarev, L.I. *Konstantin Simonov. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Konstantin Simonov. An essay on life and creativity]. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1985. 343 p. (In Russ.)
3. Ortenberg, D.I. *Iyun' — dekabr' sorok pervogo* [June — December of the forty-first]. Moscow, *Sovetskii pisatel' Publ.*, 1984. 352 p. (In Russ.)
4. Panchenko, A.M. *O russkoi istorii i kul'ture* [On Russian history and culture]. St. Petersburg, *Azbuka Publ.*, 2000. 464 p. (In Russ.)
5. Segal, D. *Literatura kak okhrannaya gramota* [Literature as a security certificate]. *Slavica Hierosolymitana*, 1981, Vol. V–VI, p. 151–244. (In Russ.)
6. Simonov, K.M. *Iz zapisok Lopatina: povest' dlya teatra v dvukh chastyakh* [From Lopatin's notes: a story for the theater in two parts]. Moscow, *VAAP Publ.*, 1974. 62 p. (In Russ.)
7. Simonov, K.M. *Sobranie sochinenii v 10 t.* [Collected works in 10 vols]. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1979–1987. (In Russ.)
8. Skorospelova, E.B. *Russkaya proza XX veka. Ot A. Belogo («Peterburg») do B. Pasternaka («Doktor Zhivago»)* [Russian prose of the twentieth century. From A. Bely ("Petersburg") to B. Pasternak ("Doctor Zhivago")]. Moscow, *TEIS Publ.*, 2003. 358 p. (In Russ.)
9. Fink, L.A. *Konstantin Simonov. Tvorcheskii put'* [Konstantin Simonov. Creative path]. Moscow, *Sovetskii pisatel' Publ.*, 1979. 416 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.02.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 29.04.2025

Received 15.02.2025

Accepted 22.04.2025

Revised 29.04.2025

ОБ АВТОРЕ

Коржова Инесса Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы лингвистического факультета Московского университета «Синергия»; clean24@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Inessa Korzhova — Prof. Dr., Department of Domestic and Foreign Literature, Faculty of Linguistics, Moscow University "Synergy"; clean24@yandex.ru

НЕОКОНЧЕННЫЙ РОМАН В.С. ПИКУЛЯ О ВОЙНЕ (ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА)

А.А. Пауткин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; apautkin@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению ряда повествовательных особенностей последнего неоконченного романа В.С. Пикуля «Площадь Павших Борцов». Первая книга неосуществленной дилогии под названием «Барбаросса» увидела свет в начале 1990-х гг., уже после кончины писателя, и демонстрирует своеобразный сдвиг в сторону так называемой литературы нон-фикшн, приобретшей позднее особую популярность. Центральным событием книги должна была стать Сталинградская битва — тема глубоко личная для автора. «Площадь Павших Борцов» он посвятил памяти своего отца, погибшего в Сталинграде. Реконструируя историю сталинградского противостояния, автор выводит на страницы книги множество исторических персонажей. Однако широкая панорама военно-политических событий 30-х — нач. 40-х гг. доведена лишь до конца августа 1942 г. Среди особенностей повествовательной манеры Пикуля отмечаются различные формы авторского присутствия в тексте, нарочитая публицистичность оценок отдельных персонажей и событий, оригинальный композиционный ход, делающий центральной связующей фигурой немецкого фельдмаршала Ф. Паулюса, что в конце прошлого века могло выглядеть необычным и даже вызывающим. Работа над романом велась в годы, когда о войне читатель узнавал из первых уст от писателей-фронтовиков. Сегодня неоконченный роман-размышление, основанный на множестве письменных источников и документальных свидетельствах, открывается иными гранями. Он предвосхитил новое направление развития литературы о Великой Отечественной войне, представляющейся с эпической дистанции неисчерпаемым материалом для исторической прозы.

Ключевые слова: В.С. Пикуль; «Площадь Павших Борцов»; «Барбаросса»; Сталинградская битва; историческая проза; документальный источник; авторское присутствие

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-5

Для цитирования: Пауткин А.А. Неоконченный роман В.С. Пикуля о войне (взгляд из XXI века) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 48–55.

V. PIKUL'S UNFINISHED NOVEL ABOUT THE WAR (A VIEW FROM THE 21st CENTURY)

Alexey Pautkin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; apautkin@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to some narrative features of Valentin Pikul's last unfinished novel *The Square of Fallen Fighters*. The first book of the unfinished trilogy, "Barbarossa", saw the light in the early 90s of the 20th century, after the writer's death, and demonstrates a peculiar shift towards the so-called non-fiction literature, which later became especially popular. The central event of the book was to be the Battle of Stalingrad — a topic deeply personal for the author. Pikul dedicated his *Square of Fallen Fighters* to the memory of his father, who died in Stalingrad. Reconstructing the history of the Stalingrad confrontation, the author brings many historical characters to the pages of the book. However, a broad panorama of military and political events of the 30's — early 40's is brought only to the end of August 1942. Among the features of Pikul's narrative style are various forms of authorial presence in the text, deliberate publicistic assessments of individual characters and events, original compositional move, and making the German Field Marshal F. Paulus the central linking figure of the novel, which at the end of the last century could look unusual and even defiant. Work on the novel was carried out in the years when the reader learned about the war at first hand from front-line writers. Today, the unfinished novel of reflection, based on a multitude of written sources and documentary evidence, reveals its other facets. It has anticipated a new direction in the development of literature about the Great Patriotic War.

Keywords: V. Pikul; *The Square of the Fallen Fighters*; "Barbarossa"; the Battle of Stalingrad; historical prose; documentary source; author's presence

For citation: Pautkin A. (2025). V. Pikul's Unfinished Novel About War (a View from the 21st Century). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 48–55.

Популярность книг В.С. Пикуля в поздний советский период бесспорна. Интерес к ним проявлялся не только в среде поклонников исторической беллетристики, но и у читателей, профессионально причастных к гуманитарным областям знания. Так, даже специалисты по истории литературы XVIII в. не могли не ознакомиться с романом об одном из фаворитов императрицы. Признание ошибочности журнальной публикации романа Пикуля о другом царском любимце тоже подогрело интерес к его творчеству. Реконструируя далекое прошлое, писатель создал увлекательный мир. Но в его творчестве есть ряд произведений, посвященных не столь давним и значимым лично для него событиям.

Тема Отечественной войны прозвучала уже в первой, ученической работе писателя — «Океанский патруль» (1957). И с особым

мастерством воплотилась в потрясающем своим трагизмом «Реквиеме каравану PQ-17» (1970). В гораздо меньшей степени известна последняя, незавершенная книга Пикуля «Площадь Павших Борцов». В начале 90-х гг. была опубликована ее первая часть — «Барбаросса», подготовленная к печати вдовой писателя [Пикуль 1992]. Судить о незаконченном произведении трудно. Какой должна была бы стать вторая часть дилогии, мы уже никогда не узнаем. Возможно, и первая подверглась бы авторской правке. Вспомним, что книга увидела свет в переломный момент современной истории. Завершалась и эпоха литературоцентричной отечественной культуры. А вместе с тем стало сужаться и поле исторической романистики, уступая место иным жанровым формам. Последняя книга Пикуля, как представляется, демонстрирует своеобразный сдвиг в сторону так называемой литературы нон-фикшн, приобретшей позднее особую популярность. В ней нет места вымыслу, и спорными могут быть лишь авторские трактовки событий. Каким-то образом Пикуль уже в конце 80-х гг. уловил намечавшуюся тенденцию развития повествования о прошлом, приближавшегося в ряде аспектов к трудам историков. В западной военно-исторической литературе последних десятилетий можно отметить подобные работы о знаковых сражениях XIX–XX вв. (напр. Э. Бивор, М. Хастингс или Б. Корнуэлл и др.).

Сталинградская битва — центр всего замысла автора. Само название произведения указывает на главный локус победы на Волге, ведь именно в универмаге на площади Павших Борцов был пленен командующий 6-й армией вермахта Ф. Паулюс. К сожалению, повествование обрывается на событиях 23 августа 1942 г. Это день варварского авиационного налета на город, превратившийся в дымящиеся руины. Уже в сентябре, то есть за пределами авторского текста, развернутся жесточайшие бои за город, в центре которых окажется 62-я армия генерала В.И. Чуйкова. Вдова писателя, Антонина Пикуль, отметила последние фразы авторского текста и привела в заключение черновик плана последней главы первой части [Пикуль 1992: 581–591].

Работа над сталинградской темой имела для писателя глубоко личный смысл. Обороняя Сталинград, погиб его отец. Книгу открывают следующие слова: «Светлой памяти отца, Саввы Михайловича Пикуля, который в рядах морской пехоты погиб в руинах Сталинграда, — с сыновьей любовью посвящая» [Пикуль 1992: 5].

Книга, представляющая собой развернутую картину предистории сталинградского противостояния, населена множеством исторических персонажей. Это первые лица государств, их окружение, политики и военачальники различного ранга и даже рядовые участники событий, которым было суждено оставить свой след в раз-

вернувшейся борьбе на полях Европы и России¹. Но главной фигурой, связующей воедино калейдоскоп событий, оказывается один из ведущих разработчиков плана «Барбаросса» Ф. Паулюс. Этому ученому штабисту военная судьба отвела роль символа катастрофического поражения, ставшего переломным моментом всей войны. Оказавшись в связи со смертью предшественника В. фон Рейхенау командующим 6-й армией вермахта, именно Паулюс первым из германских военачальников сполна расплатился за роковые решения и поступки создателей плана «Барбаросса». Подобный композиционный ход мог показаться необычным или даже вызывающим почти сорок лет назад.

В связи с этим заметим, что в 2013 г. в рубрике «Большая книга» был напечатан, пожалуй, последний роман о войне, созданный писателем-фронтовиком, — «Мой лейтенант» Д. Гранина, с которым у Пикуля, как известно, сложились непростые отношения. Издание удивляло своим художественным оформлением. В качестве иллюстраций были использованы рисунки австрийского графика Ганса Лиски, отразившего действия солдат вермахта на разных театрах Второй мировой войны от Европы до Советского Союза. Возможно, издатели пришли к столь неожиданному решению, опираясь на финал книги, где представлена встреча двух пожилых ветеранов, сражавшихся в молодости друг против друга на Ленинградском фронте. Лиска, оперативно отражавший войну с немецкой стороны, не рисовал блокадного Ленинграда, а вот несколько работ о Сталинграде он оставил. Сегодня его зарисовки уже не выглядели бы столь вызывающе, случись им дополнять недописанный роман «Барбаросса».

В исторических романах Пикуля не раз приходится сталкиваться с прямым авторским обращением к читателю. Эта особенность построения повествования не всегда и не везде кажется уместной и оправданной. На сей раз это допускает сам жанр, ведь перед нами роман-размышление. Так его определил автор. За десять лет до этого широкий резонанс получил роман-эссе В. Чивилихина «Память», построенный на ином, гораздо менее актуальном материале, где диалог с читателем наряду с привлечением множества текстов стал по сути оригинальным формообразующим приемом. Различные комбинации прямого авторского присутствия в тексте Пикуля выглядят вполне органично. Вот, например, заключительная фраза опубликованного текста: «Когда я лишь принимался осваивать эту тему, меня, честно скажу, волновал лишь один вопрос — как немцы дошли до Волги?» [Пикуль 1992: 591].

¹ Подробнее см.: [Прокурова 2016].

Сегодня особенно ощутим дух того времени, внутри которого создавалась книга. Оно сказалось в азартности характеристик отдельных личностей, нарочитой публицистичности в целом верных оценок фактов. Автор не скрывает своих антисталинистских настроений, ненависти к «сикофантам» из окружения вождя: «Ах, сколько было врагов народа! Но я вижу их не за колючей проволокой Колымы или Воркуты, а в тишайших и теплых кабинетах Кремля, в ближайшем окружении Сталина» [Пикуль 1992: 127]. Он прозрачно намекает на противоборство мнений, обострившееся на рубеже 1980–1990-х гг. «Обклеивание ярлыками» писателю хорошо знакомо: «Вот, — скажут читатели, — написал тут автор, что все было плохо, а что же было в то время у нас хорошего? Народ был хороший, — отвечу, — лучше нас с вами» [Пикуль 1992: 132].

Пикуль — мастер миниатюры, зарисовки, того, что когда-то именовали историческим анекдотом. Он решает задачу превращения чужого текста в свой, и при этом посильный для восприятия обычным читателем. Вот пример: «Всего, что написано о последних днях августа, не пересказать, а посему я постараюсь быть краток» [Пикуль 1992: 578]. Но здесь коренится и возможность критического отношения к его писательской реконструкции событий, появляются основания упрекнуть его в поверхностности суждений [Винокуров 2013]. Не будем забывать, что историки не относят мемуары, а ими писатель пользовался постоянно, к числу документальных свидетельств первой величины. Субъективность трактовки прошлого подчас присутствует уже на стадии создания самого источника, что-то может редуцироваться, а что-то, напротив, произвольно приобретать больший вес.

В период так называемой «гласности» на наших соотечественников обрушился вал информации. Неизвестные ранее факты, иногда искусственно скрывавшиеся, трактовки, «развенчивающие мифы», нуждались в осмыслении. Что-то было непросто принять, а где-то было трудно удержаться от огульной разоблачительности. И тем не менее многое выглядело горькой правдой. Автору приходилось оперативно реагировать на все это, бороться с информационным хаосом. Особенно резкими выглядят оценки причин поражений начального периода войны. Вот лишь один подобный пассаж, направленный против «апостолов лошадиной тактики» [Пикуль 1992: 58], косных методов развития Красной армии в конце 30-х гг.: «Стыдно сказать, что в Академии Генерального штаба перед войной еще читались лекции об устройстве зимних саней, слушателей знакомили с конной упряжкой, следовало знать наизубок убогий инвентарь обозного имущества» [Пикуль 1992: 57].

Приведем лишь три примера новой для тогдашнего массового читателя исторической информации. Она касается самого начала Второй мировой войны — польских событий сентября 1939 г. Здесь заметна опора и на воспоминания создателя немецких танковых войск Г. Гудериана. Немцы побеждают не способную оказать им сопротивление польскую армию, рапортуют о неравном противостоянии танков и устаревшей кавалерии. У Пикуля этот трагический эпизод представлен сжато, метафорически: «По крупповской броне звонко стучали клинки отважных варшавских жолнеров, об эту же броню ломались пики польской кавалерии» [Пикуль 1992: 52]. Вот что читаем у Гудериана: «Польская Поморская кавалерийская бригада из-за незнания конструктивных данных и способов действия наших танков атаковала их с холодным оружием и понесла чудовищные потери» [Гудериан 1998: 94]. Немецкий генерал датирует эту атаку 3 сентября. На самом же деле в приграничном бою два эскадрона 18-го полка Поморских улан отчаянно атаковали под Кроянтами остановившихся на отдых немцев в 19 часов 1 сентября 1939 г., не заметив спрятанных в лесу броневиков, и в силу этого стали жертвами своей роковой ошибки [Васильев 1991: 44–47]. Это была первая кавалерийская атака Второй мировой войны. Однако как не вспомнить, например, успешные рейды кавалерии Г. Белова и Л. Доватора под Москвой или конно-механизированные группы, действовавшие даже на заключительном этапе войны.

Пикуль привлекает внимание и к неведомым в то время большинству наших сограждан обстоятельствам обороны Брестской крепости польским гарнизоном под командованием генерала К. Плисовского: «Наши историки, воспевая героическую оборону Брестской крепости в 1941 г., старательно умалчивали, что такой же героизм был присущ и полякам в 1939 г.» [Пикуль 1992: 53]. И уж тем более немного было известно обычному читателю о совместном советско-германском военном параде, проведенном 22 сентября 1939 г. в том же Бресте, который «был вычеркнут из нашей истории» [Пикуль 1992: 55]. Прохождение немецких войск и солдат Красной армии принимали Г. Гудериан и комбриг С.М. Кривошеин. Кстати, немецкому стратегу понравилось, что со стороны русских его приветствовал тоже танкист, к тому же владевший французским языком, что облегчило общение².

Юнга Северного флота, приобретший известность писателя-мариниста, справедливо полагал, что не может повести своего читателя в «окопы Сталинграда», потому что сам там не был. Но он умел

² Гудериан писал о больших потерях в Бресте в сентябре 1939 г. и о гибели там своего адъютанта [Гудериан 1998:107].

и мог показать историю грандиозного события XX в. Осуществить свой замысел писатель не успел. Не хватило времени и сил. Сегодня, когда ушли из жизни все писатели-фронтовики, неоконченная диалогия Пикуля, теряющаяся на фоне широко известных романов о Сталинграде В. Некрасова, К. Симонова, В. Гроссмана и Ю. Бондарева, открывается по-новому. По прошествии восьми десятилетий после Победы Отечественная война стала уже вполне законной темой исторической прозы. В этом отношении значительно возрастает роль источников, приходящих на смену переживаниям участников событий.

Корпус письменных документальных свидетельств, разного рода источников конкретных сведений о войне огромен. Сам автор перечисляет исследования по сталинградской теме, доступные в конце 80-х гг.: «У меня не сходили со стола авторитетные издания» [Пикуль 1992: 523]. Это труды историков (напр. А.М. Самсонова) и военачальников (напр. К.К. Рокоссовского, М.В. Захарова и др.)³. Число свидетельств пополняется за счет рассекреченных данных из закрытых архивов. Подбор, освоение и трактовка писателями этого гигантского пласта информации с неизбежным привлечением трудов историков подразумевает задачу своеобразного выборочного «реферирования» источников, превращения чужих голосов из прошлого в свои. Пикуль не только популярно заполнял исторические лакуны, в том числе искусственно созданные, но и по-своему расставлял акценты, перелагал для массового читателя эти источники. Ведь далекие по времени исторические эпохи всегда представляли в его произведениях ярко и увлекательно.

Неоконченная книга Пикуля в чем-то предвосхитила одно из возможных направлений исторической прозы об Отечественной войне. Грядущие авторы, решившиеся на изображение событий середины XX в., возможно, оценят и критически разовьют опыт, заложенный в первой книге неосуществленной диалогии «Площадь Павших Борцов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев А.* Польская кавалерия во Второй мировой войне. 18-ый Полк Померских улан в бою 1 сентября 1939 г. и кавалерийская атака под Кроянтами // Цейхгауз. 1991. № 1. С. 44–47.

³ Антонина Ильинична Пикуль свидетельствует: «При работе над романом писатель использовал более 500 (!) историко-архивных источников, монографий, а также воспоминания отечественных и зарубежных очевидцев. Но ему все, казалось, было мало. — Ты носи мне мемуары солдат и местных жителей, — определял он круг моих поисков» [Пикуль 2001: 384].

2. *Винокуров В.И.* Военно-дипломатические аспекты в творчестве В. Пикуля // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 24 (684). С. 105–112.
3. *Гранин Д.А.* Мой лейтенант. М., 2013.
4. *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Ростов-на-Дону, 1998.
5. *Пикуль А. И.* Валентин Пикуль. Из первых уст. М., 2001.
6. *Пикуль В.С.* Площадь Павших Борцов. Роман-размышление. Том I. Барбаросса. М., 1992.
7. *Прокурова Н.С.* Неоконченный роман В. Пикуля о Сталинграде: история создания // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 6. № 12. С. 178–181.

REFERENCES

1. Vasil'ev, A. Pol'skaya kavaleriya vo Vtoroi mirovoi voine. 18-yi Polk Pomorskich ulan v boyu 1 sentyabrya 1939 g. i kavaleriiskaya ataka pod Kroyantami [Polish Cavalry in World War II. The 18th Pomeranian Uhlans Regiment in action on September 1, 1939 and the cavalry charge near Krojanty]. *Tseikhgauz*. 1991, № 1, pp. 44–47. (In Russ.)
2. Vinokurov, V.I. Voenno-diplomaticheskie aspekty v tvorchestve V. Pikulya [Military and diplomatic aspects in the works of V. Pikul]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2013. № 24 (684), p. 105–112. (In Russ.)
3. Granin, D.A. Moi leitenant [My lieutenant]. Moscow, *OLMA Media Grupp Publ.*, 2013. 320 p.
4. Guderian, G. *Vospominaniya soldata* [Memories of a soldier]. Rostov-on-Don, *Feniks Publ.*, 1998. 544 p.
5. Pikul' A.I. *Valentin Pikul'. Iz pervykh ust* [Valentin Pikul. First-hand]. Moscow, *AST, Veche Publ.*, 2001.
6. Pikul' V.S. *Ploshad' Pavshikh Bortsov. Roman-razmyshlenie. Vol. I. Barbarossa*. ["The Square of Fallen Fighters". The Novel as Reflection]. Moscow, 1992.
7. *Proкурова N.* Neokonchennyi roman V. Pikulia o Stalingrade: istoriia sozdaniia [The Unfinished Novel of V. Pikul about Stalingrad: A History of Creation]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniia*. 2016. Vol. 6. № 12. P. 178–181.

Поступила в редакцию 15.02.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 29.04.2025

Received 15.02.2025

Accepted 22.04.2025

Revised 29.04.2025

ОБ АВТОРЕ

Пауткин Алексей Аркадьевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; apautkin@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexey Pautkin — Prof. Dr., Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; apautkin@yandex.ru

СТАТЬИ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О ГЛАГОЛЬНОМ ВИДЕ С ПРИКЛАДНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Л. Ясаи

*Университет им. Лоранда Этвеша, Будапешт, Венгрия;
jaszay.laszlo@btk.elte.hu*

Аннотация: Статья преследует практические цели в рамках общей теории русской аспектологии. Автор рассматривает лингвистические вопросы глагольного вида под углом зрения изучения русского языка как иностранного (далее РКИ). В настоящей статье в круг данной проблематики входит обсуждение трех обширных тем: во-первых, вопрос об оптимальной лингвистической модели русского вида в области РКИ; во-вторых, особенности описания употребления видов от смысла к форме; в-третьих, вопрос о формулировке правил. Аргументируется в частности трактовка видовой пары с деривационно-классифицирующих позиций. Большое внимание уделяется понятиям результативности и итеративности и средствам их выражения, а также иерархии правил, регулирующих употребление видов.

Ключевые слова: функциональный аспект; итеративность; результативность; правила употребления видов; иерархия правил

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-6

Для цитирования: Ясаи Л. О глагольном виде с прикладной точки зрения // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 56–68.

ON THE VERBAL ASPECT FROM AN APPLIED POINT OF VIEW

L. Jászay

Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary; jaszay.laszlo@btk.elte.hu

Abstract: The article pursues applied research within the framework of the general theory of Russian aspectology. The author sets out the goal to examine some linguistic questions of the verbal aspect from a practical angle, primarily from the Russian as a foreign language learner's point of view. In this sense, theoretical questions should be updated for practical application. This paper discusses three broad topics related to the subject matter: firstly, the question of the significance of apply-

ing a suitable, i.e. an optimal linguistic model in the study of verbal aspect; secondly, the question whether in descriptions of aspectual meaning, in addition to the traditional approach “from form to meaning”, the orientation in the opposite direction “from meaning to means of expression” is also necessary; thirdly, the question of the need to analyze the grammatical rules related to the use of aspectual forms. On question (1), a solution to the dilemma is proposed, specifically whether to consider the formation of an aspectual pair as an inflection or to accept that in this case the status of an independent verb is preserved. The article supports the second point of view. Regarding question (2), attention is given to the concepts of resultative and iterative actions in a broader sense, taking into account different means of expression. In the case of issue (3), the question has a direct effect on teaching: it addresses the ordering of the so-called “aspectual rules” on the basis of their hierarchical relationships, with particular emphasis on the relativity of the role of resultative meaning.

Keywords: functional aspect; iteration; resultative action; rules for the use of verbal aspects; hierarchy of rules

For citation: Jászay L. (2025) On the Verbal Aspect from an Applied Point of View. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 56–68.

1. К постановке вопроса

Глагольному виду как одной из сложнейших категорий русской грамматики посвящена большая теоретическая литература, пополняемая и в настоящее время новыми аспектологическими исследованиями. Но при этом многие теоретические достижения аспектологии пока не учитываются в достаточной степени при преподавании русского языка как иностранного в венгерской аудитории. Поэтому основное внимание в данной статье уделяется проблеме адаптации теории глагольного вида к прикладным целям преподавания русского языка как иностранного (т. е. в области РКИ). Понимание важности данной проблемы сформировалось у автора статьи в ходе многолетней работы по обучению венгерских студентов-русистов. Лингвистической опорой при усвоении русского языка как иностранного должна стать своего рода педагогическая грамматика, которая помимо теоретической информативности обеспечивала бы практическую (прикладную) направленность аспектологической теории.

Настоящая статья посвящена анализу следующих проблем: 1) роли оптимального выбора рамок аспектологической теории в области РКИ; 2) особенностям использования принципа «от смысла к форме»; 3) учету при преподавании разноуровневых правил, вступающих в противоречие друг с другом.

2. Проблема выбора подходящей концепции трактовки вида при преподавании РКИ в венгерской аудитории

В практике обучения РКИ преподаватель может оказаться перед необходимостью выбора одной из аспектологических теорий, наилучшим образом соответствующей практическим задачам. Поскольку лингвистами-теоретиками нередко предлагаются разные интерпретации ситуации употребления одной и той же видовой (видовременной) формы, особенно актуальным представляется выбор объяснительной модели вида при преподавании русского языка в венгерской аудитории. Конкретную аргументацию данной позиции покажем на примере понятия видовой пары.

Принято считать (как в разных теоретических концепциях, так и при обучении видам глагола), что «видовая пара» является одним из ключевых понятий. При этом к определению видовой пары применяются два разных подхода, основанных на словоизменительной и классифицирующей трактовках категории вида (см. подробнее об этом в [Ремчукова 2011: 114–116]). Следовательно, встает вопрос о необходимости выбора одной из двух трактовок. В этой связи Анна А. Зализняк и А.Д. Шмелев отмечают, что такое разграничение для аспектологии не имеет принципиального значения, так как «все существенное, что можно сказать про русский вид, можно сформулировать в рамках как того, так и другого подхода» [Зализняк, Шмелев 2000: 16]. По нашему мнению, такая свобода относительно трактовки видовой пары допустима лишь с позиции носителей русского языка. Что касается венгерской аудитории, словоизменительная трактовка не может быть поддержана, так как она при реальном функционировании парных глаголов часто не согласуется с определением венгерских эквивалентов. Иначе говоря, употребление видов в части случаев убеждает нас в необходимости применения деривационно-классифицирующей модели вида. Мы имеем в виду учет следующих аспектов.

Известно, что оппозиция между коррелятами СВ и НСВ, в зависимости от выражаемых ими частновидовых значений, может быть сильной или слабой. При сильном противопоставлении значение НСВ воспринимается как процессно-длительное действие или состояние. Для передачи этих значений в венгерском языке используются, как правило, не видовые корреляты НСВ, а зачастую глаголы явно другого лексического значения, более того, иногда даже особый описательный способ. Одним из наглядных примеров является эквивалентность видов в следующем примере: *О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда он открыл Америку, а когда **открывал** ее* (Ф. Достоевский. Идиот — из кн.: Вино-

градов, 1986: 409). В венгерском переводе (переводчик И. Макай) смысловым эквивалентом формы глагола НСВ *открывал* оказывается другой, не равнозначный глагол со словарным значением 'искать' (*keres*). В свете подобных примеров (число которых, конечно, можно было бы умножить) очевидно, что таким способом в венгерском языке лексически компенсируется отсутствие подлинных (грамматических) видовых пар.

Касательно тех случаев, когда противоположные виды составляют слабую оппозицию (любую ее разновидность), дело обстоит иначе. При слабом противопоставлении видовых коррелятов лексическое тождество не нарушается, и это значит, что в качестве семантического соответствия видовой пары в венгерском языке выступает с большой частотой один и тот же глагол. Тем не менее венгерскими русистами классифицирующая трактовка воспринимается и в контекстах слабой оппозиции вполне адекватной, да и более естественной. В пользу этого предположения говорят следующие факты.

1) При обучении иностранцев имеет принципиальное значение, что сам термин «пара» предполагает наличие двух отдельных глаголов, которые тесно связаны между собой, ср. [Титаренко 2019: 37]. Такое восприятие русской видовой парности очевидным образом подтверждается и результатами того психолингвистического эксперимента, в котором было показано, что в памяти венгерских русистов корреляты видовой пары — это два глагола [Папп 1983].

2) Образование соотносительных глаголов базируется на использовании таких морфем (в большей степени префиксов, а в меньшей — суффиксов), которые в нашем интуитивном представлении служат для глагольной деривации.

3) Только классифицирующая трактовка данной категории допускает более широкое, функциональное понимание видовой парности (с включением и некоторых спорных случаев), что, на наш взгляд, оказывается более эффективным при обучении видам. Отметим, что в учебном пособии Е.В. Петрухиной вопросу о расширении видовой парности посвящен отдельный параграф [Петрухина 2009: 80–82]. Немаловажно, что с точки зрения «креативного потенциала» вида (см. полное описание в [Ремчукова 2011: 118–157]) предпочтение отдается также деривационно-классифицирующей модели.

Нам близка такая точка зрения и относительно сферы РКИ. Иностранного студента интересует в первую очередь не вопрос о том, где точно проходят границы видовой парности согласно той или иной научной концепции, а то, глагол какого вида он должен употребить в данном контексте. Для иллюстрации расширения объема

видовой соотносительности приведем в пример глаголы делимитативного способа действия (как самой продуктивной модификации типа *поиграть, поговорить*). На их сближение с парными глаголами СВ (или на некоторую степень соотносительности исходного глагола и делимитатива) нередко указывается в аспектологических работах последних десятилетий [Петрухина 2000: 148; Зализняк, Михалев, Шмелев 2010: 16–17; Горбова 2011: 26]. Так, например, в своем обстоятельном анализе делимитативов Е.В. Петрухина (с некоторыми оговорками) приходит к выводу об их приблизительной парности: «Достаточно частотны случаи, когда при употреблении делимитативов рациональная и эмоциональная оценки действия вообще не выражены — делимитативы по своим функциям приближаются к видовым коррелятам» [Петрухина 2000: 148]. В сущности, в соответствии с этой точкой зрения высказывается и Е.В. Горбова: «Наилучшим кандидатом на роль перфективного члена не соотносенной с пределом видовой пары является, по-видимому, делимитатив» [Горбова 2011: 26]. Наиболее яркие примеры в этой связи наблюдаются в повелительном наклонении, см. [Петрухина, указ. соч.], но ослабление или утрата собственно делимитативного значения может иметь место и в изъявительном наклонении. Не случайно целесообразность подобной концепции именно на функциональном основании аргументировалась и в зарубежной аспектологии, см., в частности [Lehmann 1988: 177–178; Ясаи 2015: 48–50].

3. О применимости направления «от смысла к форме»

При учете особенностей функциональной грамматики [Бондарко 1983] возникает идея о необходимости применить именно данный метод при описании аспектуальных значений. Справедливо отмечает в этой связи О.К. Грекова: «Функциональность подхода к аспектуальным явлениям русской речи обеспечивается движением *от смысла к форме*» [Грекова 2022: 5; выделено нами. — Л.Я]. Однако если говорить о педагогической практике в Венгрии, в этом отношении можно наблюдать односторонний подход: при обучении видам исходят из формы, т. е. из того, какой набор частных значений приписывается глаголам НСВ и СВ. Оставлять без внимания принцип исходно-формальной ориентации, конечно, нельзя, но такой подход не должен быть исключительным. В системе высшего образования Венгрии, на наш взгляд, предлагается учитывать и противоположную, исходно-семантическую ориентацию. Объясняется это довольно просто: иностранец в реальной речевой ситуации должен исходить в первую очередь не из вопроса о том, какие значения может выражать СВ и какие — НСВ. Отправной точкой для него является выражение своей мысли. Это значит, что говорящий

определяет, во-первых, коммуникативную цель, которой необходимо достичь в данном случае, и, во-вторых, языковые средства, которыми он может воспользоваться для выражения нужного ему смысла.

В отношении глагольного вида это значит, что после усвоения студентами частно-видовых значений следует уделять внимание и некоторым типам аспектуальных значений в более широком объеме. Такими являются, например, *длительность, общефактичность, повторяемость, интенсивность, моментальность, результативность* действия и др. Разумеется, при таком приближении, выходя за пределы видовой парности, нельзя обойти вниманием некоторые способы глагольного действия. Именно в таком понимании станет очевидно, что те или иные акциональные характеристики глагола (выделяемые на основе сходства протекания действия) могут выражаться разными средствами, а некоторые общие типы значений даже глаголами противоположных видов (ср., напр., выражение суммарного значения типа *несколько раз повторял/повторил*). Такого рода описание помимо своей практической пользы способствует и более глубокому пониманию упомянутых выше аспектуальных значений. Здесь укажем на работы, посвященные исследованию вопроса результативности и итеративности, в фокусе которых могут быть разные особенности этих значений. Касательно результативности в [Плунгян 1989] доминирует общелингвистический аспект, в статьях же [Крекич 1985; Петрухина 1993] в центре внимания стоит исключительно русский глагол. Разные акценты расставлены и в плане итеративности [Грекова 1985; Грекова 2022: 222–264; Семиколенова 2009], а в венгерской русистике в фокусе находится «хабитуалис» [Палоши 2015] и комплексное описание явления [Ясаи 2022].

Коротко остановимся на данных понятиях.

1) Известно, что результативное значение передается не только перфективными коррелятами тех видовых пар, которые представляют общерезультативный тип глаголов (напр., *реши́ть, защити́ть, разбуди́ть, выучи́ть* и др.), но и глаголами многочисленных специально-результативных способов действия. Среди таких перфективов здесь упомянем лишь о двух обширных разрядах — о модификациях, ярко выражающих помимо достигнутого результата и количественное значение. Это, во-первых, модификация с приставкой *на-* (*набросать* <окурков>, *навешать* <картинок>) и с двойной префиксацией *пона-* (*понаехать*, *понародить* <детей> — здесь отрицательная оценка выражена сильнее). Во-вторых, это — дериваты с приставками *по-* или *пере-*, называемые дистрибутивными глаголами (*поломать/переломать* <все игрушки>, *побить/перебить* <всю

посуду>, *позакрывать* <магазины>, *поумирать*, *переболеть* и др.). Дистрибутивы интересны и тем, что общее значение этих глаголов семантически соприкасается и с идеей итеративности: 'поочередность распространения результата на ряд объектов или субъектов'. О суммарных дистрибутивах с приставкой *по-* см. подробно [Каранов 1999].

2) Специального внимания заслуживает итеративность, включающая в себя формальные и семантические разновидности повторяющихся действий. В большинстве случаев повторительное значение развивается при участии НСВ под влиянием внешних факторов — лексических показателей типа *иногда*, *часто*, *каждые полчаса* и др., подробнее об этом см. [Грекова 2022: 231–249]. В ряде случаев данное значение может вытекать и из лексической семантики глагола. Среди таких глаголов встречаются и стилистически окрашенные итеративы с ограниченной употребительностью (см. формы *хаживал*, *сиживал*, *едал* и т. п.), но некоторые способы действия активно употребляются и ныне (см. одновидовые прерывисто-смягчительные глаголы типа *покашливать*, *позванивать* или корреляты НСВ некоторых парных глаголов: *заговаривать*, *просиживать*). В качестве итеративов должны рассматриваться и некоторые вторичные имперфективы видовых троек (см. *вылечивать*, *выучивать*, *прочитывать*, *съедать*). Частные случаи итеративности представляют контексты, в которых при выражении данного значения выступает глагол СВ. Это имеет место прежде всего в двух позициях глагола: а) при выражении наглядно-примерного значения (*Подойдет, бывало, сядет...*); б) при передаче суммарного действия СВ с локализацией во времени. Последнее значение реализуется при наличии квантификатора типа *два раза*, *пять раз*, *несколько раз* и т. п. (напр., *Несколько раз перечитал записку*).

4. Об иерархии правил, объясняющих употребление видов

В практических языковых правилах отражены устойчивые закономерности, но иногда правила формулируют и на основе сильной тенденции в функционировании языка. Что касается глагольного вида, то учебных правил довольно много, и их число в разных пособиях может варьироваться от автора к автору. Значительное число правил создается из-за функциональной сложности данной категории, ведь употребление видов нельзя описать с помощью нескольких простых рекомендаций, охватывающих все важные случаи. Отсутствие единства в этом плане объясняется и тем, что правила рассчитаны на учащихся разных кластеров и разного уровня владения русским языком. В связи с анализом практических правил трудно не обратить внимание на то, что формулируются

и такие правила, которые «вступают в конфликт» друг с другом [Борисова 1998]. Явление «конфликта» двух или нескольких правил имеет место в случае доминирования одного из них. Дело в том, что бытующие «видовые правила» являются не равносильными, поэтому возникает необходимость последовательного учета обнаруженных здесь иерархических отношений.

В абстрактном плане, конечно, можно сформулировать общую для всех случаев закономерность, но такая формулировка в учебном процессе обязательно нуждается в конкретизации и дальнейшем уточнении: в противном случае она не может служить ориентиром для практической работы. Приведем в пример **определение видовой оппозиции**, согласно которому СВ выражает ограниченное пределом целостное действие, в то время как НСВ оставляет это значение невыраженным [Русская грамматика, 1, 1980: 583]. Данное определение привативного противопоставления видов представляет собой обобщение многочисленных реальных ситуаций, которые, однако, в учебной работе должны быть представлены. В практике преподавания следует отдавать предпочтение именно описанию конкретных ситуаций.

Встает вопрос: сколько должно быть такого рода правил, сформулированных на основе аспектуальных ситуаций? Ответ зависит от уровня знаний учащихся, а также от тех профессиональных целей, которых они должны достичь. Только в соответствии с этим можно определить количество учитываемых и анализируемых ситуаций. В свете сказанного понятно, что число учебных правил в разных пособиях не может быть одинаковым. Если обучение нацелено на формирование компетенций учащихся и достижение достаточно высокого уровня владения языком с умением различать тонкие семантические и прагматические оттенки, выражаемые с помощью глагольного вида, то, разумеется, число таких правил будет в значительной степени возрастать. Поэтому вполне обоснованно формулируется в учебном пособии А.А. Караванова достаточно большое количество правил, ведь данное пособие предназначено для учащихся высокого уровня знаний. В данном пособии содержится около 70 кратких комментариев, разъясняющих выбор вида в разных ситуациях с учетом формы инфинитива и изменяемых форм в изъявительном и повелительном наклонениях [Караванов 2004].

Нам кажется, что самые большие трудности формулировки правил возникают по поводу выбора глагола прошедшего времени НСВ для передачи общефактического значения. Это значение лингвистически глубоко проанализировано и детально описано в работах [Падучева 1996: 32–52, Гловинская 2001: 230–254], в том числе и в аспекте педагогической грамматики [Грекова 2022: 41–62]. Из-

вестно, что выбор формы НСВ прошедшего времени в этом значении во многом зависит от характера ситуации, причем ситуационных типов, оказывающих влияние на выбор вида, чрезвычайно много.

Возможность столкновения двух правил мы покажем на примере двунаправленной разновидности общефактического значения. По поводу двунаправленного действия НСВ считают, что при различении конкретно-фактического значения СВ и общефактического НСВ выбор определяется реальным наличием или аннулированием результата в момент речи. В основном случае это кажется само собой разумеющимся: если в данный момент результат налично, употребляется форма СВ — *Кто открыл окно?* ('окно открыто'), а если результат уже аннулирован, то употребляется форма НСВ — *Кто открывал окно?* ('в момент речи окно закрыто'). На самом деле, однако, применимость данного правила (представленного в указанной формулировке) не является абсолютной. В качестве иллюстрации представим следующую ситуацию из книги О.П. Рассудовой: «...войдя в комнату, где открыто окно (и, значит, результат действия <...> налично в момент речи), мы можем сказать: *Кто открыл окно, ведь я просил этого не делать?*, но можем употребить в вопросе со словом *кто* и НСВ: *Вы не знаете, кто открывал окно? На подоконнике лежали мои бумаги, их куда-то переложили*» [Рассудова 1982: 56]. К приведенной ситуации добавим и пример А.А. Караванова [указ. соч.: 120], аналогичный с точки зрения рассматриваемой проблематики. Ситуация: 'из аудитории уже все студенты ушли' (значит, результат налично). Тем не менее преподаватель обращается к студентам, употребляя НСВ: *Кто последним уходил из аудитории? Вы не забыли выключить свет?* Из этого примера также явствует, что указанное выше правило не охватывает все случаи, его надо дополнить: если в данной ситуации внимание говорящего направлено не на результат или на производителя действия, а на его прочие обстоятельства, то, несмотря на наличие результата, должна употребляться форма НСВ.

Столкновение правил, связанных с выражением результативности, наблюдается и в более простых случаях. Если, например, достижение результата (или шире — предела) действия представлено в плане многократности, то в русском языке обычно употребляется НСВ. Следовательно, правило, основывающееся на неограниченном повторении действия, является правилом более высокого ранга. Это станет очевидно, если акцентируется реализованный результат в итеративном контексте: *Он решил задачу за 5 минут* → *Такие задачи он (всегда/каждый раз) решал за 5 минут*. При этом, однако, известно, что сам по себе повторяющийся характер действия — в некоторых типах контекста — не исключает употребления

глагола СВ (см. суммарное или наглядно-примерное значения). Трудности в связи с выбором глагольного вида возникают, в частности, потому, что число абсолютных правил весьма невелико, абсолютные правила могут быть сформулированы скорее на основе сочетаемостной характеристики, без учета варьирования ситуаций. Обратим внимание в этой связи на истинность следующей закономерности: на СВ налагаются разные формальные ограничения — он не сочетается с определенным набором обстоятельств и, в форме инфинитива не сочетается с фазовыми глаголами, тогда как НСВ в целом не характеризуется формальными ограничениями. Однако предлагаемое таким образом «универсальное» правило само по себе вряд ли может способствовать формированию аспектуальной субкомпетенции иностранных учащихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
2. Борисова Е.Г. Частновидовые значения и практические правила употребления видов русского глагола // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Отв. ред.: М. Ю. Черткова. М., 1998. С. 80–87.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 3-е изд., М., 1986.
4. Гловинская М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
5. Горбова Е.В. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 20–45.
6. Грекова О.К. Виды значений повторяемости и средства их выражения в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985.
7. Грекова О.К. Очерки современной русской функциональной аспектологии: В 2 кн. Кн. 1. М., 2022.
8. Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
9. Зализняк Анна А., Микаэлян И.Л., Шмелев А.Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 3–23.
10. Караванов А.А. Семантика суммарных дистрибутивов с префиксом *по-* в свете теории Л.В. Щербы об эксперименте в языкознании // Язык, сознание, коммуникация / Под ред. В.В. Красных и А.И. Изотова. М., 1999. С. 5–11.
11. Караванов А.А. Виды русского глагола: значение и употребление. 2-е изд., М., 2004.
12. Крекич Й. Что такое результативность? // *Studia Slavica Hung.* 31.1985. С. 347–356.
13. Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.
14. Палоши И. К вопросу о выражении хабитуалиса в русском языке // *Beiträge zum 18. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav)*: 3–5. September 2014, Budapest. (Die Welt der Slaven; Sammelbände 57). Wiesbaden, 2015. С. 187–196.
15. Папп Ф. К сопоставительному изучению русских и венгерских вербальных ассоциаций // *Hungaro-Slavica*. Budapest, 1983. С. 231–245.

16. Петрухина Е.В. Категория результативности в глагольной системе русского языка // *Studia i Materiały Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie. Filologia rosyjska*. 1993. Nr 49. С. 69–78.
17. Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке (в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками). М., 2000.
18. Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени: Учебное пособие. М., 2009.
19. Плунгян В.А. К определению результата // *Вопросы языкознания*. 1989. № 6. С. 55–63.
20. Рассудова О.П. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1982.
21. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. 2-е изд. М., 2011.
22. Русская грамматика Т. 1 / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
23. Семиколенова Е.И. «Кратность» как тип отношений между глаголами в видовой паре // *Вісник Днітропетровського університету. Серія «Мовознавство»*. № 11, 2009. Вип. 15, т. 3. С. 120–126.
24. Титаренко Е.Я. Имплицитная аспектология русского глагола. Симферополь, 2019.
25. Ясаи Л. О соотношении лексико-семантической категории предельности и глагольного вида // *Studia Slavica Hung.* 60/1. 2015. С. 43–53.
26. Ясаи Л. К вопросу о выражении итеративности в русском языке // *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. Vol. 11. 2022. № 1. С. 305–329.
27. Lehmann V. Der russische Aspekt und die lexikalische Bedeutung des Verbs // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 48.1988. С. 170–181.

REFERENCES

1. Bondarko A.V. *Printsipy funkcional'noi grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of functional grammar and issues of aspectology]. Leningrad, Nauka, 1983. (In Russ.)
2. Borisova E.G. Chastnovidovye znachenii i prakticheskie pravila upotrebleniia vidov russkogo glagola [Contextual aspectual meanings and practical rules for using aspects of the Russian verb] // *Tipologii i vida. Problemy, poiski, resheniia*. Ed. M. Iu. Chertkova. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury, 1998, pp. 80–87. (In Russ.)
3. Glovinskaia M.Ia. *Mnogoznachnost' i sinonimii v vido-vremennoi sisteme russkogo glagola* [Polysemy and synonyms in the aspect-tense system of the Russian verb]. Moscow, Azbukovnik — Russkie slovari, 2001. (In Russ.)
4. Gorbova E.V. Vidovaia parnost' russkogo glagola: problemy i resheniia [Aspectual pairing of the Russian verb: problems and solutions] // *Voprosy iazykoznanii*. 2011, no 4, pp. 20–45. (In Russ.)
5. Grekova O.K. *Vidy znachenii povtoriaemosti i sredstva ikh vyrazhenii v sovremennom russkom iazyke* [Types of repetition meanings and means of their expression in modern Russian language]. (Avtoref. diss. na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk, MGU) Moscow, 1985. (In Russ.)
6. Grekova O.K. *Ocherki sovremennoi russkoi funkcional'noi aspektologii* [Essays on modern Russian functional aspectology]. V dvuh knigah. Kniga pervai. Moscow, MAKSPRESS, 2022. (In Russ.)
7. Jászay L. O sootnoshenii leksiko-semanticheskoi kategorii predel'nosti i glagol'nogo vida [On the relationship between the lexico-semantic category of limitativity and verbal aspect] // *Studia Slavica Hung.* 60/1. 2015, pp. 43–53. (In Russ.)

8. Jászay L. K voprosu o vyrazhenii iterativnosti v russkom iazyke [On the problem of iterative action of the Russian verb] // *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. Vol. 11. 2022, no 1, pp. 305–329. (In Russ.)
9. Karavanov A.A. Semantika summarykh distributivov s prefiksom po- v svete teorii L.V. Shcherby ob eksperimente v iazykoznanii [Semantics of summary distributives with the prefix po- in Light of L.V. Shcherba's theory of experiment in linguistics] // *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia*. Pod red. V. V. Krasnykh i A. I. Izotova. Moscow, Dialog-MGU, 1999, pp. 5–11. (In Russ.)
10. Karavanov A.A. *Vidy russkogo glagola: znachenie i upotreblenie* [Aspects of the Russian verb: meaning and usage]. Izd. 2-e, Moscow, Russkii iazyk. Kursy, 2004. (In Russ.)
11. Krékits J. Chto takoe rezul'tativnost'? [What is resultativity?] // *Studia Slavica Hung.* 31.1985, pp. 347–356. (In Russ.)
12. Lehmann V. Der russische Aspekt und die lexikalische Bedeutung des Verbs [Aspect in Russian and the lexical meaning of the verb] // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 48.1988, pp. 170–181. (In German)
13. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniia* [Semantic research]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury, 1996. (In Russ.)
14. Pálosi I. K voprosu o vyrazhenii khabitualisa v russkom iazyke [On the question of the expression of habituality in the Russian language] // Beiträge zum 18. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav): 3–5. September 2014, Budapest. *Die Welt der Slaven; Sammelbände 57*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2015, pp. 187–196. (In Russ.)
15. Papp F. K sopostavitel'nomu izucheniiu russkikh i vengerskikh verbal'nykh assotsiatsii [On the comparative study of Russian and Hungarian verbal associations] // *Hungaro-Slavica*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1983, pp. 231–245. (In Russ.)
16. Petrukhina E.V. Kategorii rezul'tativnosti v glagol'noi sisteme russkogo iazyka [The category of resultativity in the verb system of the Russian language] // *Studia i Materiały Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie. Filologia rosyjska*. 1993, no 49, pp. 69–78. (In Russ.)
17. Petrukhina E.V. *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom iazyke (v sopostavlenii s cheskim, slovatskim, pol'skim i bol'garskim iazykami)* [Aspectual categories of the verb in the Russian language (in comparison with Czech, Slovak, Polish, and Bulgarian languages)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo un-ta, 2000. (In Russ.)
18. Petrukhina E.V. *Russkii glagol: kategorii vida i vremeni*. Uchebnoe posobie [Russian verb: categories of aspect and tense]. Moscow, MAKS Press, 2009. (In Russ.)
19. Plungian V.A. K opredeleniiu rezul'tativa [On the definition of resultative] // *Voprosy iazykoznanii*. 1989, no 6, pp. 55–63. (In Russ.)
20. Rassudova O.P. *Upotreblenie vidov glagola v sovremennom russkom iazyke* [Usage of verb aspects in modern Russian]. Moscow, Russkii iazyk, 1982. (In Russ.)
21. Remchukova E.N. *Kreativnyi potentsial russkoi grammatiki* [Creative potential of the Russian Grammar]. Izd. 2-e. Moscow, URSS, 2011. (In Russ.)
22. *Russkaia grammatika T. 1* / Ed. N.Iu. Shvedova [Russian grammar, Vol. 1]. Moscow, Nauka, 1980. (In Russ.)
23. Semikolenova E.I. «Kratnost'» kak tip otnoshenii mezhdu glagolami v vidovoi pare [Multiplicity as a type of relationship between verbs in an aspectual pair] // *Visnik Dnitropetrovs'kogo universitetu. Seriiia «Movoznavstvo»*, no 11, 2009. Vip. 15, t. 3, pp. 120–126. (In Russ.)
24. Titarenko E.Ia. *Implitsitnaia aspektologiiia russkogo glagola* [Implicit aspectology of the Russian verb]. Simferopol', ARIAL, 2019. (In Russ.)

25. Vinogradov V.V. *Russkii iazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (grammatical doctrine of the word)]. Izd. 3-e, Moscow, Vysshiaia skola, 1986. (In Russ.)
26. Zalizniak Anna A., Mikaelian I.L. Shmelev A.D. *Vidovaia korreliativnost' v russkom iazyke: v zashchitu vidovoi pary* [Aspectual correlativity in Russian: in defense of the aspectual pair] // *Voprosy iazykoznanii*. 2010, no 1, pp. 3–23. (In Russ.)
27. Zalizniak Anna A., Shmelev A.D. *Vvedenie v russkuiu aspektologiiu* [Introduction to Russian aspectology]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury, 2000. (In Russ.)

Поступила в редакцию 03.02.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 30.04.2025

Received 03.02.2025

Accepted 22.04.2025

Revised 30.04.2025

ОБ АВТОРЕ

Ясаи Ласло — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы гуманитарного факультета Университета им. Лоранда Этвёша; jaszay.laszlo@btk.elte.hu

ABOUT THE AUTHOR

László Jászay — DSc, Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary; jaszay.laszlo@btk.elte.hu

РУССКИЕ НЕГАТОНИМЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В.С. Савельев, Дин Пэй

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; alfertinbox@mail.ru, DingPei121@163.com

Аннотация: Работа посвящена изучению негатонимов — разновидности антропонимов, представляющих собой производные псевдонимы, дериваторы которых выражают значение отрицания того, что называют их мотиваторы (например, *Александр Не-Македонский, Не-врач*). Материалом исследования служат лексемы, включенные в «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова. Устанавливается, что изучение негатонимов является актуальной задачей современной лингвистики. Определяется круг проблем, которые требуют решения в рамках исследования этой группы слов. Предлагается уточнить объем понятия «негатоним», признав возможность отнесения к данному типу псевдонимов не только дериватов с формантом «не», но и слов, образованных при помощи других дериваторов. Устанавливаются и описываются типы уникальных словообразовательных моделей образования негатонимов. Поднимается проблема вариативного их написания; устанавливается, что вариативность проявляется в выборе: а) слитного, дефисного и раздельного написания форманта «не», б) написания мотиватора со строчной или заглавной буквы. Устанавливаются особенности негатонимов, образуемых от производящих баз, принадлежащих разным частям речи. Отмечается, что негатонимы могут быть классифицированы на основании типологизации значений производящих баз: данный тип классификации представляется крайне важным для определения лингвокультурологических характеристик объекта исследования. При этом устанавливается, что определение семантических оснований номинации в ряде случаев является проблематичным: в качестве примеров приводятся негатонимы, анализ которых показывает, что корректное объяснение семантической мотивации возможно только при условии учета экстралингвистической информации. Приводятся и анализируются примеры, доказывающие, что образование негатонимов связано с авторским стремлением к словотворчеству, требующим использования разнообразных приемов языковой игры. Устанавливается состав группы негатонимов конца XIX — начала XX вв., производящими базами которых являются онимы русских писателей первой половины XIX в. Высказывается предположение, что создание таких псевдонимов было возможным только при условии общеизвестности этих имен, в связи с чем определяется еще один аспект изучения негатонимов как лексем, анализ которых позволяет установить состав прецедентных имен той или иной эпохи.

Ключевые слова: словообразование; псевдонимы; негатонимы; языковая игра; прецедентные имена

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-7

Для цитирования: Савельев В.С., Дин Пэй. Русские негатонимы: перспективы изучения // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 69–81.

RUSSIAN NEGATONYMS: PROSPECTS FOR STUDY

Victor Savelyev, Ding Pei

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; alfertinbox@mail.ru, DingPei121@163.com

Abstract: The work is devoted to the study of negatonyms — a type of anthroponyms that are derivative pseudonyms, the derivatives of which express the meaning of the negation of what their motivators name (for example, *Alexander the Non-Macedonian*, *Non-doctor*). The material for the study is the lexemes included in the *Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures* by I.F. Masanov. It is established that the study of negatonyms is a current task of modern linguistics. The range of problems that require solutions within the framework of the study of this group of words is determined. It is proposed to clarify the scope of the concept of “negatonym”, recognizing the possibility of classifying as this type of pseudonym not only derivatives with the formant “ne (not/non)”, but also words formed with the help of other derivatives. The types of unique word-formation models for negatonyms are established and described. The problem of their variable spelling is raised; it is established that the variability is manifested in the choice of: a) continuous, hyphenated and separate spelling of the formant “ne (not/non)”, b) spelling of the motivator with a lowercase or capital letter. The features of negatonyms formed from derivational bases belonging to different parts of speech are established. It is noted that negatonyms can be classified based on the typology of the meanings of the derivational bases: this type of classification seems to be extremely important for determining the linguacultural characteristics of the object of study. It is established that the definition of the semantic bases of nomination is problematic in a number of cases: examples of negatonyms are given, the analysis of which shows that a correct explanation of semantic motivation is possible only if extralinguistic information is taken into account. Examples are given and analyzed proving that the formation of negatonyms is associated with the author’s desire for word creation, which requires the use of various techniques of language play. The composition of the group of negatonyms of the late 19th — early 20th centuries is established, the derivational bases of which are the onyms of Russian writers of the first half of the 19th century. It is suggested that the creation of such pseudonyms was possible only under the condition that these names were well known, in connection with which another aspect of the study of negatonyms as lexemes is determined, the analysis of which allows us to establish the composition of precedent names of a particular era.

Keywords: word formation; pseudonyms; negatonyms; language game; precedent names

For citation: Savelyev V.S., Ding Pei (2025). Russian Negatonyms: Prospects for Study. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 69–81.

Одним из актуальных вопросов словообразования русского языка является изучение псевдонимов — разновидности антропонимов, исследование которых в последние десятилетия вызывает интерес отечественных лингвистов. Согласно определению Н.В. Подольской, псевдоним представляет собой вид антропонима, обозначающий «вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него» [Подольская 1988: 113]. Среди псевдонимов, образующих группы слов, объединенных различными общими признаками (о типах псевдонимов см. исследования [Дмитриев 1978; Голомидова 1998; Мочалкина 2004]), выделяются **негатонимы** (или **негативные псевдонимы**). По определению В.Г. Дмитриева, первым среди исследователей упомянувшего данную группу псевдонимов, негатоним — это «подпись, отрицающая принадлежность автора к той или иной профессии, партии и т. д.: *Не врач, Не депутат*, или противопологающая его тому или иному писателю: *Негорький, Марк Нетвен*» [Дмитриев 1978: 278].

В научных работах, посвященных изучению псевдонимов, негатонимы как отдельный объект исследования не выделяются; скорее можно говорить об упоминании некоторых из них в качестве иллюстративного материала, доказывающего разнообразие способов образования псевдонимов (см. указанные выше исследования). Между тем негатонимы представляют собой группу слов, требующую специального изучения по ряду причин.

И. Прежде всего отсутствует четкое определение объема понятия «негатоним». В частности, во всех исследованиях в качестве примеров негатонимов приводятся псевдонимы, образованные при помощи форманта «не» (см. [Дмитриев 1978: 138, 139; Суперанская, Суслова 1981: 144; Голомидова 1998: 122])¹. На наш взгляд, к негатонимам может быть отнесен более широкий круг производных псевдонимов, словообразовательная структура которых указывает на отрицание значения мотиватора: псевдонимы с формантами *без-* (*Безвестный, П.* — А.В. Дружинин (1863) [Масанов 1956: 150])², *Без-*

¹ Здесь и далее в качестве негатонимов будут рассматриваться как однословные, так и неоднословные псевдонимы.

² Здесь и далее примеры из «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова — основного источника сведений

гласный — В.Ф. Одоевский (1834) [Масанов 1956: 150], *Бездольный* — Б.Г. Имас (1916) [Масанов 1956: 150], *Бездомный* — Н.И. Пастухов (1866) [Масанов 1956: 150] и др.)³, *за-* (*Защитный* — В.М. Каченовский (1882) [Масанов 1956: 391], *Защитный поэт* — В.А. Петров (1877) [Масанов 1956: 391], *Защитный юморист* — Г.Е. Благодетель (1880) [Масанов 1956: 391] и др.), *лже-* (*Лжедмитрий* — Д.Н. Семеновский (1917) [Масанов 1957: 121]) и *ни-* (*Никто* — М.А. Ашкинази (1908) [Масанов 1957: 269], *Никто, Я* — Е.П. Карпов (1885) [Масанов 1957: 270] и др.). Их общей особенностью является то, что появление таких псевдонимов не связано непосредственно со словотворчеством их авторов: это слова, которые существовали в языке и ранее, однако их выбор в качестве псевдонимов мотивирован именно наличием отрицательного компонента — осмысление этих слов как псевдонимов заставляет читателей обратить внимание на их внутреннюю форму и «восстановить» отрицательный компонент значения⁴.

В то же время можно предположить, что далеко не все псевдонимы, начинающиеся формантом «не», можно однозначно отнести к негатонимам. Так, авторы, выбравшие в качестве псевдонимов существительные *Неверов, Неволин, Незванов, Незнанов* (см. [Масанов 1957: 253, 256, 257]) и подобные им, возможно, ориентировались на внутреннюю форму этих слов, однако, как нам кажется, распространенность их употребления в качестве настоящих фамилий если и позволяет назвать их негатонимами, то такими, которые следует отнести к периферии данной группы слов.

о русских псевдонимах — приводятся в следующем порядке: псевдоним, ФИО автора (в ряде случаев имя и отчество у И.Ф. Масанова не указываются), год первого использования псевдонима (при наличии информации у И.Ф. Масанова), ссылка на «Словарь» И.Ф. Масанова. В случае, когда указание ФИО автора, скрывающегося за псевдонимом, несущественно, приводится только ссылка на «Словарь» И.Ф. Масанова.

³ Заметим, что в фундаментальном исследовании Б.О. Унбегауна, посвященном русским фамилиям, есть раздел, в котором рассматриваются «фамилии, образованные от отрицательных прилагательных», в который включены онимы, образованные от прилагательных «с приставкой *не-* и с приставкой *без/бес-*» [Унбегаун 1989: 145].

⁴ Отметим, что отнесение к негатонимам слов, не включающих формант *не-*, требует серьезного предварительного анализа. Так, морфемная структура псевдонима *Внешкольник* (Александр Георгиевич Коровенко (1928) [Масанов 1956: 244]), на первый взгляд, позволяет отнести его к негатонимам, однако использование этого онима не связано с отрицанием того, что автор является школьником, но указывает на сферу его деятельности, о чем свидетельствует жанровая принадлежность его текстов: А.Г. Коровенко написал книги «Что читать пионеру летом» (1928), «Самообразование и самоорганизация деревенского вожака» (1930), сотрудничая, в частности, с Отделом детского чтения Института методов внешкольной работы.

Иначе следует оценить псевдонимы, образованные на базе прилагательных с формантом «не»: с одной стороны, эти слова используются в повседневной речи, не будучи негатонимами, с другой стороны — частотность их употребления в качестве псевдонимов, явная их оценочность и, на наш взгляд, нарочитость использования говорят об осознанности их выбора именно как слов, образованных с помощью отрицательного форманта. Так, в «Словаре» И.Ф. Масанова 2 раза встречается псевдоним *Неведомый*, но ни разу *Ведомый*; 6 раз употребляется псевдоним *Незаметный*, но ни разу *Заметный*; 18 авторов используют псевдоним *Неизвестный*, но ни один автор не называет себя *Известный* (см. [Масанов 1957: 252, 256–258]). Следует обратить внимание и на то, что в ряде случаев авторы графически выделяют в псевдониме формант «не», выбирая или отдельное его написание (например, *Не дикий* [Масанов 1957: 255]), или написание через дефис (например, *Не-лишний* [Масанов 1957: 260]), в то время как для псевдонимов типа *Неверов* подобная вариативность не характерна.

Следует отметить, что прилагательные с формантом «не» регулярно образуют неоднословные негатонимы, такие как *Незловный автор*, *Неизменный театр*, *Неисправимый резонер*, *Неистовый балетоман*, *Неответственный редактор Индеец*, *Непопулярный литератор*, *Непризнанный поэт*, *Неувенчанный поэт*, *Неудачный редактор Wlas* (см. [Масанов 1957: 257, 258, 262, 264]) и т. д., при этом атрибутивные сочетания, в которых формант «не» находился бы перед существительным (**Зловный не автор*, **Исправимый не резонер* и под.), в «Словаре» И.Ф. Масанова не обнаруживаются.

II. Актуальной задачей является определение способов образования псевдонимов, некоторые из которых представляются уникальными по одной из двух причин:

1. Использование вполне стандартных дериваторов может сочетаться с необычной трансформацией производящих баз. Приведем несколько примеров образования псевдонимов на основе антропонимов разного типа, называющих известных людей.

– Негагии подвергается одна из частей неоднословного антропонима (при этом формант «не» может трансформировать разные его составляющие): *Александр Македонский* > *Александр Не-Македонский* [Масанов 1956: 93]; *Александр Сергеевич Пушкин* > *Александр Сергеевич Не Пушкин* [Масанов 1957: 262]; *Густав Надо* > *Густав Не-Надо* [Масанов 1957: 261]; *Князь Мецкерский* > *Князь Не-Мецкерский* [Масанов 1957: 65]; *Козьма Прутков* > *Не Козьма Прутков* [Масанов 1957: 258]; *Максим Горький* > *Немаксим Горький* [Масанов 1957: 260] (ср. с однословным псевдонимом *Негорький*

[Масанов 1957: 254]); *Марк Твен* > *Марк Нетвен* [Масанов 1957: 264]; *Микель Анджело* > *Микель Неанджело* [Масанов 1957: 187].

– Негации одной из частей неоднословного антропонима сопутствует замена второй его части на имя автора: *Генрих Гейне* > *Иван Негейне* — Иван Кузьмич Кондратьев (1879) [Масанов 1957: 254].

– Антропоним подвергается сращению и негации, в псевдоним включается инициал, восходящий к имени автора: *Поль де Кок* > *Е. Непольдекок* — Евсей Маркович Ещин (1887) [Масанов 1957: 262].

– Часть или обе части неоднословного антропонима подвергаются негации, при этом оним в целом преобразуется в синтаксическую конструкцию с сочинительной связью: *Микель Анджело* > *Микель, но не Анджело* [Масанов 1957: 187]; *Демьян Бедный* > *Не Демьян, но бедный* [Масанов 1957: 264]; *Князь Ухтомский* > *Не князь и не Ухтомский* [Масанов 1957: 258].

– Несколько однословных антропонимов мотивируют псевдонимы, в которых они связаны сочинительными отношениями, при этом негации подвергаются оба антропонима или один из них: *Вагнер, Гуно* > *Невагнер и Негуно* [Масанов 1957: 252]; *Шекспир, Ланской* > *Не Шекспир, а Ланской* [Масанов 1957: 264].

2. Негатонимы представляют собой результат **письменной** речевой деятельности их авторов, в связи с чем при образовании новых слов ими регулярно используются средства параграфематики. В частности, любой автор, образующий негатоним с помощью форманта «не», должен выбрать один из трех способ написания — слитное, дефисное или раздельное, а также определиться с использованием заглавной vs строчной буквы слова, которое подвергается негации, что приводит к различному оформлению одних и тех же псевдонимов, принадлежащих одному или нескольким авторам: *Густав Не-Надо* и *Густав Ненадо* — Н.П. Кильберг (1871) [Масанов 1957: 261], *Не Бессарабец* и *Не-бессарабец* — В.Я. Лучинский (1901) [Масанов 1957: 252], *Не-врач* — К.А. Дворжицкий (1903) и *Не врач* — С.П. Швецов (1897) [Масанов 1957: 253], *Не-гласный* — Н.П. Ашешов (1890), *Не гласный* — В.А. Гиляровский (1915) и *Негласный* — Н.С. Курочкин (1861) [Масанов 1957: 254] и др.

III. Указанная выше вариативность позволяет определить еще одну актуальную задачу изучения негатонимов — выявление закономерностей их написания.

Негатонимы, включенные в «Словарь» И.Ф. Масанова, представляют собой псевдонимы авторов преимущественно XVIII — начала XX вв. — времени, когда написание форманта «не» не было строго кодифицировано. Так, в своем основополагающем для русской орфографии труде Я.К. Грот указывает: «Отрицание *не* пишется большей частью безъ всякой последовательности, то слитно, то

раздѣльно. Для избѣжанія этой неопределенности нѣкоторые приняли за правило никогда не отделять *не* отъ слѣдующаго за нимъ слова <...>» [Грот 1885: 90]. Далее Я.К. Грот замечает: «Съ весьма многими прилагательными и нарѣчіями, произведенными отъ прил. качественныхъ, *не* пишется слитно, для выраженія въ отрицательной формѣ одного цѣльнаго понятія. Но когда отрицанію соответствуетъ въ другой части предложенія противоположное утвержденіе, то частица *не* должна отдѣляться. <...> Бываютъ и другіе случаи, въ которыхъ, смотря по смыслу, следуетъ писать *не* то слитно, то врознь» [Грот 1885: 90]. Таким образом, отмечается зависимость написания от семантики этого полифункционального форманта⁵.

Следуя данному принципу, авторы негатонимов, образующие ранее не существовавшие слова, выбирают то или иное написание, ориентируясь на свой авторский замысел — выразить некое новое понятие или подвергнуть отрицанию уже существующее. В связи с этим особой оценки требуют случаи дефисного написания форманта «не», не отмечаемого в трудах Я.К. Грота. На наш взгляд, написание «не» через дефис свидетельствует о намерении автора выделить графически средство выражения отрицания, но при этом показать, что оно вместе с мотиватором образует новый единый знак — новое слово. В связи с этим целесообразно оценить подобные форманты в качестве приставок. Еще одним аргументом в пользу такого решения является то, что в русской орфографической традиции написание через дефис свойственно сочетаниям морфем, образующим слово, а не сочетаниям слов⁶.

IV. Одной из задач изучения негатонимов является типологизация их производящих баз.

Помимо используемых в качестве производящих баз однословных и неоднословных онимов-существительных, нарицательных существительных и прилагательных, примеры которых приведены выше, негатонимы могут быть образованы от:

⁵ Ср. с определением В.В. Виноградова: «Сложность грамматической природы частицы *не* выражается в колебаниях ее употребления. Она выступает и в функции агглютинируемой приставки (ср.: *неймется; нездоровится, неможетсѣ, неприлично, недурно, независимый* и т.п.), и в роли отрицательной частицы. Как приставка *не-* выражает разнообразные оттенки отрицательной окраски: оттенки противоположности, количественного ограничения, недостаточности (например: *ненападение, нетерпение, недоброжелательность, ненормальный, нетрезвый, не-большой, несложный, не хватает, недостает* и т.п.). В функции отрицательной частицы *не* обозначает не только разные степени отрицания — то полного и неограниченного, то несколько ограниченного и неопределенного (в зависимости от синтаксических и фразеологических условий), но выражает также модально-экспрессивные оттенки» [Виноградов 1986: 549].

⁶ Исключением является написание некоторых приложений.

– местоимений: *Ваш > Не-ваш* — Н.С. Русанов (1879) [Масанов 1957: 252], *Свой > Несвой* — С.М. Коган (1909) и Н.Н. Родионов (1903) [Масанов 1957: 263], *Я > Не я* — И.П. Горизонтов (1869), И.А. Майоров (1917), Н.И. Пастухов (1911) и *Не-я* — С.П. Колошин (1859) [Масанов 1957: 264, 265];

– глагольных форм: *Замай > В. Незамай* — В.И. Аскооченский (1869) и *Григорий Незамай* — Г.А. Немиров (1871) [Масанов 1957: 256], *Скажусь > Нескажусь* и *Петр Нескажусь* — П.Д. Боборыкин (1861) и *Нескажуся* — Ф.Д. Нефедов (1866) [Масанов 1957: 263], *Стыжусь > Не стыжусь* — А.Ф. Писемский (1861) [Масанов 1957: 264];

– синтаксических конструкций различной структуры: *Не знаю кто* — А.Л. Леонтьев (XVIII в.) [Масанов 1960: 279], *Не поминай лихом* — И.А. Кущевский (1870) [Масанов 1957: 262], *Не спрашивай, кто я* — А.А. Соколов (1865) [Масанов 1957: 263].

V. Одна из наиболее сложных задач изучения негатонимов состоит в определении семантических оснований номинации. Как показывает анализ материала, среди существительных, мотивирующих образование негатонимов, можно выделить несколько групп:

– антропонимы — настоящие имена известных личностей: *Александр Сергеевич Не Пушкин* [Масанов 1957: 262], *Густав Не-Надо* [Масанов 1957: 261], *Микель Неанджело* [Масанов 1957: 187];

– антропонимы, включающие титулования: *Князь Не-Мещерский* [Масанов 1957: 65], *Не князь и не Ухтомский* [Масанов 1957: 258];

– псевдонимы⁷: *Не Козьма Прутков* [Масанов 1957: 258], *Немаксим Горький* [Масанов 1957: 260], *Марк Нетвен* [Масанов 1957: 264];

– характеристика по месту жительства: *Я. Несмоленец* [Масанов 1957: 263];

– национальность: *Не-еврей* [Масанов 1957: 255], *Не истинно-русский* [Масанов 1957: 258];

– принадлежность к политической группе: *Недекабрист* [Масанов 1957: 255], *Не-коммунист* [Масанов 1957: 259], *Не-Народник* [Масанов 1957: 261], *Не-политик* [Масанов 1957: 262];

– профессиональная принадлежность: *Не артист* [Масанов 1957: 252], *Не врач* [Масанов 1957: 253], *Не-географ* [Масанов 1957: 254], *Не-гомеопат* [Масанов 1957: 254], *Не-критик* [Масанов 1957: 259], *Не музыкант* [Масанов 1957: 261], *Не поэт* [Масанов 1957: 262],

⁷ Интересно, что авторы, псевдонимы которых использовались для образования негатонимов, могли также и сами моделировать псевдонимы, являющиеся негатонимами. Например, Д.Н. Семеновский использовал псевдоним *Не Ленин* (1917) [Масанов 1957: 260], в то время как среди псевдонимов В.И. Ульянова (Ленина) встречаются негатонимы *Не-депутат* [Масанов 1957: 255] и *Не-либеральный скептик* (1912) [Масанов 1957: 260].

Не-статистик [Масанов 1957: 263], *Нетехник* [Масанов 1957: 264], *Не фельетонист* [Масанов 1957: 264];

– принадлежность к определенной социальной группе: *Не миллионер* [Масанов 1957: 261], *Не помещик* [Масанов 1957: 262], *Не-профессор* [Масанов 1957: 262], *Не юбиляр* [Масанов 1957: 264];

– отношение к миру животных: *Не зверь* [Масанов 1957: 256], *Незмей* [Масанов 1957: 257].

Сложности в определении семантических оснований мотивации возникают чаще всего в тех случаях, когда негатонимы образованы от имен известных в прошлые века персон, о которых в настоящее время знают преимущественно специалисты. Например, псевдонимы *Не-Буренин* [Масанов 1957: 252], *Не-Каразин* [Масанов 1957: 258] с легкостью «расшифруют» литературоведы, однако вряд ли того же следует ожидать от не-литературоведов.

Приведем примеры, когда правильное установление оснований номинации требует знания творческого пути автора псевдонима. Писатель конца XIX — начала XX вв. К.К. Голохвастов создал более 50 произведений разных жанров, и среди его 15 псевдонимов (см. [Масанов 1960: 135]) обнаруживается негатоним *Жюль Неверный*, который он использовал только при написании пародийных текстов «Путешествие на Луну купца Труболётова» (1890) и «Превращение Ивана Ивановича Пузанчикова в пуделя» (1890). Писатель А.В. Шабельский использовал псевдоним *Негорький* при создании пьесы «По дороге на дно» [Масанов 1957: 254]. Журналист В.М. Дорошевич в 1889 г. издал фельетон «Записки Ашинова. Переделаны из “Записок сумасшедшего”» и подписал его *Не-Ашинов* [Масанов 1957: 252].

Иногда создание негатонима позволяет автору вступить в своеобразную лингво-литературную игру с другим автором. Так, Ипполит Фёдорович Василевский, знаменитый журналист, редактор журнала «Стрекоза», использовал в своем творчестве множество псевдонимов (в [Масанов 1960: 94, 95] приводится 32 наименования), при этом самым известным из них был псевдоним *Буква*, который употреблялся автором начиная с 1876 года по 10-е гг. XX в. В начале XX в. в различных изданиях стали появляться фельетоны его однофамильца — Ильи Марковича Василевского. И.М. Василевский также использовал множество псевдонимов (в [Масанов 1960: 94] указывается 24 наименования), при этом самым известным из них стал псевдоним *Не-Буква*. Одним из псевдонимов И.Ф. Василевского был однобуквенный псевдоним *Б.*; в свою очередь среди псевдонимов И.М. Василевского обнаруживается негатоним *Не-Б*⁸.

⁸ Кстати, и среди псевдонимов Ипполита Фёдоровича можно найти негатонимы — *не-В*, а также *Не-Аз*, который использовался автором наряду с псевдонимом *Аз*. См. подробнее [Савельев 2023: 31].

VI. Как показывают приведенные примеры, создание негатонима позволяет его автору в полной мере проявить свои способности к словотворчеству. В связи с этим актуальной представляется задача использования негатонимов в качестве материала для изучения особенностей языковой игры в области ономастики.

В большинстве случаев авторская языковая игра связана с переосмыслением производящей базы псевдонима. Приведем еще несколько примеров, демонстрирующих потенциал русского языка в этой сфере.

В псевдониме поэта С.А. Короткого *Не-бесный* [Масанов 1957: 252] обыгрывается омофонизм прилагательных «небесный» и «не бесный» (т. е. не одержимый бесом; см. [Даль 1880: 160]) — средством языковой игры является намеренно неправильное написание слова, допускающее двоякое толкование негатонима.

В псевдониме писателя В.В. Билибина *Не И. Грэк* (1882) [Масанов 1957: 252] обыгрывается название буквы, используемое для обозначения математического символа, причем первая его часть отделяется точкой от оставшейся, имитируя инициал.

Регулярно используемый негатоним-оксюморон *Не я (Не-я)* может включать дополнительный элемент, еще в большей степени подчеркивающий его абсурдность: *Совсем не я* — П.С. Цейхенштейн (1883) [Масанов 1958: 123], *Это не я* — П.А. Опочинин (1881) [Масанов 1958: 273]. Наиболее оригинальную, на наш взгляд, структуру имеет псевдоним поэта Ф.Б. Миллера — *Не нея* (1863) [Масанов 1957: 261].

Двойное отрицание мотиватора встречается также в псевдониме автора XVIII в. А.В. Храповицкого — *Ненезнакомый* (1773) [Масанов 1957: 261].

Особо следует отметить случаи языковой игры, когда трансформации подвергается включающая (хотя бы и на субморфном уровне) формант «не» фамилия великого русского поэта Н.А. Некрасова. В то время как исследователь его творчества П.А. Картавов скрывал свое имя за псевдонимом *Не-Некрасов* (1906) [Масанов 1957: 261], однофамилец поэта Н.Д. Некрасов (1867–1940), известный актер, режиссер и антрепренер, использовал псевдоним *Красов* [Тарасова 2000: 315]. Таким образом, трансформация прецедентного имени с формантом «не» осуществляется как с помощью префиксации, так и путем депрефиксации.

VII. Частое использование имен известных личностей в качестве производящих баз негатонимов обуславливает необходимость их изучения еще в одном аспекте: негатонимы представляют собой прекрасный материал для установления истории прецедентных имен — их появления и динамики функционирования.

Очевидно, что, конструируя псевдоним, автор, например, XIX в. должен был ориентироваться на когнитивную базу своего читателя,

а потому выбор псевдонима подтверждает, что прецедентное имя было хорошо известно современникам автора. Так, среди негатонимов конца XIX — начала XX вв. в «Словаре» И.Ф. Масанова упоминаются следующие псевдонимы, образованные от имен русских писателей и литературных критиков: *Не-Белинский* (1904) [Масанов 1957: 252], *Не-Вересаев* (1904) [Масанов 1957: 252], *Не-Гоголь* (1906) [Масанов 1957: 254], *Негорький* (1934) [Масанов 1957: 254], *Не Демьян, но бедный* (1923) [Масанов 1957: 255], *Не-Жуковский* (1905) [Масанов 1957: 256], *Не-Крестовский* (1902) [Масанов 1957: 259], *Не-Крылов* — А.А. Соколов (1872) и П.С. Цейхенштейн (1883) [Масанов 1957: 259], *Не-Некрасов* (1906) [Масанов 1957: 261], *Немаксим Горький* (1904) [Масанов 1957: 260], *Александр Сергеевич Не Пушкин* (1870) [Масанов 1957: 262].

Как мы видим, в «список» общепризнанных классиков русской словесности первой половины XIX века, фамилии которых послужили основой негатонимов, используемых в конце XIX — начале XX вв., входят В.Г. Белинский, Н.В. Гоголь, В.А. Жуковский, И.А. Крылов и А.С. Пушкин. Возможность использования этих имен в качестве базы для образования негатонимов, на наш взгляд, свидетельствует об особом месте, которое они занимают в сознании носителей русского языка конца XIX — начала XX вв.: это общеизвестные уже на тот момент прецедентные имена, вызывающие вполне определенные ассоциации у читателей, а потому возможные для использования в качестве источников негатонимов.

* * *

Таким образом, негатонимы представляют собой группу слов, изучение которых является актуальной задачей современной лингвистики и требует многоаспектного подхода с применением методов исследования как чисто лингвистических, так и лингвокультурологических.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 3-е, испр. М., 1986.
2. *Голомидова М.В.* Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.
3. *Грот Я.К.* Русское правописание. 2-е изд. СПб., 1885.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А–З. 2-е изд., испр. М.; СПб., 1880.
5. *Дмитриев В.Г.* Скрывшие своё имя (Из истории анонимов и псевдонимов). М., 1980.
6. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 1. Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита. А–И. М., 1956.

7. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 2. Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита. К–П. М., 1957.
8. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 3. Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита. Р–Я. М., 1958.
9. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. Алфавитный указатель авторов. М., 1960.
10. Мочалкина К.С. Псевдонимы в системе современной русской антропониимии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
11. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988.
12. Савельев В.С. Красов, Некрасов и Не-Некрасов // Карабихские научные чтения. После юбилея: новые перспективы изучения Н.А. Некрасова и его эпохи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль, 2022. С. 168–172.
13. Савельев В.С. Псевдонимы, включающие церковнославянские названия букв кириллицы: структура и способы образования (статья 2) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 3. С. 21–33.
14. Суперанская А.В., Суслова А.В. Современные русские фамилии. М., 1981.
15. Тарасова А.А. Н.Д. Красову (Некрасову) // М. Горький. Полное собрание сочинений. Письма в двадцати четырех томах. Т. 6. М., 2000. С. 315.
16. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989.

REFERENCES

1. Dal' V.I. *Tolkovnyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Tom pervyj* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Volume one]. 2nd ed. Moscow, Saint Petersburg, Izdanie knigoprodavca-tipografa M.O. Vol'fa, 1880. 810 p. (In Russ.)
2. Dmitriev V.G. *Skryvshe svoyo imya (Iz istorii anonimov i psevdonimov)* [Those who have hidden their name (from the history of anonymous and pseudonyms)]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 313 p. (In Russ.)
3. Golomidova M.V. *Iskusstvennaya nominaciya v russkoj onomastike* [Artificial nomination in Russian onomastics]. Yekaterinburg, 1998. 232 p. (In Russ.)
4. Grot YA.K. *Russkoe pravopisanie* [Russian spelling]. 2nd ed. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1885. 148 p. (In Russ.)
5. Masanov I.F. *Slovar' psevdonimov russkih pisatelej, uchenyh i obshchestvennyh deyatelej* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures]. T. 1. *Alfavitnyj ukazatel' psevdonimov. Psevdonimy russkogo alfavita. A–I*. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznoj knizhnoj palaty, 1956. 444 p. (In Russ.)
6. Masanov I.F. *Slovar' psevdonimov russkih pisatelej, uchenyh i obshchestvennyh deyatelej* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures]. T. 2. *Alfavitnyj ukazatel' psevdonimov. Psevdonimy russkogo alfavita. K–P*. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznoj knizhnoj palaty, 1957. 387 p. (In Russ.)
7. Masanov I.F. *Slovar' psevdonimov russkih pisatelej, uchenyh i obshchestvennyh deyatelej* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures]. T. 3. *Alfavitnyj ukazatel' psevdonimov. Psevdonimy russkogo alfavita. R–YA*. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznoj knizhnoj palaty, 1958. 416 p. (In Russ.)
8. Masanov I.F. *Slovar' psevdonimov russkih pisatelej, uchenyh i obshchestvennyh deyatelej* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures].

- T. 4. Novye dopolneniya k alfavitnomu ukazatelyu psevdonimov. Alfavitnyj ukazatel' avtorov. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznoj knizhnoj palaty, 1960. 558 p. (In Russ.)
9. Mochalkina K.S. *Psevdonimy v sisteme sovremennoj russkoj antroponimii*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Pseudonyms in the system of modern Russian anthroponymy. PhD Thesis.]. Volgograd, 2004. 20 p. (In Russ.)
 10. Podol'skaya N.V. *Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1988. 192 p. (In Russ.)
 11. Savel'ev V. S. Krasov, Nekrasov i Ne-Nekrasov [Krasov, Nekrasov and Ne-Nekrasov]. *Karabihskie nauchnye chteniya. Posle yubileya: novye perspektivy izucheniya N.A. Nekrasova i ego epohi. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Karabikha scientific readings. After the anniversary: new perspectives for studying N.A. Nekrasov and his era. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Yaroslavl, Akademiya 76, 2022, pp. 168–172. (In Russ.)
 12. Savel'ev V.S. Psevdonimy, vklyuchayushchie cerkovnoslavjanskije nazvaniya bukv kirillicy: struktura i sposoby obrazovaniya (stat'ya 2) [Pseudonyms, including Church Slavonic names of Cyrillic letters: structure and methods of formation (Article 2)]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologiya* [Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology], 2023, № 3, pp. 21–33. (In Russ.)
 13. Superanskaya A.V., Suslova A.V. *Sovremennye russkie familii* [Modern Russian surnames]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 176 p. (In Russ.)
 14. Tarasova A.A. N.D. Krasovu (Nekrasovu) [To N.D. Krasov (Nekrasov)]. M. Gor'kij. *Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma v dvadcati chetyrehkh tomah. Tom shestoj* [Complete set of works. Letters in 24 vol. Vol. 6]. Moscow, «Nauka» Publ., 2000, p. 315.
 15. Unbegaun B.O. *Russkie familii* [Russian surnames]. Moscow, Progress Publ., 1989. 443 p. (In Russ.)
 16. Vinogradov V.V. *Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical doctrine of words]. 3rd ed. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986. 640 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 07.11.2024

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 30.04.2025

Received 07.11.2024

Accepted 22.04.2025

Revised 30.04.2025

ОБ АВТОРАХ

Савельев Виктор Сергеевич — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; alfertinbox@mail.ru

Дин Пэй — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; DingPei121@163.com

ABOUT THE AUTHORS

Victor Savelyev — Prof. Dr., Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; alfertinbox@mail.ru

Ding Pei — postgraduate student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; DingPei121@163.com

ОБРАЗОВАНИЕ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСАМИ *-*j-* И *-ов-/ев-* ОТ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ

С.В. Салтовская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; saltovskaya2000@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются притяжательные прилагательные, образованные от имен собственных с помощью суффиксов *-*j-* и *-ов-/ев-*. Материалом исследования являются памятники бытового, летописного и делового жанра XI–XV вв., а именно берестяные грамоты, Киевская летопись по Ипатьевскому списку и Синодальный список Новгородской I летописи, духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. Известно, что суффикс *-ов-/ев-*, как один из самых продуктивных в древнерусском языке, присоединялся к основам слов мужского и среднего морфологического рода, а суффикс *-*j-*, в истории русского языка утратившийся, — к основам слов мужского морфологического рода и редко к основам женского рода. Как оказывается, в древнерусском языке существует еще одна, дополнительная, закономерность в образовании притяжательных прилагательных с суффиксами *-*j-* и *-ов-/ев-*, заключающаяся в следующем: от двусловных дохристианских славянских имен типа *Бориславъ* образуются, как правило, прилагательные с суффиксом *-*j-* — *Бориславъ*; от христианских имен собственных, таких как *Гюрги*, *Олекъсанѣдръ* и других, в основном встречаются прилагательные с суффиксом *-ов-/ев-* — *Гюргевъ*, *Олекъсанѣдровъ*; к этой группе имен примыкают германские имена *Гльбъ*, *Ольгъ*, *Рюрикъ*, от которых также образуются прилагательные с суффиксом *-ов-/ев-* — *Гльбовъ*, *Ольговъ*, *Рюриковъ*; от усеченных, или гипокористических, имен типа *Климъ*, *Василь* встречаются образования только на *-ов-/ев-* — *Климовъ*, *Василевъ*. Таким образом, в древнерусском языке XI–XV вв. существовал, по-видимому, дополнительный критерий, участвующий в образовании притяжательных прилагательных с суффиксами *-*j-* и *-ов-/ев-* от имен собственных, а именно лексико-семантический.

Ключевые слова: притяжательные прилагательные; образование притяжательных прилагательных; имена собственные; древнерусские памятники письменности

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-8

Для цитирования: Салтовская С.В. Образование притяжательных прилагательных с суффиксами *-*j-* и *-ов-/ев-* от имен собственных в древнерусских

POSSESSIVE ADJECTIVES' FORMATION WITH SUFFIXES -**j*- AND -*ov*-/*ev*- FROM PROPER NAMES IN OLD RUSSIAN MANUSCRIPTS

Sofia Saltovskaia

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; saltovskaya2000@mail.ru

Abstract: The present paper is concerned with possessive adjectives, formed from personal proper names by means of suffixes -**j*- и -*ov*-/*ev*-. The research material is manuscripts of everyday and chronicle genres, as well as business style documents of the 11th–15th centuries, namely birchbark letters, the Kievan Chronicle according to the Hypatian Codex and the Synod Scroll of the Novgorod I Chronicle, the spiritual and contractual charters of the great and appanage princes. It is known that the suffix -*ov*-/*ev*-, as one of the most productive in Old Russian, was added to the words stem of the masculine and neuter morphological gender, and the suffix -**j*-, lost in the history of the Russian language, was added to the words stem of the masculine morphological gender and rarely to the basics of the feminine gender. As it turns out, in Old Russian there is one more, additional, pattern in the formation of possessive adjectives with the suffixes -**j*- and -*ov*-/*ev*-, which is as follows: from complex pre-Christian Slavic names like *Borislav*, as a rule, adjectives with the suffix -**j*- are formed — *Borislavl'*; from Christian proper names, such as *Gyurgi*, *Oleksandr* and others, there are mainly adjectives with the suffix -*ov*-/*ev*- — *Gyurgev*, *Oleksandrov*; adjacent to this group of names are the Germanic ones *Gleb*, *Ol'g*, *Rurik*, from which adjectives with the suffix -*ov*-/*ev*- are also formed — *Glebov*, *Ol'gov*, *Rurikov*; from truncated or hypocoristic names such as *Klim*, *Vasil'*, formations are found only in -*ov*-/*ev*- — *Klimov*, *Vasilev*. Thus, in Old Russian of the 11th–15th centuries, there appears to be an additional criterion involved in the formation of possessive adjectives with the suffixes -**j*- and -*ov*-/*ev*- from proper names, namely the lexical-semantic.

Keywords: possessive adjectives; possessive adjectives' formation; proper names; Old Russian manuscripts

For citation: Saltovskaia S.V. (2025) Formation of Possessive Adjectives with Suffixes -**j*- and -*ov*-/*ev*- from Proper Names in Old Russian Manuscripts. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 82–90.

В древнерусском языке значение принадлежности выражалось главным образом с помощью притяжательных прилагательных. Особенности их образования описал А.А. Зализняк. Притяжательные прилагательные образовывались свободно только от имен собственных, при этом имелись морфологические ограничения (например, притяжательные прилагательные не образовывались от

существительных адъективного склонения типа *Иваньковая* ('Иванкова жена'), а также существовали конкурирующие способы их образования. Притяжательные прилагательные в древнерусском языке образовывались с помощью пяти суффиксов: *-ов/-ев-*, *-ин-*, *-*j-*, *-ьн'*, *-ьj-*. Суффикс *-ов/-ев-*, один из самых продуктивных (наряду с суффиксом *-ин-*), присоединялся к основам слов мужского и среднего морфологического рода; суффикс *-ин-* — к основам слов женского морфологического рода; суффикс *-*j-* — к основам слов мужского морфологического рода и редко к основам женского рода; суффикс *-ьн'* был ограничен в основном именами родства; суффикс *-ьj-* редко выражал значение принадлежности (например, *Божии*) и главным образом обозначал свойства некоторой категории существ [Зализняк 2004: 201–203]. Следует отметить, что в качестве суффикса *-j-* существовал только в раннепраславянский период, так что после йотовой палатализации притяжательные прилагательные уже образовывались по сформировавшейся модели — с мягким согласным перед окончанием, который соответствовал рефлексам сочетания конечного согласного основы производящего существительного с [j]. Здесь и далее знак * перед *-j-* будет указывать на то, что суффикс *-j-* восстанавливается этимологически, тогда как фактически здесь был представлен нулевой суффикс, при этом суффиксация сопровождалась появлением палатального согласного (в том числе *l-epentheticum* после губного).

В процессе развития русского языка сохранились притяжательные прилагательные с суффиксами *-ов/-ев-*, *-ин-* и *-ьj-*, из прилагательных с суффиксом *-ьн'* как притяжательное употребляется только *Господнь* (например, *воля Господня*), а прилагательные с суффиксом *-*j-* полностью исчезли [Галинская 2016: 271]. Остались лишь некоторые устойчивые сочетания по говорам (типа *Ивань день* 'Иванов день') и субстантивированные прилагательные — названия городов типа *Ярославль*, *Мстиславль*, *Владимир* с отвердевшим конечным [r] и др. Образования на *-*j-* рано стали замещаться образованиями на *-ов/-ев-* [Борковский, Кузнецов 2006: 227].

В настоящей статье будут рассмотрены особенности образования притяжательных прилагательных с суффиксами *-*j-* и *-ов/-ев-* от имен собственных. Материалом для исследования послужили тексты берестяных грамот XI–XV вв. (далее — БГ), составляющие отдельный подкорпус Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), Синодальный список Новгородской I летописи XIII–XIV вв. (далее — НПЛ) [НПЛ 1950], Киевская летопись начала XIII в. по Ипатьевскому списку (далее — КЛ) [ПСРЛ 1908, Т. 2], а также духовные и договорные грамоты великих и удельных князей 1339–1464 гг. (№ 1–63), изданные Л.В. Черепниным в [ДДГ 1950].

Имена собственные, от основы которых образуются притяжательные прилагательные в берестяных грамотах, Новгородской и Киевской летописях, духовных и договорных грамотах, можно разделить на три большие группы в соответствии с классификацией А.А. Зализняка, предложенной в [Зализняк 2004: 203–207]: дохристианские славянские имена, христианские имена (без усечения) и имена с усечением. Первая группа включает в себя сложные, т. е. двусосновые, имена типа *Бориславъ* и приставочно-корневые имена типа *Завидъ*; вторая группа — христианские имена, в том числе греческие и латинские по происхождению имена, иногда адаптирующиеся к древнерусскому языку, например, *Гюрьги* или *Олекъсанѣдръ*; третья группа — имена, после усечения основы которых приобретает дополнительное значение уменьшительности, ласкательности и т. п., например, *Климъ*, *Василь*.

Материал, выбранный для исследования, позволяет сделать следующие наблюдения над образованием притяжательных прилагательных с суффиксами *-*j-* и *-ов/-ев-* от имен собственных.

С помощью **суффикса *-*j-*** притяжательные прилагательные образуются, как правило, от сложных дохристианских славянских имен. В **берестяных грамотах** представлены образования от сложных имен *Воиславъ*, *Радославъ*, *Съдославъ*, *Хотославъ*, *Радонѣтъ*, а также от приставочно-корневых имен *Непробудъ*, *Полюдъ*. Например:

*оу Гоурѣга и Н<е>пробоужа в<ѣ>ноука пол<ѣ> гривн<ѣ>*¹ у Гургия, *Непробудова внука, полгривны* БГ 630 (1140–1160);

Малята : Радон<ѣ>ж<е> в<ѣ>ноуке ‘Малята, внук Радонег’ БГ 688 (1160–1180);

Хото(сла)[в]лю [з]емлю БГ 805 (1180–1200).

В **Новгородской и Киевской летописях** образования на *-*j-* встречаются от имен *Бориславъ*, *Всѣволодъ*, *Всеславъ*, *Вячеславъ*, *Изяславъ*, *Мирославъ*, *Мъстиславъ*, *Переяславъ*, *Радъславъ*, *Ростиславъ*, *Святопѣлкъ*, *Святославъ*, *Яропѣлкъ*, *Ярославъ*, а также *Володимѣръ*. Например:

*повелениемъ Яропѣлцемъ*² 14 (1132) НПЛ;

сынъ Святопѣлчъ 8 (1113) КЛ;

дружина Ростиславля 184об (1161) КЛ;

Всеславию дщерь 210об (1175) КЛ.

¹ Здесь и далее в приведенных примерах из подкорпуса берестяных грамот НКРЯ графические эффекты снимаются, стандартные написания букв даются в угловых скобках.

² Здесь и далее при цитировании материалов НПЛ, КЛ и ДДГ графическая система оригиналов упрощается: буквы **ѡ** и **ѡ** передаются буквой **ѡ**, **ѣ** — буквой **е**, **ѡ** — буквой **о**, **ѣ** — буквой **ѣ**.

От имен *Борисъ* (от слав. *Бориславъ*) и *Володимеръ* притяжательные прилагательные образуются и с помощью суффикса *-*j-*, и с помощью суффикса *-ов/-ев-*: это тот редкий случай, когда в тексте наблюдается конкуренция суффиксов притяжательности от одной и той же основы: *Боришь* — *Борисовъ*, *Володимеръ* — *Володимеревъ*.

С одной стороны:

на канунъ **Бориша** дни 'накануне Борисова дня' 138 (1260) НПЛ (где *Борисов день* — цельное словосочетание, называющее церковный праздник);
прѣпираше короля <...> всеми винами Володимерими 'припоминал королю все проступки Владимира' 162об (1152) КЛ.

С другой стороны:

Изгониша Изборьскъ Борисова чадъ 'Ворвались в Изборск люди Бориса' 116об (1233) НПЛ;
бояхоу бо ся приятелиевъ Володимеревъ^х 'боялись сподвижников Владимира' 229об (1188) КЛ.

В **духовных и договорных грамотах** образования на *-*j-* встречаются от имен *Мьстиславъ*, *Ярославъ*, например:

А что <...> уыздѣ Мьстиславъ 'а что [касается] уезда [князя] Мстислава' Доконч. в. кн. Дм. Ив. с в. кн. Ряз. Ол. Ив., 1382 г.;
а изо кн(я)жа удѣла из Ярославя 'а из удела князя Ярослава' Дух. гр. кн. серпуховск. и боровск. Вл. Андр., ок. 1401–1402 г.

Суффикс -ов/-ев-, как оказывается, является наиболее распространенным при образовании притяжательных прилагательных от христианских имен собственных. В **берестяных грамотах** такие образования представлены от греческих имен *Гафанъ*, *Гюрьги*, *Дорофѣи*, *Кирѣи*, *Куръ*, *Логинъ* (или *Логынъ*), *Овсеи*, *Ондрѣи*, *Офрѣмъ*, *Петръ*, *Сменъ*, *Степанъ*, *Тудоръ*, *Филипъ*, *Юрии*, латинского *Павелъ*, а также от древнееврейских *Данилъ*, *Елизаръ*, *Лазаръ*, *Осипъ*. Например:

Степанова полутор<ъ> 'Степановы полторы [гривны]' БГ 1072 (1200–1220);
Ондрѣюва прилбица 'Ондреев подшлемник' БГ 383 (1380–1400);
оу Логыновыхъ дѣ^м · *оу Кудринихъ коробья* · *ржи* 'у детей Логина Кудри (т. е. по прозвищу Кудря) коробья ржи'³ БГ 1077 (1380–1400).

Впрочем, от некоторых христианских имен здесь встречаются и примеры образований на *-*j-*. Так, от имен *Къснатинъ*, *Хонъ* (или *Хомла*), *Иванъ*,

³ Перевод фразы *оу Логыновыхъ дѣ^м* · *оу Кудринихъ коробья* · *ржи* БГ 1077 как 'у детей Логина Кудри (т. е. по прозвищу Кудря) коробья ржи' разъясняется в [Гиппиус, Зализняк, Торопова 2017: 10]: «Если бы это были дети Логина Кудрина, то правильной формой выражения было бы *оу логыновыхъ дѣ^м* *оу кудрина*».

Якунѣ, Иевѣ, Яковѣ образуются прилагательные *Къснатинѣ*, *Хонѣ*, *Иванѣ*, *Якунѣ*, *Иевлѣ*, *Яковлѣ*. Например:

Хона : же:на · то:<ѣ> : грамот<ѣ> : гос:поды:ни ‘Хонова (или: Фомина) жена — владелица той грамоты’ БГ 112 (1200–1220);
на Илинарх<ѣ> и на его брат<ѣ> на Иван<ѣ> **на Ивлелихѣ** д<ѣ>техѣ три
рублѣ БГ 1122/1123 (1420–1430).

Встретившаяся форма *Хона* вполне может быть притяжательным прилагательным от незасвидетельствованного имени *Хонѣ*. С другой стороны, с учетом перехода [мл’] > [н’] можно возводить *Хонѣ* и к *Хомла* (от *Хома*, которое, в свою очередь, восходит к *Фома*). Как отмечает А.А. Зализняк, в Новгородских писцовых книгах отмечен ряд топонимов, которые можно сопоставить с рассматриваемым словом: *Хомля*, *Хониха*, *Фонево*; сюда же можно отнести фамилию *Хоневѣ* [Зализняк 2004: 444]; а замена *ѣ* на *х* — одно из проявлений адаптации иноязычных имен с необычными для древнерусского языка фонемами [Там же: 92]. Форма *Ивлелихѣ*, как пишет А.А. Гиппиус, объясняется исправлением: писец решил переделать начатое *Ивлихѣ* (< *Иевлихѣ*) в *Иелихѣ* (с диалектным переходом [вл’] в [л’]), но забыл зачеркнуть *вл* [Гиппиус 2021: 70].

В **летописях** образования на *-ов/-ев-* представлены от греческих имен *Александрѣ*, *Андрѣи*, *Василии*, *Гюргии*/*Дюрдий*/*Дюргий*/*Юрий*, *Остафии*, *Петрѣ*, *Прохорѣ*, *Сменѣ* (из *Симеонѣ*), *Федосии*, *Филипѣ*, *Янѣ*, латинских *Антонѣ*, *Маркѣ*, *Романѣ*. Например:

зять **Александровѣ** 138об (1262) НПЛ;

дворѣ **Остафьевѣ** *Дворянницеѣ* ‘двор Остафия Дворянина’ 164об (1327) КЛ;

преставися <...> *Ярославъ великого кнѣзя снѣ Дюрдеѣ* ‘преставился Ярослав, сын великого князя Юрия’ 187об (1166) КЛ.

В **духовных и договорных грамотах** прилагательные с *-ов/-ев-* встречаются от имен греческого происхождения *Андрѣи*, *Василии*, *Григории*, *Дмитреи*, *Игнатии*, *Костянтинѣ*, *Макарѣ*, *Нькоматѣ* (вероятно, из *Никоматѣ*), *Окати*, *Олександрѣ*, *Олексии*, *Ондрѣи*, *Петрѣ*, *Самсонѣ*, *Семенѣ*, *Федорѣ*, *Юрии*, латинского — *Романѣ* и древнееврейских — *Давыдѣ*, *Иванѣ*, *Михаилѣ*, *Якимѣ*. Например:

што есмь промѣни^л кн(я)гинѣ кн(я)жѣ **Андрѣевѣ** *Ивановича* и и^х сыну ‘что [я] продал княгине, жене князя Андрея Ивановича, и их сыну’ Доконч. в. кн. Вас. Вас. с кн. серпуховск. и боровск. Вас. Яросл., 1451–1456 гг.;

А што о^т тебе о^тступи^л <...> кн^я **Дмитрееѣ** с(ы)нѣ *Шемякинѣ*, кн^яз(в) *Иванѣ* ‘А что отступился от владения твоего князь Иван, сын князя Дмитрия Шемяки’ Доконч. в. кн. моск. Вас. Вас. с в. кн. твер. Бор. Алекс., ок. 1456 г.

В грамотах есть также примеры с притяжательными прилагательными, образованными от христианских имен *Ивань*, *Семень*, *Яковъ*, с помощью суффикса *-ъj-*, например:

до *Семеня* дни Доконч. в. кн. Дм. Ив. с в. к. твер. Мих. Алекс., 1375 г.;
да^т есмь ему <...> *Яко^вля* свобо^дка Дух. гр. кн. серп. и бор. Вл. Андр., ок. 1401–1402 г.

Как видим, примеры представляют собой наименования церковных праздников (*Семень день*) и владений (*Яковля слободка*).

С помощью суффикса *-ов/-ев-* образуются и притяжательные прилагательные от исконно германских имен *Гльбъ*, *Ольгъ*, *Рюрикъ*. Так, в памятниках встречаем формы *Гльбовъ*, *Ольговъ*, *Рюриковъ*, например:

но взяхъ на щитъ городъ *Гльбовъ* 224об (1185) КЛ;
с нашими су^д(в)ями <...> *Олговыми* Иванови^а(а) Доконч. в. кн. Юр. Дм. с в. кн. ряз. Ив. Фед., 1434 г.;
но Ярославъ *Рюриковъ* рѣчи не имяшеть вѣрѣти 239об (1196) КЛ.

Впрочем, в Киевской летописи встречается прилагательное *Гльбъль*, которое, однако, выступает уже как субстантивированное прилагательное, обозначающее топоним:

поидоша на Гльбъль к Черниговоу 131 (1147) КЛ.

С помощью **суффикса *-ов/-ев-*** образуются и притяжательные прилагательные от имен с усечением, или гипокористических имен: *Василь*, *Сидоръ* и *Воико*, *Иванько*, *Максимъко*, *Онишько*, *Рѣ(ъ)жько*, *Мьстиль* — в **берестяных грамотах**, например:

атъ ти вѣзялъ оу *Иванькова* сѣмѣрѣда :ѣгивнѣ: ‘ан ведь он взял у Иванкова смерда три гривны’ БГ 907 (1100–1120);
а Воронѣцѣ **В<о>[и]к<о>въ** пря...тъ въ бѣрѣ[з](ѣ) ‘а Воронца Войка — [такие-то вещи] ...срочно, немедленно’ БГ 332 (1180–1200).

От имен *Боръко*, *Василь* и *Василько*, *Климъ*, *Михалъко*, *Ондрѣшко*, *Дѣмитръ* — в **Новгородской и Киевской летописях**, например:

Ондрѣшковъ дворъ 165об (1329) НПЛ;
Василковъ дворъ 175об (1158) КЛ;
стягъ Михалковъ 199 (1172) КЛ.

От имен *Василец*, *Дѣико*, *Железко*, *Ивашко*, *Максимъко*, *Михалъко*, *Остапко* и *Ортема* — в **духовных и договорных грамотах**, например:

И что ме^д оброчныи [*Василицева* стану, и что отца моего]о купленыи бор-
тници ‘И что медовый оброк Васильцева стана...’ Дух. гр. в. кн. Ив. Ив., ок. 1385 г.;

А и стаѣ из моихъ моеи княгинѣ <...> другое стадо Дѣтино Ивашково
'А из стаѣ из моихъ моеи княгине другое стадо Ивашки Дитяти' Дух. гр. в.
кн. Сем. Ив., 1353 г.

Итак, приведенный выше материал позволяет сделать следующие выводы. Сложные, или двусосновые, имена и приставочно-корневые образуют, как правило, притяжательные прилагательные с суффиксом *-*j-*; христианские имена, включающие в себя греческие, латинские, древнееврейские, а также германские по происхождению имена образуют притяжательные прилагательные с суффиксом *-ов/-ев-*; имена с усечением, или гипокористические имена, образуют прилагательные также с помощью суффикса *-ов/-ев-*. При этом образования от одной и той же основы, т. е. конкуренция суффиксов притяжательности *-*j-* и *-ов/-ев-*, в выбранном материале встречаются крайне редко и представлены только в летописных памятниках. Таким образом, в древнерусском языке XI–XV вв. существовал, по-видимому, дополнительный, лексико-семантический, критерий, участвующий в образовании притяжательных прилагательных с суффиксами *-*j-* и *-ов/-ев-* от имен собственных.

ИСТОЧНИКИ

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Подготовлено к печати Л.В. Черепниным. М.-Л.: 1950. С. 7–207.
2. Национальный корпус русского языка, подкорпус берестяных грамот [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-birchbark.html> (дата обращения: 10.10.2023).
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 15–100.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Летопись Ипатьевская. СПб., 1908. С. 198–489.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд. М., 2006.
2. Галинская Е.А. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. М., 2016.
3. Гиппиус А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. // Вопросы языкознания. 2021. № 5. С. 66–92.
4. Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Торопова Е.В. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания, 2017, № 4. С. 7–24.
5. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

REFERENCES

1. Borkovskiy V.I., Kuznetsov P.S. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of the Russian language]. 3d ed. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 512 p. (In Russ.)

2. Galinskaya Ye.A. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Fonetika. Morfologiya [Historical grammar of the Russian language: Phonetics. Morphology]. 2nd ed. Moscow, *LENAND Publ.*, 2016. 416 p. (In Russ.)
3. Gippius A.A. Berestyanyye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2020 g. [Birch bark letters Veliky Novgorod excavations of the year 2020]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, no. 5, pp. 66–92. (In Russ.)
4. Gippius A.A., Zaliznyak A.A., Toropova Ye.V. Berestyanyye gramoty iz raskopok 2016 g. v Velikom Novgorode i Staroy Russe [Birchbark Letters from Novgorod and Staraya Russa excavations of 2016]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, no. 4, pp. 7–24. (In Russ.)
5. Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodskiy dialekt [Old Novgorodian Dialect]. 2nd ed. Moscow, *Yazyki slavyanskoi kultury Publ.*, 2004. 872 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 20.10.2023

Принята к публикации 16.04.2024

Отредактирована 30.04.2025

Received 20.10.2023

Accepted 16.04.2024

Revised 30.04.2025

ОБ АВТОРЕ

Салтовская София Владимировна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; saltovskaya2000@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sofiia Saltovskaia — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; saltovskaya2000@mail.ru

ФОНЕМА <з> В ИСТОРИИ СЛОВАЦКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

К.В. Лифанов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; kvlifanov@mail.ru*

Аннотация: Фонема <з> (графически dz), восходящая к праславянскому сочетанию *dj и имеющая почти общесловацкий характер, является одним из дифференциальных признаков, отличающих словацкий язык от чешского. Несмотря на это, она заняла прочное место в консонантной системе словацкого литературного языка довольно поздно. Фиксируется она уже в древнейших текстах, записанных в Словакии в XIV в. Одновременно с ним в письменные тексты проникает и второе з, возникшее только в первой половине XIII в. в результате ассибиляции мягкого ḍ и характеризующее лишь некоторые западнословацкие говоры (южные трнавский и загорский, а также крайний северный верхнетренчинский), равно как и восточнословацкий диалект, который не принимал участия в формировании словацкого литературного языка. Вскоре, однако, письменный язык отторгает второе з, субституируя его исходным мягким ḍ. Этот процесс распространяется и на первое з, на месте которого начинает употребляться z, представляющее собой чешский рефлекс *dj, либо, значительно реже, — мягкое ḍ по аналогии со вторым з. Новое проникновение первого з начинается только в середине XVIII в., хотя в целом язык до первой кодификации словацкого литературного языка А. Бернолака характеризует его отсутствие. Принципиально ситуация меняется после кодификации А. Бернолака (1787). Теперь уже в бернолаковских текстах однозначно преобладают формы с этой фонемой, хотя некоторые тексты сохраняют преемственность с добернолаковской традицией, так как в них на месте первого з находим как z, так и ḍ. Второе з осталось за пределами словацкого литературного языка.

Ключевые слова: дифференциальный признак; фонема <з>; рефлекс *dj; ассибиляция ḍ; субституция; аналогия; проникновение; кодификация; преемственность; добернолаковская традиция

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-9

Для цитирования: Лифанов К.В. Фонема <з> в истории словацкой письменности // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 91–100.

THE PHONEME <DZ> IN THE HISTORY OF SLOVAK WRITING

Konstantin V. Lifanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kvlifanov@mail.ru

Abstract: The phoneme <dz> (graphically dz), which goes back to the Proto-Slavic combination *dj and has almost an all-Slovak character, is one of the differential signs that distinguish the Slovak language from the Czech. Despite this, it took a firm place in the consonantal system of the Slovak literary language rather late. It is already recorded in the oldest texts written in Slovakia in the 14th century. Simultaneously with it, the second ž, which arose only in the first half of the 13th century as a result of the assibilization of the soft d' and characterizing only some western Slovak dialects (southern Trnavian and Zagorie, as well as the extreme northern Upper Trencin), as well as the East Slovak dialect, which did not participate in the formation of the Slovak literary language, enters written texts. Soon, however, the written language discards the second ž, substituting the original soft d'. This process also extends to the first ž, in place of which the z begins to be used, representing the Czech reflex *dj, or, much less often, — the soft d' by analogy with the second ž. The new penetration of the first ž begins only in the middle of the 18th century, although the language as a whole is characterized by its absence before the first codification of Slovak literary language by A. Bernolák. The situation fundamentally changes after the codification of A. Bernolák (1787). The forms with this phoneme now clearly predominate in the Bernolákian texts, although some texts retain a connection with the pre-Bernolák tradition, since in them in place of the first ž we find both z and d'. The second ž remained outside the Slovak literary language.

Key words: differential feature; phoneme <ž>; reflex *dj; assibilization d'; substitution; analogy; penetration; codification; continuity; pre-Bernolákian tradition

For citation: Lifanov K.V. (2025) The Phoneme <ž> in the History of Slovak Writing. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 91–100.

Фонема <ž> (графически dz), являющаяся в словацком языке рефлексом праславянского сочетания *dj, относится к важнейшим признакам, дифференцирующим словацкий и чешский языки, так как в чешском языке названное сочетание изменилось в <z>. Поскольку словацкий литературный язык формировался на базе древнечешского, проникшего на территорию Словакии еще в XIV в., путем постепенного вытеснения чешских элементов словацкими (западнословацкими или общесловацкими), эпицентром его возникновения стала Юго-Западная Словакия и прежде всего город Трнава. Так как указанная фонема относится к дифференцирующим признакам, имеющим общесловацкий характер, можно было бы ожидать, что именно она окажется в числе наиболее ранних специфических особенностей письменного идиома, формирующегося на

территории Словакии, однако этого не произошло. Первоначально она начинает проникать в письменные тексты, о чем свидетельствует приписка в Братиславском кодексе 1428 г.: *Maria Spomoz znucze* (читай: *z nudze* — К.Л.) *swemu wyernemu slucze* ‘Мария, помоги в нужде своему верному слуге’ [Stanislav 1957]. Однако в письменные тексты на раннем этапе развития этого идиома стало проникать другое *z*, возникшее предположительно в первой половине XIII в. в результате ассимиляции *d'* [Krajčovič 2003: 77]. Одновременно с ним происходила ассимиляция *t' > s*. Данное изменение имело региональный характер, так как осуществилось лишь в говорах юго-западной Словакии (трнавском и загорском) и в верхнетренчинском говоре на крайнем северо-западе Словакии, а также в восточнословацком диалекте, который, однако, в формировании словацкого литературного языка участия не принимал [Štolc 1994: 101–103].

Примеры ассимиляции фиксируются уже в древнейших текстах на чешском языке, созданных на территории Словакии, например в старейшем западнословацком рукописном памятнике *Dialogi Bohemarii* 1379 (1369?) г.: *Slepice sedzieci* (совр. слов. *sediaci*) *na hřadzě* (чешск. *hřad'*) *kďáče* ‘Курица, сидящая на насесте, кудахчет’; *Mámť dzěkovaci* (совр.слов. *ďakovať*), *dokavad sem najďále živ* ‘Я должен быть благодарен, пока живу’ [Stanislav 1957: 126].

Очень скоро, однако, формирующаяся норма исключает ассимилированные согласные, которые реституируются мягким *d'*. Одновременно с этим реституции подвергается *z < *dj*, которое заменяется *z*, как в чешском языке, или *d'*, как и *z < d'*. Формальное совпадение результатов двух явлений надолго закрывает путь *z < *dj* в фонологическую систему словацкого литературного языка. В связи с этим в текстах до середины XVIII в. эта фонема отсутствует. Ср. примеры:

Hory ylesove / Všelicy stromove / Kďiž prichazi zima... (6)² ‘Торы и леса, все деревья, когда наступает зима...’; *Kďo mnoho slibuge, / Prysahu stvrzuge, / Ten sam svú vyru lehczy* (9) ‘Кто много обещает, присягу нарушает, сам доверие к себе подрывает’; *Teš kus pracy zacďal, / Hľuboko sy zaďal / Sekeru do cyziho* (21) ‘Ты тоже начал работать и глубоко вогнал топор в то, что тебе не принадлежит’ [Beniczký 1652/1873];

na Wěčnu Smrt odsuzuge (9) ‘приговаривает к вечной смерти’; *Mnohé Vžjtečně nacházagi se na tomto Swěte Kunsstowe* (12) ‘На этом свете находятся многие полезные искусства’; *Dijtký zrostle wcházagu do sklepu* (41) ‘Взрослые дети входят в погреб’ [Smrtník 1697];

zretedľně potwrzuge to wssecko Job (14) ‘это явственно подтверждает Иов’; *krom prirozeneho běhu lidského pokolenj* (16) ‘кроме есте-

¹ В современном словацком литературном языке данное слово отсутствует.

² Цифра или буква в скобках означает страницу, на которой находится данный пример.

ственного хода поколения людей; *Láska z lásku se wynahrazuge* (47) ,Любовь заменяется любовью' [Mácsay 1718];

Nebe y Země / a wssecky wěcy / které se w ných nacházagu (A) ,Небо и Земля и все предметы, которые на них находятся; *kolkokráte budež pobuzeny proti Bohu twému* (A5) ,много раз тебя будут подстрекать против твоего Бога; *Mocnost wssecka nassa od Boha pocházej* (A7) ,Вся наша мощь исходит от Бога' [Baranyai 1737];

Gest Dar Božj / a Swětlo wnitrnj od Ducha Swateho pochodzegjcy (A) ,Есть дар Божий и внутренний свет, исходящий от святого Духа; *Kde we swatem Pjsme gest prawdi tego potwrzenj* (A2) ,Где в Святом Писании есть подтверждение этой правды; *na gedneg Osobe Bozskeg dwe natury / Bozská y lidská dokonale společně gsu mezy sebu* (A8) ,в одном лице Божьем друг с другом совершенно соединены две природы, Божественная и человеческая' [Bossanyi 1752];

A druhy potok méno má Gehon, ten gest, který obcházá wssecku zem Murjnsku (II:13)³. ,Имя второй реки Гихон [Геон]: она обтекает всю землю Куш; *Nepratělstwj Položjm mezy tebú a Ženu, y mezy semenem twym a semenem geym* (III: 15). ,и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; *Y wssecy muže domu gehu gak domácy sluzebnjci taktake zakúpeny, a cizozémci, podobně sa obrezali* (XVII: 27). ,и с ним обрезан был весь мужеский пол дома его, рожденные в доме и купленные за серебро у иноплемеников' [Swaté Biblia 2002].

Отсутствие рассматриваемой фонемы наблюдается даже в поздних добернолаковских текстах:

a hned mezy třetjm a čtvrtjm počtem v spodku čárku včin (8) ,и сразу между третьим и четвертым числом внизу проводи черту'; *Mezytím, aby tím, gegichžto wtip z gruntu wědeti žádá* (10) ,Между тем, чтобы тем, кому смекалка абсолютно необходима...'; *když pak též v wrchu se nacházý* (11) ,если же она тоже находится вверху' [Lessák 1775];

liběžné z ňekraganmí zacházaňý skusili (12-13) ,они попробовали к инородцам гостеприимно относиться; *hñeď od malička ludmi cizími, a obzwlásstně Europái=skími (!) oblibowala sa* (13) ,сразу с малых лет ее полюбили чужие люди, особенно европейцы; *odkúďkoliw ono ňech pocházá* (21) ,пусть она происходит от чего угодно' [Bajza 1783].

Примеров с заменой фонемы <з>, восходящей к праславянскому *dj, мягким d несравнимо меньше; ср. примеры из трактата А. Мачая и перевода Священного Писания:

Slowem wýwáda se (совр. лит. *vyvádza sa*) *to y ze sameho stworenj Swěta* (50) ,На словах оно также происходит с самого сотворения

³ Числа в скобках, обозначенные римскими и арабскими цифрами, в цитатах из Библии означают главу и стих. Переводы стихов на русский язык приводятся с сайта Русской Православной Церкви: <https://www.patriarchia.ru/bible>.

мира; skrze pokánj z tého sna *se probuďuge* (совр. лит. *sa prebudzuje*) (60) ,через покаяние он пробуждается от этого сна; dobrotjwnost Boži k pokánj tebe *priváda* (совр. лит. *privádza*) (62) ,добросердечность Божья приводит тебя к покаянию [Mácsay 1718];

Powed' (совр. лит. *povedz*) *my, prosym, na čem gest twá syła nagwetssy, poweď čjm sa swázati máss* ,скажи мне, пожалуйста, в чем великая сила твоя и чем связать тебя, чтобы усмирить тебя?' (XVI: 6); *Kdo osprawedľňuje bezbóžného a kdo odsúďuge* (совр. лит. *odsudzuje*) *sprawedľiwého, oba_dwa su osskliwy u Pána* ,И тот, кто оправдывает нечестивого, и тот, кто осуждает праведника, оба мерзость пред Господом' (XVII: 15); *y Abrahám spolu snyma pokračowal wyprowaďagj-sy* (совр. лит. *vyprevádzajúci*) *gych*. 'Авраам же пошел с ними, проводить их' (XVIII: 16) [Swaté Biblia 2002].

Особняком среди добернолаковской литературы стоит поэтическое произведение Г. Гавловича, в котором последовательно отражается фонема <з>; ср. примеры:

Neda gim w čas horučnosti / po hromadach stati, / Strata mleko, gak se zuća / často meridzati (XX: úv.)⁴ ,В жару он не дает им стоять в стаде, они теряют молоко, если научатся часто жевать; *Missagu se gako wčely / w tomto Swete lide, / Newi člowek po čo kedy / medzi cudzých prigde* (IV: 12) ,В этом мире люди смешиваются, как пчелы, и человек не знает, когда окажется среди чужих; *Tak ona te gako hrdza / železo zežere, / Gestli geg k sobe slobodně / sam otweřeš dwere* (II: 39) ,Так она тебя сожрет, как ржавчина железо, если сам перед ней откроешь дверь' [Gavlovič 1755].

Решающее значение для закрепления фонемы <з> в словацком литературном языке имела кодификация А. Бернолака. Хотя А. Бернолак считал *dz* не самостоятельным звуком, а сочетанием двух звуков, он кодифицировал его в полном объеме и даже упрекал Й.И. Байзу в том, что он вместо *z* употреблял *z* [Habovštiaková 1968: 124]. Кодификация, безусловно, оказала самое существенное влияние на употребление этой фонемы, что мы и обнаруживаем в текстах большинства бернолаковцев. Ср. примеры:

medi zemskíma Rostľinami rozeznávali škodľivé od užitečných (10) 'среди земных растений мы различаем вредные и полезные'; *Lahodné Ťela Pohibowańí, alebožto Prechádzsku* (17) 'приятные движения тела или прогулку'; *do Nosa pustená Kícháňi zbudzuje* (29) 'пущенная в нос вызывает чихание' [Fándly 1793];

Čo obecnejšého sa nachádza medzi Kresťanmi (7) ,Что общее есть у христиан?'; *Túto swogu Múdrost' Podwodnosťú potwrdzuje* (11) ,Свою

⁴ Число, обозначенное римскими цифрами в примерах из «Пастушьей школы» Г. Гавловича, означает ноту, арабские числа означают номер стиха, а сокращение *úv.* — введение.

мудрость он подтверждает мошенничеством; *abi geho Nasľedowníci smeľe, nedbagice na swé Swedomí, cudzé weci braľi* (14) ,чтобы его последователи смело, невзирая на свою совесть, брали чужие вещи' [Gazda 1798];

Gednotu Pastírow Apoštolow Učedelňíkow kristowích... *medzi sebu spogení* (8) ,Они друг с другом связаны единством, пастырей, апостолов, учеников Христовых'; *prichádzá mi na Pamať* (9) ,мне приходит в голову'; *to Pochibowáňi s negakého wniterného Preswedčeňi Swedoma pochádzalo* (14) ,это сомнение проистекало от какой-то внутренней убежденности сознания' [Mészáros 1799];

W týchto Slovách *nachádzáme* zgawné a zretedelné Swedectwí (3) ,В этих словах мы находим явное и очевидное свидетельство'; на *kterích Slowo žiwí a opráwďiwí Boh z Nebe na Oltár prichádza* (7) ,по слову которых живой и настоящий Бог с неба на алтарь приходит'; *oslobodzugu nás od Hríchow Ostatku* (12) ,освобождает нас от оставшихся грехов'; *abi sľe rozeznaľi tých, ktorí pracugu medzi wámi* (13) ,чтобы вы различали тех, кто трудится среди вас' [Rudnay 1804];

kďe Swet ľen Potupu nachádzať sa domňiwá (5) ,где мир предполагает найти лишь унижение'; *O swatá Poňizenosť! samá pred Očima twími... sa odsudzugeš* (8) ,О, святое унижение! Само перед своими очами... будешь осуждено'; *wšeccko iné we Cťi predchádzáš* (8) ,все другое с честью предотвращаешь'; а *núdzním pokorne pomáhá* (11) ,и нуждающимся смиренно помогает' [Hollý 1813];

Wtedi uzru Sina Čloweka *prichádzagícího* w Oblakoch s Mocú, a *Weľebnosť weliķú* (1) ,Тогда они увидят Сына Человеческого, пребывающего в облаках с силой и великой славой'; *Príčina tég Prísnosťi posledného Súdu ne tak u Boha, gako u nás samích sa winachádzá* (2) ,причина суровости последнего суда не столько у бога, сколько у нас находится'; *swatí Pawel pohanskím tím Mudrcom na Oči tam wihadzuge* (11) ,святой Павел это бросает в глаза языческим мудрецам'; *keď nesprawedľíwe došli k cudžému Statku* (12) ,если несправедным путем получили чужое имущество' [Huliak 1828];

Towarišow pozatím dlhím už Blúďeňím zunowaních... *zbudzuge* (3) ,Он пробуждает товарищей, уставших от длительного странствия'; *Medzitím Wenuš Eneáša swogého a Trogánow pred Gupiterem Wec koná* (3) ,Тем временем Венера занимается делом своего Энея и троянцев у Юпитера'; *Sem wchádzá Eneáš na wíťáhľích sedmi Koráboch* (9) ,Сюда прибывает Эней на семи продолговатых кораблях'; *Panstwo čo obmedzí Oceánem, a Hwezdami Skutki* (12) ,Господство, ограничивающееся океаном и звездами' [Hollý 1828];

Mosí Telo swé do Služebnosťi Rozumu *uwádzať* (7) ,Он должен тело свое подчинить службам разума'; *O! kdokofwek si, ktorí toto predhadzugeš, zgawugeš weliķú Neumekosť, a Neznámosť we Wecách sw. Ná-*

boženstwa! (8) 'О! Кто угодно, упрекающий в этом, проявляет свой дилетантизм и незнание св. Религии' [Radlinský 1843];

Werim w Ducha swatého, kteří nás oswecuge, k Dobrému *podzbudzu-ge* a posilnuge (18) 'Верю в святого Духа, который нас испытывает, подталкивает к добру и придает силы'; Požehnání *ge wssecko Dobří*, čo od Boha *pochádzá* (25) 'Всякое благословение, исходящее от Бога, доброе' [Knižka modlacá 1851].

Несмотря на очевидное преобладание огласовок с фонемой <з>, некоторые бернолаковские тексты демонстрируют связь с добернолаковским языком. Так, в текстах Фиалы и Байзы, которые по сути представляют собой переходный этап, а также в текстах Брестанского рассматриваемая фонема вообще не представлена, а в тексте Бортницкого наблюдаем конкуренцию между з и z. Кроме того, единичные примеры с фонемой <z> фиксируются даже в переводе Священного Писания; ср.:

Z *wlastné* li *gegích*, anebo s *cuzég* *giních* wini? (2) 'По их собственной или чужой вине?'; Guž pak *mezi* wssem kolikerokoliwnásobním liduw učení *gest* *gedno* (5) 'Среди всевозможных человеческих учений уже есть одно'; k čomu wssech sw. Pawel *pozbuzzuge* (10) 'на что св. Павел всех воодушевляет'; které *gemu* *neznáme* *gsú*, ale tam *sa nacházagú* (14) 'те, которые ему не известны, находятся там' [Bajza 1789];

Ťelá *gegích*, guž w Hlbokost *morskú*, guž *živích* w Pokrm *Zwíraťám házali* (8) 'Их тела бросали живыми в морскую пучину на корм зверям'; w Nebezpečenstwi *mezi* *falešním* Bratri (7) 'в опасности среди ложных братьев'; Kdiž on *sprawedliwí* *gest*, a preto *Faleš* tú ze *Zázraki* tak *hrozníma* *potwzitiť* *ňemohol* (8) 'Так как он справедлив, подтвердить эту ложь с ужасными чудесами он не мог' [Fiala 1790];

nacházá sa ag na *gedneg* *isteg* s *Kukuricu* *posadeneg* *Role* (3) 'он растет на том же самом поле, засаженном кукурузой'; *ked* *meztim* w *žlto* *hlíneneg*, len *skrže* *podoraňi* *Ďateľini* *popraweneg* *Role*, len *skrowno* *sa nachazalo* (4) 'когда оно между тем находилось на желто-глиняной разрыхленной пашне, освобожденной от клевера' [Brestanski 1812];

Starodáwní *Winohradníci* z *Lozú* *sfúzowanú* *wisaďali* *Wiňice*, ale *mi to* za *dobre* *nenacházáme* (9) 'В старину виноградари высаживали в грунт лозу с усиками, что мы сейчас правильным не считаем'; čo *geďine* od *Horučosti* *pocházá* (12) 'это может происходить только от жары' — *Wodnatost* *prirodzením* *Spúsobom* *hore* *razí* (20) 'Вода естественным способом пробивается вверх'; *proťi* *wichádzacího* *Slnka* *Prúdom* *něni* *zachráňená*, от восходящего солнца течением она не защищена' (6) [Bortniczky 1814];

I *ucinené* su *Pomezi* *Chananegski* *prichadzagicim* od *Sidonu* do *Ĝerati*, až do *Ĝazi*, и были пределы Хананеев от Сидона к Герапу до Газы' (X: 19); A i wssecci *Muži* *Domu* *geho* *gak* *Doma* *zrodení*, tak i *kúpení*,

i *Cuzozemci*, spolu obrezaní sú (XVII: 27) ,и с ним обрезан был весь мужеский пол дома его, рожденные в доме и купленные за серебро у иноплеменников' — *Neprátelstvo položim medzi tebu, a medzi Žeňu, medzi Semenom twogim, a Semenom geg* (III: 15) ,и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее' [Palkovič 1829].

В некоторых текстах обнаруживаем замену з мягким d', что демонстрирует очевидную преемственность с языком добернолаковской литературы и противоречит кодификации А. Бернолака:

má swú prirodenú Stolicu (20) ,имеет свой естественный стул' [Fándly 1793]; *nebo našich prwních Rodičow k tomu nawáďal*, *abi oňi gehu Radu poslechli* (4-5) ,ибо он на это толкал наших прародителей, чтобы они послушали его совет' [Gazda 1798]; *Wiňica sa wísáďa z Réwim skorenením* (9) ,Виноград высаживают укорененной лозой'; *tim Owocé lepšég žiwí*, *a skor k zralosti priwáďa* (20) ,благодаря этому он лучше питает фрукты и способствует более быстрому созреванию' [Bortniczký 1814]; *Príčini, Múzo, poweď že mi, čím ublíženo Bozstwu* (4) ,Назови мне причины, муза, чем было обижено божество'; [Hollý 1828]; *Uš aľe budto Modlitba sama w sebe ze swég Prirodenosti nemá tu Moc, a Wládu, abi prawu Wíru v nás zbudíť, a spósobiť mohla* (11) ,Но как будто молитва сама своим естеством не имеет силу и власть, чтобы пробудить и зародить в нас настоящую веру' [Rudnay 1833]; *wezmiťe a gedťe, toto ge Ĥelo mé* (10) ,возьмите и ешьте, это тело мое' [Knižka modlacá 1851].

Только после кодификации Л. Штура (1844–1846), подтвердившего принадлежность фонемы <z> консонантной системе словацкого литературного языка, она стала последовательно употребляться и на практике.

Таким образом, проникновение фонемы <z>, возникшей из праславянского сочетания dj, в словацкий литературный язык проходило сложно в течение длительного времени. Причиной тому явилось крайне негативное отношение грамотных людей к другому з, возникшему значительно позже, являвшемуся ассимилированным d' и не имевшему общесловацкого характера. Это отношение первоначально распространялось и на первое з. Решающее значение в его закреплении в фонологической системе имели кодификации литературного языка католика А. Бернолака и протестанта Л. Штура.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. *Bajza J.I.* René Mladenca Príhodi a Skusenosti. W Pressporku, 1783.
2. *Bajza J.I.* Kresťanského Katolíckého Náboženstwa... Díl Iý. O Wíre. W Trnawe, 1789.
3. *Baranyai M.* Lekarstwy Duchowne Naproti Gakemukolwek Duchownemu nakazení. Wytisštěno w Kossicách, 1737

4. *Benický P.* Básne Petra Benického // Archiv starých česko-slovenských listín, písemností dejepisných pôvodín pre dejepis a literaturu Slovákov. Diel II. Sväzok I. Turč. sv. Martin, 1873. S. 5–47.
5. *Swaté Biblia* Slowénské aneb pisma swatého. 2002. Bd. 1 und 2. Hrsg. von Hans Rothe und Friedrich Scholz. Unter Mitwirkung von Ján Doruľa. Nachdruck der Handschrift von 1750. Paderborn et.: Schöningh, 2012.
6. *Bossányi S.* Pravda Wjry Krystoweg Katolickeg. Wytisstená w Kossycách, 1752.
7. *Brestanský O.* Spôsob ze sladkého Softa Kukurisča po Wilámaňu Klasow Sirup, a Cukor warit. W Budíne, 1812.
8. *Bortnický J.* Gednáňi o Obrábáňu Winičného Koreňa a Umeňú sprawowat Wíno, Pálené, a Ocet. W Budíne, 1814.
9. *Fándly J.* Zelinkár, W Trnawe, 1793.
10. *Fiala A.* Człánkomrawná Reč na Den slawného Wskrisseňá Geżisse Krista. W Pressporku, 1790.
11. *Gazda A.* Hortus Florum. Tomus I. Pars I. W Trnawe, 1798.
12. *Hollý Juraj.* Zaslužená Sláva swatého Gozeфа Kalazancia od Matki Božeg. W Trnawe, 1813.
13. *Hollý Ján.* Wirgiliowa Eneida. W Trnawe, 1828.
14. *Huliak J.* Celoročné Neďelné Kázňe. Ďěl prwňí. W Trnawe, 1828.
15. Knižka Modlaca a Spewaca k duchownému Prospechu katolickích Kresťanow. W Pesti, 1851.
16. *Lessák J.* Vměň Počtu. W Presspurku, 1775.
17. *Mácsay A.* Panes primatiarum aneb Chleby prwotjn. Trnawa, 1718.
18. *Mészáros O.* Památka w Požehnání Geho Excel. Oswíteného nekdi Pána Grófa Illésházy W Trnawe, 1799.
19. *Radlinský O.* Kázeň o swatích Pútoch. W Banské Šťawňici, 1843.
20. *Rudnay A.* Kázeň na Slawné Primiete Madacs Josefa W Trnawe, 1804.
21. *Rudnay A.* Kázne prihodné ai iné. W Trnawe, 1833.
22. *Palkovič J.* Swaté Písmo starého i nowého Zákona podla obecného latinského, od sw. Rímsko-Katolickég Cirkwi potwrdeného. Ďěl prwňí. W Ostrihome, 1829.
23. *Smrtník B.* Kunst dobre umriti. Trnawa, 1697.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. *Habovštiaková K.* Bernolákov jazykovedné dielo. Bratislava, 1968.
2. *Krajčovič R.* Slovenčina a slovanské jazyky II. Fonologický vývin. Bratislava, 2003.
3. *Stanislav J.* Dejiny slovenského jazyka. III. Texty. Bratislava, 1957.
4. *Štolc J.* Slovenská dialektológia. Bratislava, 1994.

SOURCES OF EXAMPLES

1. *Bajza J.I.* René Mladenca Příhodi a Skusenosti. W Pressporku, 1783. (In Slovak)
2. *Bajza J.I.* Kresťanského Katolíckého Náboženstva... Díl Iý. O Wíre. W Trnawe, 1789. (In Slovak)
3. *Baranyai M.* Lekarstwy Duchowne Naproti Gakemukolwek Duchownemu nakazeni. Wytisštěno w Kossicách, 1737. (In Slovak)
4. *Benický P.* Básne Petra Benického // Archiv starých česko-slovenských listín, písemností dejepisných pôvodín pre dejepis a literaturu Slovákov. Diel II. Sväzok I. Turč. sv. Martin, 1873. S. 5–47. (In Slovak)
5. *Swaté Biblia* Slowénské aneb pisma swatého. 2002. Bd. 1 und 2. Hrsg. von Hans Rothe und Friedrich Scholz. Unter Mitwirkung von Ján Doruľa. Nachdruck der Handschrift von 1750. Paderborn et.: Schöningh, 2012. (In Slovak)

6. *Bossányi S.* Pravda Wjry Krystoweg Katolickeg. Wytisstená w Kossycách, 1752. (In Slovak)
7. *Brestanský O.* Spôsob ze sladkého Softa Kukurisča po Wilámaňu Klasow Sirup, a Cukor warit. W Buďíne, 1812. (In Slovak)
8. *Bortnický J.* Gednáňi o Obrábáňu Winičného Koreňa a Umeňú spravowat Wíno, Pálené, a Ocet. W Buďíne, 1814. (In Slovak)
9. *Fándly J.* Zelinkár, W Trnawe, 1793. (In Slovak)
10. *Fiala A.* Człánkomrawná Reč na Den slawného Wskrisseňá Gežisse Krista. W Pres-porku, 1790. (In Slovak)
11. *Gazda A.* Hortus Florum. Tomus I. Pars I. W Trnawe, 1798. (In Slovak)
12. *Hollý Juraj.* Zaslužená Sláwa swatého Gozefa Kalazancia od Matki Božeg. W Trnawe, 1813.
13. *Hollý Ján.* Wirgiliowa Eneida. W Trnawe, 1828. (In Slovak)
14. *Huliak J.* Celoročné Nedelné Kázňe. Děl prwní. W Trnawe, 1828. (In Slovak)
15. Knižka Modlacá a Spewacá k duchownému Prospechu katolickích Kresťanow. W Pessti, 1851. (In Slovak)
16. *Lessák J.* Vměňj Počtu. W Presspurku, 1775. (In Slovak)
17. *Mácsay A.* Panes primatiarum aneb Chleby prwotjn. Trnawa, 1718. (In Slovak)
18. *Mészáros O.* Památka w Požehnáňi Geho Excel. Oswíteného nekdi Pána Grófa Illésházy W Trnawe, 1799. (In Slovak)
19. *Radlinský O.* Kázeň o swatích Pútoch. W Banské Šťawňici, 1843. (In Slovak)
20. *Rudnay A.* Kázeň na Slawné Primiete Madacs Josefa W Trnawe, 1804. (In Slovak)
21. *Rudnay A.* Kázne prihodné ai iné. W Trnawe, 1833. (In Slovak)
22. *Palkovič J.* Swaté Písmo starého i nowého Zákona podla obecného latinského, od sw. Rímsko-Katolickég Cirkwi potwrdeného. Děl prwní. W Ostrihome, 1829. (In Slovak)
23. *Smrtník B.* Kunsst dobre umriti. W Trnawe, 1697. (In Slovak)

REFERENCES

1. Habovštiaková K. *Bernolákovo jazykovedné dielo*. Bratislava, 1968. (In Slovak)
2. Krajčovič R. *Slovenčina a slovanské jazyky II. Fonologický vývin*. Bratislava, 2003. (In Slovak)
3. Stanislav J. *Dejiny slovenského jazyka. III. Texty*. Bratislava, 1957. (In Slovak)
4. Štolc J. *Slovenská dialektológia*. Bratislava, 1994. (In Slovak)

Поступила в редакцию 17.07.2024
 Принята к публикации 22.04.2025
 Отредактирована 30.04.2025

Received 17.07.2024
 Accepted 22.04.2025
 Revised 30.04.2025

ОБ АВТОРЕ

Лифанов Константин Васильевич — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; kvlifanov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Lifanov — Prof. Dr., Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kvlifanov@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕМИНИТИВОВ ОТ NOMINA AGENTIS С СУФФИКСАМИ -ΤΗΡ, -ΤΩΡ, -ΤΗΣ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

С.Ю. Чуева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; chuevasy@my.msu.ru*

Аннотация: В настоящей статье рассматривается образование феминитивов от nomina agentis с суффиксами -τήρ, -τωρ, -της в древнегреческом языке посредством словообразующих суффиксов -τεира, -τρια, -τρις, -τορίς и -τις. Материалом для исследования служат лексемы, собранные в ходе работы с корпусом Thesaurus Linguae Graecae (TLG), а также со словарями древнегреческого языка. В ходе сбора материала используется метод сплошной выборки, проводится контекстный, морфологический и семантико-полевой анализ лексем. В первой части исследования дается краткая характеристика особенностей образования nomina agentis посредством суффиксов -τήρ, -τωρ, -της, вторая часть статьи посвящена суффиксам феминитивов -τεира и -τρια, восходящих к индоевропейскому форманту -уā, в третьей части рассматриваются суффиксы -τρις, -τορίς и -τις, входящие в группу формантов на согласный -d-. Помимо анализа образования лексем женского рода в древнегреческом языке, дается краткий очерк изменения продуктивности исследуемых суффиксов в диахронии. В заключении делается вывод об изменении первоначальных словообразовательных моделей в связи с особенностями того или иного диалекта, а также в результате снижения продуктивности таких суффиксов, как -τήρ, -τωρ мужского рода и -τεира, -τρις, -τορίς и -τις феминитивов в эллинистическом койне.

Ключевые слова: древнегреческий язык; феминитив; диахрония; словообразование; nomina agentis; продуктивность

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-10

Для цитирования: Чуева С.Ю. Особенности формирования феминитивов от nomina agentis с суффиксами -τήρ, -τωρ, -της в древнегреческом языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 101–116.

FEATURES OF THE FORMATION OF FEMINITIVES DERIVED FROM NOMINA AGENTIS IN -ΤΗΡ, -ΤΩΡ, -ΤΗΣ IN ANCIENT GREEK

S.Y. Chueva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; chuevasy@my.msu.ru

Abstract: This article examines the formation of feminitives from nomina agentis with the suffixes -τήρ, -τωρ, -της in Ancient Greek with the derivational suf-

fixes -τεῖρα, -τρία, -τρίς, -τορίς and -τις. The research material is collected during work with the Thesaurus Linguae Graecae (TLG) corpus, as well as with dictionaries of Ancient Greek. During the collection of material we use the continuous sampling method and carry out the contextual, morphological and semantic field analysis of lexemes. The first part of the study provides a brief description of the features of the formation of nomina agentis with the suffixes -τήρ, -τωρ, -της, the second part of the article is devoted to the feminine suffixes -τεῖρα and -τρία, derived from the Indo-European formant -yā, the third part examines the suffixes -τρίς, —τορίς and -τις, included in the group of formants with the consonant -d-. In addition to the analysis of the formation of feminine lexemes in the Ancient Greek, we give a brief outline of changes in the productivity of the feminine suffixes in diachrony. In conclusion, we draw the inference that the initial word-formation models have changed due to the features of a particular dialect, and also as a result of a decrease in the productivity of such masculine suffixes as -τήρ, -τωρ and feminine suffixes -τεῖρα, -τρίς, -τορίς and -τις in Hellenistic koine.

Keywords: Ancient Greek language; feminine; diachrony; morphology; nomina agentis; productivity

For citation: Chueva S.Y. (2025) Features of the Formation of Feminities Derived from Nomina Agentis in -τήρ, -τωρ, -της in Ancient Greek. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 101–116.

Введение

Вопрос образования феминитивов на первый взгляд кажется актуальным для изучения на современном этапе: появление феминитивов-неологизмов и их широкое распространение в речи порождают необходимость подробного исследования данного вопроса на материале новогреческого языка. Действительно, существует большое количество работ, посвященных данной теме как в рамках гендерной лингвистики ([Παυλίδου 1985; Παυλίδου 2004; Τσοκαλίδου 1996; Παυλίδου, Κατελλίδη, Καραφώτη 2015] и др.), где исследователей в первую очередь интересует проблема языкового сексизма в СМИ, отношение к феминитивам в различных социальных группах, так и в рамках словообразования ([Ιορδανίδου, Μάντζαρη 2005; Koutsoukos, Pavlakou 2009; Ιορδανίδου, Κριπτάς 2021] и др.), где в центре внимания исследователей находятся вопросы образования феминитивов от лексем мужского рода, продуктивность той или иной словообразовательной модели, частотность использования того или иного варианта словообразовательного суффикса феминитивов и особенности употребления вариантов производных лексем в речи.

Тем не менее, образование феминитивов — процесс, характерный не только для современного этапа развития греческого языка. На протяжении всей истории греческого языка мы сталкиваемся с лек-

семами, обозначающими лиц женского пола, занимающихся той или иной деятельностью. Об особенностях образования феминитивов в древнегреческом языке в рамках исследования древнегреческого словообразования было написано достаточное количество работ [Debrunner 1917; Chantraine 1933; Σαπρή-Χασάν 2021], также мы находим работы, рассматривающие изменения в грамматическом строе языка, где, в частности, затрагиваются вопросы продуктивности того или иного суффикса в эллинистическом койне и на последующих этапах развития языка вплоть до новогреческого [Brown-ing 1983; Palmer 1946]. Попытка диахронного анализа образования и частотности употребления феминитивов от древнегреческого до новогреческого языка была предпринята в рамках кандидатской диссертации Д.Э. Сарри-Хасан [Σαπρή-Χασάν 2018]. В рамках отечественной лингвистики не представлено ни одной работы, посвященной изучению формирования феминитивов греческого языка, как на языковом материале определенного периода, так и в диахронном аспекте, помимо опубликованных нами работ [Чуева 2024]. Недостаточная освещенность темы делает наше исследование актуальным как в рамках отечественной, так и в рамках зарубежной лингвистики.

В настоящей статье мы рассмотрим способы образования феминитивов от *nomina agentis* (далее NA) мужского рода с суффиксами -τήρ, -τωρ, -της в древнегреческом языке. Отметим, что под феминитивами мы понимаем не только узкую категорию лексем, использующихся для номинации лиц женского пола по профессии. Таким образом, мы изучаем профессиональные феминитивы, иные NA, этнонимы и катойконимы, а также лексем со значением характеристики (по внешним данным либо особенностям поведения).

Материалом нашего исследования служат лексем, собранные в ходе работы с корпусом текстов Thesaurus Linguae Graecae [TLG], а также со словарями древнегреческого языка [LSJ; DGE]. В ходе сбора материала мы пользуемся методом сплошной выборки, проводим контекстный, морфологический и семантико-полевой анализ лексем.

В образовании феминитивов в древнегреческом участвуют словообразующие суффиксы. Наша задача, таким образом — подробно рассмотреть каждый суффикс, обратить внимание на семантику лексем женского рода, образованных посредством данных суффиксов, отметив степень их продуктивности в древнегреческом языке, а также изменения этой продуктивности в эллинистическом койне.

1. Nomina agentis мужского рода с суффиксами -τήρ, -τωρ, -της

Для понимания особенностей образования феминитивов от NA с суффиксами -τήρ, -τωρ, -της в первую очередь следует рассмотреть

особенности данных трех суффиксов, их происхождение и продуктивность, а также появление лексем с данными суффиксами в том или ином диалекте древнегреческого языка. Исследованию данных трех формантов посвящена работа Э. Френкеля *Geschichte der griechischen Nomina agentis auf -ter, -tor, -tes (-t-)* [Fraenkel 1910], также образование НА мужского рода анализируется в рамках изучения вопроса древнегреческого словообразования у П. Шантрена, А. Дебруннера [Chantraine 1933; Debrunner 1917]. В данной части настоящей работы мы обратимся к опыту предыдущих исследователей, поскольку для анализа особенностей образования феминитивов от НА с суффиксами -τήρ, -τωρ, -της необходимо подготовить теоретическую базу, основываясь на исследованиях прошлых лет. Также мы дополним исследование собственными наблюдениями, в частности касающимися изменения продуктивности данных суффиксов.

Суффиксы -τήρ, -τωρ, -της лексем мужского рода восходят к индоевропейскому суффиксу НА -t-. В случае -τήρ/-τωρ мы видим сочетание суффикса -t- с согласным r/l, образующее суффиксы НА и в других языках, ср. рус. -тель, лат. -tor. При этом суффикс -της появился непосредственно в греческом языке, являясь, таким образом, уникальным формантом, не засвидетельствованным в других языках индоевропейской семьи [Debrunner 1917: 171].

Изначально соотношение суффиксов, образующих НА в древнегреческом языке, подчинялось следующему правилу: простые отглагольные лексемы образовывались посредством суффикса -τήρ/-τωρ, напр. *ἡγήτωρ* ‘предводитель, вождь’ (< *ἡγεῖσθαι* ‘идти впереди, вести’), сложные отыменные, в свою очередь, приобретали суффикс -της, напр. *κυνῆγέτης* ‘охотник’ (< *κύων*, *κυνός* ‘собака’ + *ἡγεῖσθαι*). Данное различие сохраняется в наиболее древних образцах литературы, а также в диалектах, за исключением ионийского, где суффикс -τήρ достаточно рано заменяет суффикс -της, то же явление мы видим и в аттическом диалекте, что в свою очередь наследуется и эллинистическим койне [Debrunner 1917: 170–171; Chantraine 1933: 317]. На фоне распространения НА с суффиксом -της лексемы с суффиксами -τήρ/-τωρ ограничиваются узким кругом лексем юридического и религиозного характера, напр. *καταρτιστής* ‘примиритель, посредник’ [Chantraine 1933: 325].

Важно отметить, что составные глаголы в самых древних образцах греческого языка обладают дериватами как с суффиксами -τήρ/-τωρ, так и с суффиксом -της: у Гомера мы находим лексемы *ἐπιβήτωρ* ‘всадник’ (< *ἐπιβαίνω* ‘всходить, подниматься’) (Od. 11. 131) [West 2017] и *παραβότης* ‘тот, кто стоит рядом с возничим и сражается, боец на колеснице’ (Il.23.132) [Allen 1931] (< *παραβατέω* ‘сидеть или стоять рядом с возничим’ (поэт. от *παραβατέω* [LS])), таким об-

разом, первый глагол с приставкой ἐπι- приравнивается к простому слову, в то время как во втором формант параси- продолжает указывать на сложный характер лексемы.

Дорийский диалект дольше всего сохранял суффиксы -τήρ/-τωρ, здесь мы находим такие примеры NA, как **δικαστήρ** ‘судья’ (ср. ион.-атт. *δικαστής* < *δίκη* — *δικάζω*). Койне, вопреки своему ионийско-аттическому характеру, сохраняет NA на -τήρ, однако в позднем койне данный суффикс все же теряет свою продуктивность [Browning 1983: 40].

Суффикс -της играет важную роль в образовании отыменных дериватов (**στρατιώτης** ‘воин’ < *στρατιά*, **αγγελιώτης** ‘вестник, посланец’ < *αγγελία*) во всех диалектах на протяжении всей истории развития греческого языка [Chantraine 1933: 313]. Что же касается отглагольных NA, то, как мы уже отмечали, изначально простые слова образуются посредством суффиксов -τήρ/-τωρ, в то время как суффикс -της участвует в образовании сложных слов. Тем не менее, в диалектах, где сохранились суффиксы -τήρ/-τωρ (кроме ионийско-аттического, где, как мы уже отмечали, суффикс -της достаточно рано заменил данные варианты суффиксов NA) для образования производных от простых глаголов используются словообразовательные модели с участием форманта -της (дор. -τας). Так, в дорийском диалекте мы встречаем: **κυβερνάτας** < *κυβερνάω* ‘рулевой’ (Pi. Pyth.1.91) [Maehler 1971], **ἀρότας** < *ἀρόω* ‘земледелец’ (Pi.I.1.48) [Там же]. Согласно Э. Френкелю, подобные явления в дорийском диалекте могли быть следствием влияния ионийского [Fraenkel 1910: 168–169].

Трагики, склонные сохранять суффикс -τήρ в подражание эпическому языку [Chantraine 1933: 316], также вводят неологизмы на -της (при этом большая часть таких слов встречается исключительно в языке трагедий, напр. *πανδερκέτης* ‘всевидающий’ (E.El.1177) [Diggle 1981]). При этом в трагедиях также отмечаются неологизмы с суффиксом -τωρ, многие из которых затем начинают употребляться в юридическом и религиозном узусе, однако вопреки первоначальному соотношению -τήρ/ -τωρ и -της в простых и сложных словах, у них также появляются сложные слова с суффиксом -τωρ (**διογενέτωρ** ‘породивший Зевса’ (E.Ba.123) [Diggle 1994] и пр).

В аттическом диалекте от глаголов на -εὔειν помимо NA с суффиксом -εύς появляются также формы -εὔτης/-ευτής, напр. **πρεσβευτής** ‘посол’ (вместо *πρέσβυς*, *πρεσβεύς*) (Th.5.4) [Jones, Powell 1942], также **ἀγρευτής** ‘охотник, ловец’ (Pl.Ly.212.e.3) [Burnet 1903] и т. д. В эллинистическом койне форманты NA -της, -εὔτης и -ευτής становятся особенно продуктивными [Browning 1983: 38].

Несмотря на понижение продуктивности суффиксов -τήρ/-τωρ, их замене на суффикс -της и дальнейшее его распространение в эллинистическом койне, в современном языке суффикс -τήρ сохранился в форме -τήρας и участвует в образовании лексем со значением инструмента (*αναπτήρας* ‘зажигалка’), а также ΝΑ (напр. *μαιευτήρας* ‘акушер’), однако последние являются более архаичными лексемами, внутренняя форма которых неочевидна для носителей новогреческого языка [ΛΚΝ]. Суффикс -τωρ в свою очередь сохранился в новогреческом языке в форме -τορας в отглагольных ΝΑ (*εισπράττω* > *εισπράκτορας* ‘кондуктор’ и др.).

2. Феминитивы с суффиксами -τειра и -τρια

Большинство словообразующих суффиксов феминитивов в древнегреческом языке восходят к индоевропейскому форманту -уā, участвующему в древнегреческом языке в образовании различных групп лексем, характеризующих лиц женского пола, животных, а также инструменты, природные явления, земли и особенности ландшафта, и пр. [Chantraine 1933: 97–98]. В сочетании с суффиксом -τήρ формант -уā образует суффиксы феминитивов -τειра и -τρια. Суффикс -τειра получает широкое распространение в эпосе (*δμήτειρα* ‘укротительница, победительница’ < *δμητήρ* (Il.14.259) [Allen 1931]), где суффикс -τρια не встречается [Chantraine 1933: 104].

В более поздних памятниках, в частности в аттическом диалекте, суффикс -τειра, согласно П. Шантрэну, теряет свою продуктивность, ограничиваясь узким кругом религиозной и юридической лексики (*σώτειρα* ‘спасительница, избавительница’ < *σωτήρ*) [Chantraine 1933: 104–105]. Прочие примеры употребления данного суффикса, засвидетельствованные у лириков (*γενέτειρα* ‘мать, родительница’ < *γενετήρ/ γενέτης* — (Pi.N.7.2) [Maehler 1971]) и трагиков (*εὐνάτειρα* < *εὐνητήρ/ εὐνατήρ* ‘супруга’ (A.Pers. 137) [Page 1972]), по мнению исследователя, являются подражанием эпическому языку.

Тем не менее, в ходе анализа корпуса текстов TLG мы обнаруживаем довольно большое количество лексем с данным суффиксом не только в древнегреческом, но и у византийских авторов. Всего нами было обнаружено 173 лексемы, самые ранние из которых встречаются у Гомера (*δμήτειρα* < *δμητήρ* ‘укротительница, победительница’, *δρήστειρα* < *δρηστήρ* ‘работница’ (Od. 10. 349) [West 2017]) и у Гесиода (*δότειρα* < *δοτήρ* ‘несущая, приносящая’ (Hes.Op.356), *εὐκηλήτειρα* < *κηλέω* ‘убаюкивающая, успокаивающая’ (Hes.Op.464) [Solmsen 1970]), а самые поздние датируются XIV в. н. э. (*κοσμολέτειρα* ‘губительница мира’ (Philes.264.2) [Miller 1967], *κωματοδότειρα* ‘дарующая сон’ (Planudes11.766) [Papathomopoulos, Tsavare 2002] и пр.).

Далеко не все феминитивы с данным суффиксом образованы от NA с суффиксом -τήρ. Так, мы находим 21 лексему, производную от NA на -της (**διφρελάτεια** < διφρηλάτης 'правлящий колесницей' (APl.4.359.) [Beckby 1965-1968], **παίκτηρα** < παίκτης 'игрок, танцовщица' (Orph.H.3.9.) [Quandt 1962]) и 4 лексемы, производных от мужского рода на -τωρ (**δυσευνάτεια**/ **δυσευνήτεια** < δυσευνήτωρ 'плохая супруга' (Sch.A.Th.292c-d) [Smith 1982], **παντοκράτεια** < παντοκράτωρ 'вседержительница' (Orph.H.10.4) [Quandt 1962]). Некоторые феминитивы на -τεια, производные от NA на -της, имеют другие варианты, образованные посредством суффикса -τις (**εὐγενέτης** > **εὐγενέτεια** (ib.9.788) [Beckby 1965-1968]/ **εὐγενέτις** 'благородная' (Joannes Geometres 80.6) [Opstall 2008]), речь о котором пойдет далее.

Суффикс -τρια, в свою очередь, становится одним из наиболее продуктивных словообразующих суффиксов существительных в эллинистическом койне наряду с такими суффиксами, как -της, -εύς, -εὔτης/-ευτής, -άριος, -ᾶς и суффикс феминитивов -ισσα [Browning 1983: 38-39]. В дальнейшем данный суффикс сохраняет свою продуктивность, продолжая активно участвовать в образовании феминитивов и в новогреческом языке. На современном этапе он встречается в двух вариантах: -τρια и -тра (**ομιλήτρια** < ομιλητής 'докладчица, оратор', **ερευνήτρια** < ερευνητής, **κλέφτρα** < κλέφτης 'воровка', **υφάντρα** < υφαντής 'ткачиха' и др.).

Одним из наиболее ранних примеров лексем с суффиксом -τρια является лексема **δέκτρια** (< δεκτήρ 'принимающая'), встречающаяся у Архилоха (VII в до н. э.) (Archil.19) [West 1971]. Примеры лексем с данным суффиксом мы также находим в аттической прозе (**σοφίστρια** < σοφιστής 'софистка' (Pl.Euthd.297c.) [Burnet 1901]). Большое количество примеров с суффиксом -τρια мы находим также у трагиков и в особенности у комиков (**βασανίστρια** < βασανιστής 'испытательница' (Ar.Ra.826.), **συκοφάντρια** < συκοφάντης 'доносчица' (Ar. Pl.970) [Wilson 2007] и др.).

При более подробном анализе лексем древнегреческого языка (т. е. до начала эллинистическо-римского периода III в. до н. э.) мы обнаруживаем, что изначальная модель образования феминитивов на -τρια от суффикса -τήρ не является самой распространенной. Так, из 63 примеров лексем данного периода 34 лексемы образованы от NA с суффиксом -της (**μοιχεύτρια** < μοιχευτής 'прелюбодейка' (Pl. Smp.191e) [Burnet 1901], **κιθαρίστρια** < κιθαριστής 'кифаристка' (Arist. Ath.50.2) [Oppermann 1928] и др.). В эллинистическом койне лексемы, производные от лексем мужского рода на -της, составляют уже 61 из 82 лексем, обнаруженных в данный период (**ἀγωνίστρια** < ἀγωνιστής 'боец, борец' (Eus.HE 5.1.18.) [Bardy 1955], **ὑπερασπίστρια** < ὑπερασπιστής 'защитница' (LXX 4 Ma.15.29) [Rahlfs 1935]). Данная

модель образования феминитивов сохранится и в новогреческом языке (*τηλεφωνητής* > *τηλεφωνήτρια* ‘телефонистка’, *παρασκευαστής* > *παρασκευάστρια* ‘изготовительница’ и пр.). Также мы находим примеры (24 лексемы), не имеющие форм мужского рода. 12 лексем представляют собой NA (*δαίδαλεύτρια* < *δαίδαλεῖν* ‘искусница’ (Ph.1.666) [Wendland 1898]). Отсутствие мотивирующей лексемы мужского рода у ряда лексем данной группы (12 примеров) объясняется семантикой лексемы: подобные феминитивы обозначают род деятельности, характерный исключительно для женщин, например, *θηλάστρια* ‘кормилица’ (S.Fr.98) [Radt 1977] и пр.

Существуют также лексемы, встречающиеся с двумя вариантами словообразующих суффиксов, причем не только в производном феминитиве или в NA мужского рода, но в некоторых случаях и в обеих лексемах (*αὐλητήρ/αὐλητής* > *αὐλητρίς* (Ar.Ach.551) [Wilson 2007]/ *αὐλήτρια* (D.L.7.62.) [Dorandi 2013] ‘флейтистка’, *κοσμητήρ/κοσμητής* > *κοσμήτρια* (Hsch.) [Hansen 2005]/ *κοσμήτειρα* (Orph.H.10.8.) [Quandt 1962] ‘космет, устроитель, организатор’). В ходе анализа корпуса TLG мы обнаружили 21 пример подобных лексем. Подобные случаи, на наш взгляд, представляют особый интерес, поскольку отражают процесс перехода от менее продуктивных суффиксов NA к более продуктивным: от -τήρ к -τής, от -τειρα, -τίς, -τρίς (речь о последних пойдет далее) к -τρια.

3. Феминитивы с суффиксами -τρίς, -τορίς и -τις

Помимо форманта -υᾶ, образовавшего, в частности, суффиксы -τειρα и -τρια, существуют также и иные словообразующие суффиксы феминитивов от NA с суффиксами -τήρ, -τωρ, -τής. Суффиксы, речь о которых пойдет далее, входят в группу формантов на согласный -d-, а именно в группу суффиксов -ιδ-, участвующих изначально в образовании обширного круга имен существительных как женского, так и мужского рода [Debrunner 1917: 190; Chantraine 1933: 338].

В сочетании с суффиксом NA -τήρ формант -ιδ- образует суффикс -τρίς, участвующий в образовании феминитивов в ионическом диалекте [Chantraine 1933: 339]. Так, у Гомера мы находим лексему *ἄλετρις* ‘рабыня-молочница’ (Od. 20.105) [West 2017]. Также мы встречаем *ἄκεστρίς* ‘акушерка’ (от *ἄκew*, *ἄκεστήρ*) у Гиппократов (Hr.Carn.19.) [Littré 1853], у Ксенофонта вместо обычной для аттического диалекта *προμνήστρια* ‘сваха’ появляется лексема *προμνηστρίς* (X.Mem.2.6.36) [Marchant 1921]. В аттическом диалекте мы встречаем также слова *αὐλητρίς* ‘флейтистка’ < *αὐλητής/αὐλητήρ* (Ar.Ach.551) [Wilson 2007], *ὀρχηστρίς* ‘танцовщица’ < *ὀρχηστήρ/ὀρχηστής* (Ar.Ach.1093) [Там же]. Однако в аттическом диалекте, а затем и в койне

лексемы, образованные посредством данного суффикса, обозначают в основном орудия, инструменты (*θερμαστρίς* ‘кузнечные щипцы’ (Arist.Mech.854a24) [Bekker 1831], *ἑφεστρίς* ‘эфестрида’ (X.Smp.4.38) [Marchant 1921] и пр.), в то время как для обозначения лиц в аттическом диалекте наибольшее распространение получил суффикс -τρια [Palmer 1946: 93; Chantraine 1933: 340–341]. Это подтверждается нами и в ходе анализа контекстов в корпусе TLG: из 62 лексем с суффиксом -τρίς только 24 характеризуют качество или деятельность лица женского пола.

Среди подобных лексем мы находим как примеры, относящиеся к более ранним периодам, напр. *κιθαριστρίς* ‘играющая на кифаре’ (Nic.Dam.66.26J.) [Müller 1841–1870], так и примеры из произведений авторов XII в., таких как Григорий Антиох (*εὐαγγελιστρίς* ‘несущая благую весть’ [Novosadskij, Regel 1917]) и Иоанн Цец (*πολεμιστρίς* ‘воинственная’ (Tz.H.1.876) [Leone 1968]). Последние появляются лишь у этих авторов, что свидетельствует о намеренном подражании классическому языку, о чем также говорит появление вариантов с суффиксом -τρια (*εὐαγγελίστρια*, *πολεμίστρια*) у более ранних авторов.

Все подобные примеры, как и более древние, так и более поздние, имеют варианты с суффиксом -τρια производные от лексем на -της (*εὐαγγελιστής*, *πολεμιστής*, *κιθαριστής*). Всего мы находим 6 лексем подобного типа. Также мы обнаруживаем 9 лексем, не имеющих иных форм женского рода, но производных от NA на -της (*εἰδωλολάτρίς* < *εἰδωλολάτρης* ‘язычница, идолопоклонница’ (Chrys.M.61.155) [Migne 1857–1866] и пр.).

Суффикс -τορίς обладает низкой продуктивностью и образует феминитивы от NA с суффиксом -τωρ, напр. *ἄκεστορίς* < *ἄκέστωρ* ‘целительница, спасительница’ (Hr.Flat.1.) [Littré 1849], *αὐτοκρατορίς* < *αὐτοκράτωρ* ‘самодержица’ (J.AJ 18.2.1.) [Niese 1887–1890]. В ходе анализа корпуса текстов TLG нами было обнаружено **всего 3 лексемы** с данным суффиксом (2 феминитива и 1 зооним *ἄλεκτορίς* < *ἄλέκτωρ* ‘курица’ (Hr.Int.27) [Littré 1851]). Данный вариант суффикса феминитивов в аттическом диалекте, подобно суффиксу -τρίς, для образования феминитивов заменяется на -τρια [Chantraine 1933: 328–329], напр. *συλλήπτρια* < *συλλήπτωρ* ‘помощница’ (X.Mem. 2.1.32) [Marchant 1921].

Суффикс феминитивов -τис участвует в образовании феминитивов от отыменных лексем мужского рода на -της либо от NA на -της (древние сложные лексемы) [Debrunner 1917: 192], напр. *προφήτις* < *προφήτης* (от *πρόφημι*, про- + *φημί*) ‘пророчица’ (E.Ion 42,321) [Diggle 1981]. В древнегреческом языке мы обнаруживаем 57 лексем с данным примером словообразующего суффикса. Позднее, когда в ионийско-

аттическом диалекте суффикс -της заменяет собой суффиксы -τήρ/-τωρ, мы находим варианты образования феминитивов на -τρια и -τρίς от несоставных лексем с суффиксом -της, такие как ψάλτης > ψάλτρια ‘женщина-псалт’ (Pl.Prt. 347d) [Burnet 1903], однако наличие г в суффиксе феминитива свидетельствует о замене первоначальной словообразовательной модели τήρ> τρια, τρίς на της> τρια, τρίς [Debrunner 1917: 175].

Заключение

Таким образом, в результате морфологических изменений, в полной мере проявившихся уже в период эллинистического койне, суффиксы -τις -τρίς и -τορίς и -τειра окончательно уступают место суффиксам -τρια и -ισσα, продуктивность которых значительно возрастает в этот период [Browning 1983: 38–40]. Суффикс -τρίς ионийского диалекта, а также суффикс -τορίς заменяются суффиксом -τρια еще в аттическом диалекте. Также в аттическом диалекте ему уступает место суффикс -τις в NA женского рода (замена словообразовательной модели -της > -τις). То же происходит с суффиксом -τειра, хотя в более поздние периоды мы продолжаем находить лексемы с данным суффиксом.

Примечательно, что суффикс -τις все же появляется в новогреческом языке в варианте -τιδα (επιβάτης > επιβάτιδα ‘пассажирка’), однако появлению подобного рода феминитивов новогреческий язык обязан кафаревусе, возродившей древнегреческие суффиксы в качестве словообразующих формантов феминитивов (καλλιτέχνης < καλλιτέχνης ‘художница, мастер’) [Γιοπανάκης 1982: 340].

Что же касается суффикса -τρια, резкий рост его продуктивности в эллинистическом койне продолжается и в последующие периоды. Помимо этого, в эллинистическом койне также можно отметить, что модель образования лексем на -τρια от лексем на -της/ -τής мужского рода вытесняет другие варианты, поскольку, во-первых, сам суффикс -της в аттическом диалекте заменяет суффикс -τήρ, и эта особенность наследуется эллинистическим койне, а во-вторых, иные суффиксы феминитивов от NA на -της/ -τής теряют свою продуктивность. Данная модель, таким образом, закрепляется в языке и продолжает быть продуктивной и на современном этапе (напр. διαφημιστής > διαφημίστρια ‘специалист по рекламе’).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Browning R. Medieval and Modern Greek. Cambridge, 1983.
2. Chantraine P. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933.
3. Debrunner A. Griechische wortbildungslehre. Heidelberg, 1917.

4. *Fraenkel E.* Geschichte der griechischen Nomina agentis auf -ter, tor, tes (-t-). Straßburg, 1910
5. *Koutsoukos N., Pavlaku M.* A construction morphology account of agent nouns in Modern Greek // *Patras Working Papers in Linguistics*. 2009. Vol. 1. P. 107–126.
6. *Palmer L.R.* A Grammar of the Post-Ptolemaic Papyri. Vol. I. accident and Word-Formation. Part I. the Suffixes. London, 1946.
7. *Ιορδανίδου Α., Κριμπάς Π.Γ., Μαντζάρη Ε., Πανταζάρα Μ., Σαραντάκος Ν.* et al. Έμφυλοι τύποι ουσιαστικών: Θηλυκά ουσιαστικά επαγγελεμάτων, αξιωμάτων και συναφών ιδιοτήτων // *Ελληνική γλώσσα και ορολογία: Ανακοινώσεις 13ου Συνεδρίου*. Αθήνα, 2021. P. 414–423.
8. *Ιορδανίδου Α., Μαντζάρη Ε.* Τα θηλυκά επαγγελματικά ουσιαστικά: γλωσσική χρήση και τυποποίηση // *Στα Πρακτικά 5ου Συνεδρίου Ελληνικής Γλώσσας και Ορολογίας*, 13-15 Οκτωβρίου. Λευκωσία, 2005. Σ. 73–87.
9. *Καβάζη Ε.* Τα θηλυκά επαγγελματικά επιθήματα στην κυπριακή διάλεκτο. Θεσσαλονίκη, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://ikee.lib.auth.gr/record/122736/files/GRI-2010-4941.pdf?version=1> (дата обращения: 12.05.24).
10. *Καπλάνης Τ.* Πώς θα προσφωνούμε τη γυναίκα Πρόεδρο; 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.efsyn.gr/stiles/aporseis/227611_pos-tha-prosfonoymeti-gynaika-proedro (дата обращения: 20.02.24).
11. *Μπουκάλας Π.* Ονομάτων συζήτηση. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kathimerini.gr/opinion/1060852/onomat-on-syzitisi/> (дата обращения: 20.02.24).
12. *Παυλίδου Θ.-Σ.* Παρατηρήσεις στα θηλυκά επαγγελματικά // *Μελέτες για την ελληνική γλώσσα 5*. Θεσσαλονίκη, 1985. Σ. 201–217.
13. *Παυλίδου Θ.-Σ.* Γραμματικό γένος και σημασιακό περιεχόμενο: προκαταρκτικές παρατηρήσεις για τη λεξιολογική αναπαράσταση των φύλων // *Μελέτες για την ελληνική γλώσσα 24*. Θεσσαλονίκη, 2004. Σ. 543–553.
14. *Παυλίδου Θ.-Σ., Καπελλίδης Χ., Καραφώτη Ε.* Γραμματικό γένος, φύλο και θηλυκά επαγγελματικά ουσιαστικά: Όψεις του γλωσσικού σεξισμού // *Μελέτες για την ελληνική γλώσσα 35*. Θεσσαλονίκη, 2015. Σ. 463–477
15. *Περβολιανάκης Δ.* Πρόεδρος ή Προεδρίνα; 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goodnet.gr/blog-reader/proedros-i-proedrina.html> (дата обращения: 21.02.24).
16. *Σαρχή-Χασάν Ν.* Θηλυκά επαγγελματικά ουσιαστικά της ελληνικής γλώσσας: μία κοινωνιογλωσσολογική προσέγγιση. Ρόδος, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://hellenicus.lib.aegean.gr/handle/11610/18713> (дата обращения: 30.03.24).
17. *Τριανταφυλλίδης Μ.* Η βουλευτίνα και ο σχηματισμός των θηλυκών επαγγελματικών ουσιαστικών // *Άπαντα 2*. Θεσσαλονίκη, 1953. Σ. 326–334.
18. *Τσοκαλίδου Ρ.* Το φύλο της γλώσσας. Οδηγός μη-σεξιστικής γλώσσας για τον δημόσιο ελληνικό λόγο. Αθήνα, 1996.
19. *Τσοπανάκης Α.* Ο δρόμος προς την δημοτική: Θεωρητικά, τεχνικά και γλωσσικά προβλήματα. Σχηματισμός επαγγελματικών θηλυκών // *Στο Α. Τσοπανάκης (επιμ.), Ο Δρόμος προς την Δημοτική (Μελέτες και Άρθρα)*. Θεσσαλονίκη, 1982. Σ. 302–342.
20. *Чуева С. Ю.* Изменение продуктивности суффикса феминитивов -исса в греческом языке (диахронный анализ) // *Rhema. Рема*. 2024. № 2. С. 33–60.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. *Allen T. W.* *Homeri Ilias*. Vols. 2-3, Clarendon Press, 1931.
2. *Bardy G.* *Eusèbe de Césarée. Histoire ecclésiastique*, vol. 2 [Sources chrétiennes 31, 41, 55. Paris: Éditions du Cerf, 1955.

3. *Beckby H.* Anthologia Graeca, 4 vols., 2nd edn., Munich: Heimeran, 1–2: 1965; 3–4: 1968.
4. *Bekker I.* Aristotelis opera, vol. 2. Berlin: Reimer, 1831 (repr. Berlin: De Gruyter, 1960).
5. *Burnet J.* Platonis opera, vol. 2, Oxford: Clarendon Press, 1901.
6. *Burnet J.* Platonis opera, vol. 3. Oxford: Clarendon Press, 1903.
7. *DGE: Diccionario Griego-Español.* [Электронный ресурс]. URL: <http://dge.cchs.csic.es> (дата обращения: 14.05.24).
8. *Diggle J.* Euripidis fabulae, vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1981.
9. *Diggle J.* Euripidis fabulae, vol. 3, Oxford: Clarendon Press, 1994.
10. *Dorandi T.* Diogenes Laertius: Lives of Eminent Philosophers [Cambridge Classical Texts and Commentaries. Cambridge: Cambridge University Press, 2013], pp. 67–824.
11. *Hansen P.A.* Hesychii Alexandrini lexicon, Vol. III [Sammlung griechischer und lateinischer Grammatiker (SGLG) Band 11/3. Berlin, New York: De Gruyter, 2005], pp. 3–404.
12. *Jones H.S., Powell J.E.* Thucydidis historiae, vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1942.
13. *Leone P. L. M.* Ioannis Tzetzae historiae, Naples: Libreria Scientifica Editrice, 1968.
14. *LSJ: Lidde H.G., Scott R.* Greek-English Lexicon. [Электронный ресурс]. URL: https://www.greek-language.gr/digitalResources/ancient_greek/tools/liddell-scott/index.html (дата обращения: 20.02.24).
15. *Littré É.* Oeuvres complètes d'Hippocrate, vol. 6, Paris: Baillière, 1849 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1962), pp. 90–114.
16. *Littré É.* Oeuvres complètes d'Hippocrate, vol. 7, Paris: Baillière, 1851 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1962), pp. 166–302.
17. *Littré É.* Oeuvres complètes d'Hippocrate, vol. 8, Paris: Baillière, 1853 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1962), pp. 584–614.
18. *Maehler H. (post B. Snell).* Pindari carmina cum fragmentis, pt. 1, 5th edn. Leipzig: Teubner, 1971.
19. *Marchant E.C.* Xenophontis opera omnia, vol. 2, 2nd edn., Oxford: Clarendon Press, 1921 (repr. 1971).
20. *Miller E.* Manuelis Philae Carmina, vol. 1. Paris, 1855–1857 (repr. 1967).
21. *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus (series Graeca) (MPG) 61, Paris: Migne, 1857–1866, pp. 9–382.
22. *Müller K.* Fragmenta historicorum Graecorum (FHG) 3, Paris: Didot, 1841–1870, pp. 348–464.
23. *Niese B.* Flavii Iosephi opera, vols. 1–4. Berlin: Weidmann, 1887–1890 (repr. 1955).
24. *Novosadskij N. I., Regel V.E.* Fontes Rerum Byzantinarum: Rhetorum saeculi XII orationes politicae. Tomus I, 1–2, St. Petersburg: Academiae Scientiarum Rossicae, 1917 (repr. Leipzig: Zentralantiquariat der deutschen demokratischen Republik, 1982), pp. 300–304.
25. *Oppermann H.* Aristotelis Ἀθηναίων Πολιτεία, Leipzig: Teubner, 1928 (repr. 1968), pp. 1–98.
26. *Opstall E.M. van.* Jean Géomètre: Poèmes en hexamètres et en distiques élégiaques [The Medieval Mediterranean 75. Leiden-Boston: Brill, 2008], pp. 124–537.
27. *Page D.L.* Aeschyli Septem Quae Supersunt Tragoedias. Oxford: Clarendon Press, 1972, pp. 3–41.
28. *Papathomopoulos M., Tsavare I.* ΟΒΙΔΙΟΥ ΠΕΡΙ ΜΕΤΑΜΟΡΦΩΣΕΩΝ ὁ μετ' ἡμετέρων ἐκ τῆς Λατίνων φωνῆς εἰς τὴν Ἑλλάδα ΜΑΞΙΜΟΣ ΜΟΝΑΧΟΣ Ο ΠΛΑΝΟΥΔΗΣ. Athens: Academy of Athens, 2002, pp. 3–600.
29. *Radt S.* Tragicorum Graecorum fragmenta, vol. 4, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977.

30. *Rahlfs A.* Septuaginta, vol. 1, 9th edn., Stuttgart: Württemberg Bible Society, 1935 (repr. 1971), pp. 1157–1184.
31. *Smith O. L.* Scholia Graeca in Aeschylum quae exstant omnia, vol. 2. Leipzig: Teubner, 1982.
32. *Solmsen F.* Hesiodi opera. Oxford: Clarendon Press, 1970, pp. 49–85.
33. *TLG: Thesaurus Linguae Graecae.* [Электронный ресурс]. URL: <https://stephanus.tlg.uci.edu> (дата обращения: 13.05.24).
34. *ΛΚΝ: Λεξικό της κοινής νεοελληνικής.* [Электронный ресурс]. URL: https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/ (дата обращения: 03.04.24).
35. *Quandt W.* Orphei hymni, 3rd edn., Berlin: Weidmann, 1962 (repr. 1973), pp 1–57.
36. *Wendland P.* Philonis Alexandrini opera quae supersunt, vol. 3, Berlin: Reimer, 1898 (repr. Berlin: De Gruyter, 1962): 204–306.
37. *West M. L.* Homerus Odyssea. Berlin — Boston: De Gruyter, 2017.
38. *West M. L.* Iambi et elegi Graeci, vol. 1, Oxford: Clarendon Press, 1971.
39. *Wilson N. G.* Aristophanis Fabulae, Tomus II, Oxford: Oxford University Press, 2007, pp. 135–204.

REFERENCES

1. *Browning R.* Medieval and Modern Greek. Cambridge, 1983.
2. *Chantraine P.* La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933.
3. *Debrunner A.* Griechische wortbildungslehre. Heidelberg, 1917.
4. *Fraenkel E.* Geschichte der griechischen Nomina agentis auf -ter, tor, tes (-t-). Straßburg, 1910
5. *Koutsoukos N., Pavlaku M.* A construction morphology account of agent nouns in Modern Greek // Patras Working Papers in Linguistics. 2009. Vol. 1. P. 107–126.
6. *Palmer L. R.* A Grammar of the Post-Ptolemaic Papyri. Vol. I. accidence and Word-Formation. Part I. the Suffixes. London, 1946.
7. *Iordanidou A., Krimpas P. G., Mantzari, E., Pantazara, M., Sarantakos. N.* et al. Emfyli tipi ousiastikon: Thilyka ousiastika epaggelmaton, axiomaton ke synafon idiotiton [Gender-marked forms of nouns: Feminine nouns denoting professions, offices and related capacities]. 13th Conference “Hellenic Language and Terminology. Athens, 2021. P. 414–423.
8. *Iordanidou A., Mantzari, E.* Ta thilyka epaggelmatika ousiastika: glossiki hrisi ke tytopiisi [Professional feminine nouns: language use and standardization]. 5th Conference “Hellenic Language and Terminology. Nicosia, 2005. P. 73–87.
9. *Kavazi E.* Ta thilyka epaggelmatika epithimata stin kypriaki dialektō [The suffixes of professional feminine nouns in Cypriot Greek]. Thessaloniki, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://ikee.lib.auth.gr/record/122736/files/GRI-2010-4941.pdf?version=1> (дата обращения: 12.05.24).
10. *Kaplanis T.* Pos tha prosfonoume ti gyneka Proedro? [How shall we address the woman President?] 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.efsyn.gr/stiles/aporpseis/227611_pos-tha-prosfonoyme-ti-gynaika-proedro (дата обращения: 20.02.24).
11. *Μπουκας P.* Onomaton syztisi [A discussion of names]. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kathimerini.gr/opinion/1060852/onomaton-syztisi/> (дата обращения: 20.02.24).
12. *Paulidou Th.-S.* Paratirisi sta thilyka epaggelmatika [Observations on professional feminine nouns]. Meletes gia tin elliniki glossa 5. Thessaloniki, 1985. P. 201–217.

13. *Paulidou Th.-S.* Grammatiko genos kai simasiako periehomeno: prokatariktikes paratirisis gia ti lexiologiki anaparastasi ton fylon [Grammatical gender and semantic content: preliminary remarks on the lexical representation of genders]. *Meletes gia tin elliniki glossa* 24. Thessaloniki, 2004. P. 543–553.
14. *Paulidou Th.-S., Kapellidi H., Karafoti E.* Grammatiko genos, fylo kai thilyka epaggelmatika ousiastika: Opsi tou glossikou sexismou [Grammatical gender, sex and professional feminine nouns: Aspects of linguistic sexism]. *Meletes gia tin elliniki glossa* 35. Thessaloniki, 2015. P. 463–477
15. *Pervolianakis D.* Proedros i Proedrina? [President or she-President?]. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goodnet.gr/blog-reader/proedros-i-proedrina.html> (дата обращения: 21.02.24).
16. *Sarri-Hasan N.* Thilyka epaggelmatika ousiastika tis ellinikis glossas: mia kinonio-glossologiki proseggisi [Feminine professional nouns of the Greek language: a sociolinguistic approach]. Rhodes, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://hellenicus.lib.aegean.gr/handle/11610/18713> (дата обращения: 30.03.24).
17. *Triantafyllidis M.* I vouleutina ke o shimatismos ton thilykon epaggelmatikon ousiastikon [Vouletina and the formation of feminine professional nouns]. *Apanta* 2. Thessaloniki, 1953. P. 326–334.
18. *Tsokalidou P.* To fylo tis glossas. Odigos mi-sexistikis glossas gia ton dimosio elliniko logo [The gender of language. A guide to non-sexist language for public Greek speaking]. Athens, 1996.
19. *Tsopanakis A.* O dromos pros tin dimotiki: Theoritika, tehnika ke glossika provlimata. Shimatismos epaggelmatikon ousiastikon [The road to Demotic Greek: Theoretical, technical and linguistic problems. Formation of feminine professional nouns]. A Tsopanakis (eds.), *O Dromos pros tin Dimotiki (meletes ke Arthra)*. Thessaloniki, 1982. P. 302–342.
20. *Chueva S. Y.* Izmenenie produktivnosti suffiksa feminitivov -ισσα v grecheskom iazyke (diakhronnyi analiz) [Changes in the Productivity of the Feminine Suffix -ισσα in Greek (Diachronic Analysis)]. *Rhema*, no. 2, 2024, pp. 33–60. (In Russ.)

SOURCES OF EXAMPLES

1. *Allen T. W.* *Homeri Ilias*. Vols. 2–3, Clarendon Press, 1931.
2. *Bardy G.* *Eusèbe de Césarée. Histoire ecclésiastique*, vol. 2 [Sources chrétiennes 31, 41, 55. Paris: Éditions du Cerf, 1955.
3. *Beckby H.* *Anthologia Graeca*, 4 vols., 2nd edn., Munich: Heimeran, 1–2:1965; 3–4:1968.
4. *Bekker I.* *Aristotelis opera*, vol. 2. Berlin: Reimer, 1831 (repr. Berlin: De Gruyter, 1960).
5. *Burnet J.* *Platonis opera*, vol. 2, Oxford: Clarendon Press, 1901.
6. *Burnet J.* *Platonis opera*, vol. 3. Oxford: Clarendon Press, 1903.
7. *DGE: Diccionario Griego-Español* [Greek-Spanish Dictionary]. [Электронный ресурс]. URL: <http://dge.cchs.csic.es> (дата обращения: 14.05.24).
8. *Diggle J.* *Euripidis fabulae*, vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1981.
9. *Diggle J.* *Euripidis fabulae*, vol. 3, Oxford: Clarendon Press, 1994.
10. *Dorandi T.* *Diogenes Laertius: Lives of Eminent Philosophers* [Cambridge Classical Texts and Commentaries. Cambridge: Cambridge University Press, 2013], pp. 67–824.
11. *Hansen P.A.* *Hesychii Alexandrini lexicon*, Vol. III [Sammlung griechischer und lateinischer Grammatiker (SGLG) Band 11/3. Berlin, New York: De Gruyter, 2005], pp. 3–404.
12. *Jones H.S., Powell J.E.* *Thucydides historiae*, vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1942.

13. Leone P. L. M. Ioannis Tzetzae historiae, Naples: Libreria Scientifica Editrice, 1968.
14. LSJ: Liddell H.G., Scott R. Greek-English Lexicon. [Электронный ресурс]. URL: https://www.greek-language.gr/digitalResources/ancient_greek/tools/liddell-scott/index.html (дата обращения: 20.02.24).
15. Littré É. Oeuvres complètes d'Hippocrate, vol. 6, Paris: Baillière, 1849 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1962), pp. 90–114.
16. Littré É. Oeuvres complètes d'Hippocrate, vol. 7, Paris: Baillière, 1851 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1962), pp. 166–302.
17. Littré É. Oeuvres complètes d'Hippocrate, vol. 8, Paris: Baillière, 1853 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1962), pp. 584–614.
18. Maehler H. (post B. Snell). Pindari carmina cum fragmentis, pt. 1, 5th edn. Leipzig: Teubner, 1971.
19. Marchant E.C. Xenophontis opera omnia, vol. 2, 2nd edn., Oxford: Clarendon Press, 1921 (repr. 1971).
20. Miller E. Manuelis Philae Carmina, vol. 1. Paris, 1855-1857 (repr. 1967).
21. Migne J.-P. Patrologiae cursus completus (series Graeca) (MPG) 61, Paris: Migne, 1857–1866, pp. 9–382.
22. Müller K. Fragmenta historicorum Graecorum (FHG) 3, Paris: Didot, 1841–1870, pp. 348–464.
23. Niese B. Flavii Iosephi opera, vols. 1-4. Berlin: Weidmann, 1887–1890 (repr. 1955).
24. Novosadskij N. I., Regel V.E. Fontes Rerum Byzantinarum: Rhetorum saeculi XII orationes politicae. Tomus I, 1–2, St. Petersburg: Academiae Scientiarum Rossicae, 1917 (repr. Leipzig: Zentralantiquariat der deutschen demokratischen Republik, 1982), pp. 300–304.
25. Oppermann H. Aristotelis Ἀθηναίων Πολιτεία, Leipzig: Teubner, 1928 (repr. 1968), pp. 1–98.
26. Opstall E.M. van. Jean Géomètre: Poèmes en hexamètres et en distiques élégiaques [The Medieval Mediterranean 75. Leiden-Boston: Brill, 2008], pp. 124–537.
27. Page D.L. Aeschyli Septem Quae Supersunt Tragoedias. Oxford: Clarendon Press, 1972, pp. 3–41.
28. Papathomopoulos M., Tsavare I. ΟΒΙΔΙΟΥ ΠΕΡΙ ΜΕΤΑΜΟΡΦΩΣΕΩΝ ὁ μετ' ἡνέγκεν ἐκ τῆς Λατίνων φωνῆς εἰς τὴν Ἑλλάδα ΜΑΞΙΜΟΣ ΜΟΝΑΧΟΣ Ο ΠΛΑΝΟΥΔΗΣ. Athens: Academy of Athens, 2002, pp. 3–600.
29. Radt S. Tragicorum Graecorum fragmenta, vol. 4, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977.
30. Rahlfs A. Septuaginta, vol. 1, 9th edn., Stuttgart: Württemberg Bible Society, 1935 (repr. 1971), pp. 1157–1184.
31. Smith O. L. Scholia Graeca in Aeschylum quae exstant omnia, vol. 2. Leipzig: Teubner, 1982.
32. Solmsen F. Hesiodi opera. Oxford: Clarendon Press, 1970, pp. 49–85.
33. TLG: Thesaurus Linguae Graecae. [Электронный ресурс]. URL: <https://stephanus.tlg.uci.edu> (дата обращения: 13.05.24).
34. LKN: Lexiko tis kinis neoellinikis [The Modern Greek Dictionary]. [Электронный ресурс]. URL: https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/ (дата обращения: 03.04.24).
35. Quandt W. Orphei hymni, 3rd edn., Berlin: Weidmann, 1962 (repr. 1973), pp. 1–57.
36. Wendland P. Philonis Alexandrini opera quae supersunt, vol. 3, Berlin: Reimer, 1898 (repr. Berlin: De Gruyter, 1962): 204–306.
37. West M. L. Homerus Odyssea. De Gruyter, 2017.
38. West M.L. Iambi et elegi Graeci, vol. 1, Oxford: Clarendon Press, 1971.

39. *Wilson N.G. Aristophanis Fabulae, Tomus II, Oxford: Oxford University Press, 2007, pp. 135–204.*

Поступила в редакцию 17.07.2024
Принята к публикации 22.04.2025
Отредактирована 30.04.2025

Received 17.07.2024
Accepted 22.04.2025
Revised 30.04.2025

ОБ АВТОРЕ

Чуева Софья Юрьевна — аспирант кафедры византийской и новогреческой филологии МГУ имени М.В. Ломоносова; chuevasy@my.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sofia Y. Chueva — postgraduate student, Department of Byzantine and Modern Greek Philology, Lomonosov Moscow State University; chuevasy@my.msu.ru

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ LV ВИНОГРАДОВСКИХ ЧТЕНИЙ)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ВАЛЕНТНОСТЕЙ У ГЛАГОЛОВ-ЛИКВИДАТИВОВ С ПРИСТАВКОЙ РАЗ- В СИНХРОНИИ И БЛИЖАЙШЕЙ ДИАХРОНИИ

И.В. Мухачёва

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; itukhachyova@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются синтаксические свойства — преимущественно валентностные — нескольких глаголов со значением ликвидации результата действия с приставкой *раз-* в синхронии и ближайшей диахронии. Класс глаголов-ликвидативов достаточно обширен и поддается внутренней классификации. В настоящей работе внимание сосредоточено на глаголах из подкласса со значением ‘освободить от оболочки’: *раздеть, распеленать, раскутать, размотать, разуть*. Цель исследования — выявление того, отличалось ли синтаксическое поведение данных глаголов 150–200 лет назад от современного. В современном русском литературном языке рассматриваемые глаголы имеют особенности при реализации валентностей: ликвидативы *раздеть* и *разуть* обладают невыразимой валентностью Оболочки (**раздеть куртку*, **разуть сапоги*), а ликвидативы *распеленать, раскутать, размотать* не могут реализовать валентности Пациенса и Оболочки одновременно (**распеленать ребенка от шали* и т. п.). Проведенный анализ показал, что в ближайшей диахронии синтаксическое поведение только одного глагола — глагола *раздеть* — совпадало с современным. Другие рассмотренные ликвидативы были способны реализовывать все свои валентности одновременно («*Ее распеленали от овечьих шкур*» и т. п.).

Ключевые слова: глаголы со значением ликвидации результата действия; семантические валентности; невыразимые валентности; ближайшая диахрония; малые диахронические сдвиги; литературная норма современного русского языка

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-11

Для цитирования: Мухачёва И.В. Особенности реализации валентностей у глаголов-ликвидативов с приставкой *раз-* в синхронии и ближайшей диахронии // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 117–133.

FEATURES OF THE REALIZATION OF VALENCES IN LIQUIDATIVE VERBS WITH THE PREFIX *RAZ-* IN SYNCHRONY AND THE NEAREST DIACHRONY

I.V. Mukhachjova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; imukhachyova@yandex.ru

Abstract: The article discusses the syntactic properties — mainly valency — of several verbs with the meaning of liquidation of the result of an action with the prefix *raz-* in synchrony and the nearest diachrony. The class of liquidative verbs is quite extensive and amenable to internal classification. In this paper, attention is focused on verbs from the subclass with the meaning of ‘to release from the cover’: to undress, to unwrap, to untangle, to unwind, to take off. The aim of the study is to identify whether the syntactic behavior of these verbs 150–200 years ago differed from the modern one. In the modern Russian literary language, the verbs in question have features in the implementation of valences: the liquidatives ‘to undress’ and ‘to take off’ have an inexpressible valence Shell (*to undress a jacket, *to take off boots), while the liquidatives ‘to unravel’, ‘to untangle’ and ‘to unwrap’ cannot realize the valence of the Patient and the Shell at the same time (*to unravel a child from a shawl, etc.). The analysis showed that that in the nearest diachrony, the syntactic behavior of only one verb — the verb ‘to undress’ — coincided with the modern one. Other liquidatives considered were able to realize all their valences at the same time (“She was unwrapped from sheep’s skins”, etc.).

Keywords: verbs with the meaning of liquidation the result of an action; semantic valences; inexpressible valences; nearest diachrony; small diachronic shifts; the literary norm of the modern Russian language

For citation: Mukhachjova I.V. (2025) Features of the Realization of Valences in Liquidative Verbs with the Prefix *raz-* in Synchrony and the Nearest Diachrony. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 117–133.

1. Обращение русистики к изучению ближайшей диахронии.

Русистика последних десятилетий при изучении современного состояния языка зачастую не ограничивается чисто синхронным описанием, а обращается к данным ближайшей диахронии. «В настоящее время в русистике обозначилось особое направление — изучение семантических и структурных изменений в языке, произошедших за последние 200 лет» [Падучева 2018: 50]. Малые диахронические сдвиги происходят в двух языковых сферах — грамматике и лексике. Однако, как справедливо замечает Е.В. Падучева, «в большинстве случаев мы имеем дело с конструкциями, где грамматика и лексика неразделимы, так что границы между этими двумя сферами не ясны» [Падучева 2018: 50].

Интерес современной русистики к процессам, происходившим в ближайшей диахронии, оказался предопределен развитием отече-

ственной лингвистической мысли. Выдающиеся русисты XX в. понимали необходимость исследования грамматических процессов, лексических изменений, сдвигов в словообразовательной системе, поскольку без тщательного анализа всего перечисленного невозможно сформировать представление о становлении литературной нормы современного русского языка.

По наблюдению Е.В. Рахилиной, «язык XIX века не так часто описывался системно» [Рахилина 2017: 362]. Одним из основополагающих трудов, в котором нашли отражение результаты исследования процессов, происходивших в русском языке XIX в., является пятитомное издание «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века». Оно объединяет пять коллективных монографий, изданных под редакцией академика В.В. Виноградова и доктора филологических наук Н.Ю. Шведовой в 1964 году.

Монография об изменениях в системе простого и осложненного предложения открывается статьей «От авторов». В ней сказано, что «в этих книгах — с разной степенью полноты описания — делается попытка охарактеризовать движение в разных сторонах грамматического строя и в системе словообразования, пути становления новой литературной нормы и выяснить основные тенденции развития категорий» [Изменения 1964: 5]. По мнению авторов, в течение XIX в. «постепенно, но неуклонно осуществлялись довольно заметные изменения в грамматическом строе языка» [Изменения 1964: 5], которые, однако, не могут быть правильно поняты без осмысления предшествующих процессов. Своеобразной отправной точкой, исходным периодом авторы считают язык второй половины и конца XVIII в.

Исследование ведется на материалах, извлеченных из текстов различных стилей и жанров, поскольку авторы убеждены, что изменения в грамматическом строе литературного языка «не могут изучаться в отрыве от тех живых стилистических движений и перемещений, которые столь характерны для его развития» [Изменения 1964: 6].

Признавая бесспорную лингвистическую ценность «Очерков», Е.В. Рахилина замечает, что у авторов «не было возможности проверить свои гипотезы по такому широкому материалу, который теперь предоставляет исследователю поиск в корпусе, в том числе исторический» [Рахилина 2017: 362].

Современные возможности способствуют достижению глобальной цели — описанию процесса формирования литературной нормы, которое возможно при тщательном и «точечном» анализе

отдельных грамматических категорий или даже грамем, словообразовательных моделей, лексико-семантических групп и т. п.

2. Постановка проблемы. В данной работе в центре внимания находится несколько лексем одного семантического класса — класса глаголов, обозначающих ликвидацию результата предшествующего действия и включающих в свой морфемный состав приставку *раз-*. Это глаголы *разгрузить*, *разбинтовать*, *растегнуть* и т. п. Для удобства и краткости мы называем их ликвидативами.

Ликвидативы — это довольно обширная семантическая группа глаголов, которая поддается внутренней классификации. Внутри этой группы можно выделить несколько классов: класс ликвидативов со значением ‘изменить форму’ (*развернуть ковер*, *раскрыть открытку* и т. п.), класс ликвидативов со значением ‘изменить нефизическое состояние’ (*расформировать полк*, *расторгнуть брак* и т. п.) и класс ликвидативов со значением ‘ликвидировать контакт’.

Класс ‘ликвидировать контакт’ — самый многочисленный и разнообразный. Внутри него можно разграничить следующие подклассы: подкласс ликвидативов со значением ‘ликвидировать контакт между предметами или частями предмета’ (*раскрыть зонтик*, *развязать шнурки* и т. п.); подкласс ликвидативов со значением ‘освободить от чего-либо’ (*разгрузить машину*, *раскупорить бутылку* и т. п.); подкласс ликвидативов со значением ‘нарушить целостность’ (*расплести косу*, *разбросать сугроб* и т. п.). В центре внимания в настоящей работе находятся глаголы из подкласса ‘освободить от чего-либо’, а именно ликвидативы, обозначающие освобождение от своеобразной оболочки, покрова: *раздеть*, *распеленать* и т. п.

Учитывая наличие синтаксических особенностей их устройства в современном русском языке (оговоримся, что мы рассматриваем современный русский язык в узком понимании — как язык текущего момента, то есть конца XX — первой четверти XXI вв.), о которых сказано ниже, интересно выявить, происходили ли какие-либо сдвиги в их синтаксическом поведении на протяжении последних двухсот лет. Материалом для исследования служат данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) — его основного и панхронического подкорпусов.

3. Семантические и синтаксические свойства ликвидативов. Синтаксические особенности ликвидативов невозможно анализировать в отрыве от рассмотрения их семантики.

Большинство ликвидативов обозначают ситуации минимум с двумя или тремя обязательными участниками, следовательно, обладают как минимум двумя или тремя семантическими валентностями, благодаря которым потенциально способны присоединять к себе словоформы с соответствующими значениями. Так, ликви-

датель *разобрать* в значении ‘разъединить, разнять что-л. на составные части’¹ способен реализовать все три свои валентности — Агенса, Пациенса и Объекта (здесь под Объектом имеем в виду составные части, из которых состоит Пациент и с которыми непосредственно взаимодействует Агент):

(1) *Он² собственноручно разобрал дом по бревнышку*³ [А. Славовский, 1999].

Однако не все ликвидативы демонстрируют такое же синтаксическое поведение, как *разобрать*. Подобные глаголы приводятся в научной литературе, в частности в [Апресян 1995] как примеры слов с невыразимыми валентностями: «Регулярно остается невыраженной одна из валентностей некоторых антонимов со значением ликвидации результата действия. У глаголов типа *забинтовать* (*руку марлей*), *заворачивать* (*покупку в бумагу*), *завязывать* (*ящик веревкой*) имеется валентность средства-объекта, нереализуемая у их антонимов *разбинтовать* (*руку*), *разворачивать* (*покупку*), *развязывать* (*ящик*)» [Апресян 1995: 147].

Например, глагол *развернуть* (*покупку*) действительно иначе реализует свои валентности по сравнению с антонимичным ему *завернуть* (*покупку в целлофан*).

Завернуть способен присоединить зависимые, соответствующие всем трем своим валентностям — Агенса, Пациенса и Оболочки, что отражено в модели управления, представленной в табл. 1.

Таблица 1

Модель управления глагола *завернуть*

1. X = Агент	2. Y = Пациент	3. Z = Оболочка
1. S _{им}	1. S _{вин}	1. в S _{вин}
Обязательна	Обязательна	Обязательна

(2) *Он завернул сплюсненную банку в тряпочку и сунул ее в карман* [Ю. Коваль, 1972].

Развернуть же, по мнению Ю.Д. Апресяна, валентность Оболочки регулярно не реализует. Действительно, невозможны контексты типа **Он развернул банку из / от тряпочки*. Однако, на наш взгляд,

¹ Здесь и далее формулировки значений цитируются по «Словарю русского языка» в 4-х т. под ред. А.П. Евгеньевой — Малому академическому словарю (МАС).

² Здесь и далее подчеркиваются те словоформы, которые в приведенном контексте реализуют валентности рассматриваемого глагола.

³ Благодарим анонимного рецензента за указание на то, что предложно-падежная словоформа *по бревнышку* имеет здесь сложную (синкретичную) семантику. На наш взгляд, она не только обозначает те объекты, из которых состоял дом, но и выражает информацию о способе, с помощью которого дом был разобран.

это не свидетельствует о принципиальной невыразимости данной валентности.

Дело в том, что валентность Оболочки может быть выражена, только не одновременно с валентностью Пациенса. Иначе говоря, *развернуть* имеет две модели управления: с одной стороны, возможны контексты типа *Он развернул банку*, а с другой — *Он развернул тряпочку (и вынул банку)*. Модели управления ликвидатива *развернуть* и иллюстрации к ним приведены ниже.

Таблица 2

Модель управления-1 глагола *развернуть*

1. X = Агенса	2. Y = Пациенса	3. Z = Оболочка
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(3) *Девочки развернули наши бутерброды* [Л. Петрушевская, 2002].

Таблица 3

Модель управления-2 глагола *развернуть*

1. X = Агенса	2. Z = Оболочка	3. Y = Пациенса
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(4) *Тот развернул тряпицу, в ней было завернуто несколько листов бересты* [«Марийская правда», 2003].

Выбор того или другого способа реализации валентностей осуществляется говорящим в зависимости от того, на каком участнике ему важнее сделать смысловой акцент — на Пациенсе или на Оболочке. Для описания этого явления — отношения говорящего к тому или иному участнику ситуации — Е.В. Падучева использует термин «коммуникативный ранг». Коммуникативный ранг — «это прагматическая характеристика: она определяет участника через его отношение к фокусу внимания говорящего» [Падучева 2004: 58]. Если для говорящего участник важен, он помещает его в центр зоны внимания; если не очень важен — на периферию этой зоны; если совсем не значим — за пределы периферии, за кадр.

Учитывая понятие коммуникативного ранга, можно утверждать, что ликвидатив *развернуть* не имеет невыразимых валентностей.

Тем не менее некоторые ликвидативы действительно обладают невыразимыми валентностями. Среди глаголов со значением ‘освободить от чего-либо’ такую особенность имеет ликвидатив *раздеть*. Он не способен присоединить зависимое со значением Оболочки:

*Папа раздел майку; *Папа раздел ребенка от майки. Модель управления ликвидатива *раздеть* приведена в табл. 4.

Таблица 4

Модель управления глагола *раздеть*

1. X = Агенс	2. Y = Пациенс	3. Z = Оболочка
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(5) *Лешка раздел Алду, поставил на доски в летнем душе* [М. Трауб, 2011].

Одним словом, синтаксическое поведение ликвидативов представляет немалый интерес. Попытаемся рассмотреть его в синхронии и ближайшей диахронии на материале нескольких ликвидативов с общим компонентом значения ‘освободить от оболочки’: *раздеть, распеленать, раскутать, размотать, разуть*⁴.

4. Ликвидатив *раздеть*. Как уже говорилось, глагол *раздеть* в современном русском языке не способен присоединить зависимое со значением Оболочки, то есть обладает соответствующей невыразимой валентностью.

Данные панхронического подкорпуса НКРЯ фиксируют такое же синтаксическое поведение ликвидатива *раздеть* в конце XVIII и на протяжении XIX–XX вв. В примерах (6)–(9) *раздеть* демонстрирует возможность реализации только валентностей Агенса и Пациенса:

(6) *Наехали казаки, раздели Клейста и бросили в болото* [Н.М. Карамзин, 1793];

(7) *Старушка, моя няня, видя беду неминуемую, вдруг раздела меня донага* [Н.И. Греч, 1834];

(8) *Вошедшая в комнату женщины раздела ребёнка* [В.Ф. Одоевский, 1841];

(9) *Няня раздела полусонную девочку* [А.Н. Анненская, 1881].

Таким образом, на синхронном уровне и в ближайшей диахронии ликвидатив *раздеть* проявляет свои валентностные свойства одинаковым образом: обладает невыразимой валентностью Оболочки и реализует валентности Агенса и Пациенса.

Однако среди контекстов XIX века встретился один, в котором глагол *раздеть* подчиняет себе зависимое, невозможное в современ-

⁴ Для анализа в настоящей статье были выбраны данные глаголы, поскольку они обладают большой семантической общностью, обозначая ситуации, в которых существо или часть его тела освобождается от объекта, выполняющего согревающую или защитную функцию. Иными словами, выбранные ликвидативы можно считать семантической мини-группой внутри более обширной группы ликвидативов со значением ‘освободить от оболочки’.

ном русском языке. Это зависимое не связано с валентностными свойствами глагола — оно обозначает как бы степень раздетости:

(10) *Их выпустили на переговорах, раздели голыми, пустили бежать в разные стороны и перестреляли, как дичь* [А.С. Грибоедов, 1818].

В данном контексте представлена конструкция, в которой прилагательное *голыми* в форме творительного падежа зависит от глагола-сказуемого *раздели* и от опущенного здесь дополнения *их* (*раздели (их) голыми*) и обозначает свойство объекта, названного выпущенным дополнением.

Подобные конструкции, исследование которых ведется не одно десятилетие, называются депиктивными конструкциями, или депиктивами. В 1960-е гг. В.И. Борковским и П.С. Кузнецовым была предложена идея о том, что конструкция с творительным падежом предполагает «возникший и проявляющийся в течение определенного отрезка времени», а не постоянный признак [Борковский, Кузнецов 1965: 335].

Современные исследователи депиктивов — Е.В. Рахилина и Ю.Л. Кузнецова, — отталкиваясь от этой идеи, развивают ее. Они формулируют общую семантику депиктивных конструкций следующим образом: «субъект или объект в момент, описываемый предикатом V, характеризуется некоторым временным значением неустойчивого признака A'».

В таких конструкциях естественно ожидать глаголы с валентностью на переменный признак — глаголымены состояния (*стать* и т. п.) и глаголы оценочного восприятия действительности (*казаться, считаться* и т. п.). Ликвидатив *раздеть* не имеет валентности на переменный признак, однако он встретился в депиктивной конструкции. Это оказывается возможным, поскольку семантически *раздеть* содержит идею изменения состояния, а для депиктивной конструкции, по мнению Е.В. Рахилиной и Ю.Л. Кузнецовой, главное — «это возникновение некоторого значения признака, составляющего контраст с другим допустимым для него значением» [Кузнецова, Рахилина 2014: 201]. Для *раздеть* такими контрастными значениями признака выступают состояния ‘быть одетым’ — ‘быть голым’.

Признак оформлен прилагательным в форме творительного падежа. По наблюдению исследователей, «использование творительного падежа в депиктивной конструкции не случайно, а тесно связано со значением визуального восприятия, важного как для творительного падежа, так и для депиктивной конструкции» [Кузнецова, Рахилина 2014: 215].

Представляется, что идеи, высказанные Е.В. Рахилиной и Ю.Л. Кузнецовой, объясняют контекст (10): А.С. Грибоедов рисует картину «прилюдного» раздевания, раздевания на глазах у наблюдателя.

Тем не менее для современного русского языка употребление ликвидатива *раздеть* в депиктивных конструкциях кажется все же невозможным, но обнаруженный контекст интересен и для изучения ликвидативов, и для дальнейших размышлений над депиктивами.

5. Ликвидатив *распеленать*. Обратимся к ликвидативу *распеленать*. Модели управления этого глагола, актуальные для современного языка, представлены в табл. 5 и 6: в одной, помимо Агенса, выражается валентность Пациенса, а в другой — Оболочки.

Таблица 5

Модель управления-1 глагола *распеленать*

1. X = Агнс	2. Y = Пациенс	3. Z = Оболочка
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(11) *Лиза распеленала дочку* [С. Довлатов, 1983].

Таблица 6

Модель управления-2 глагола *распеленать*

1. X = Агнс	2. Z = Оболочка	3. Y = Пациенс
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(12) *Прямиком из Толедо он привез ее [картину] к Марго, и надо было видеть осунувшееся лицо бегемотихи, когда в подвале он распеленал старое полотно* [Д. Рубина, 2008–2009].

Контекст (12) — единственный в НКРЯ, иллюстрирующий вторую модель управления. Он представляется нам если не авторским, то, возможно, нарушающим норму, и заставляет задуматься, способен ли глагол *распеленать* реализовывать валентность Оболочки в принципе. Интересно, что МАС не фиксирует у глагола *распеленать* такого значения или употребления, которое реализовывалось бы во второй модели управления, отмечая только значение ‘вынуть из пеленок, освободить из пеленок’.

Поскольку все же контекст (12) обнаружен в НКРЯ, остановимся на том, что в современном языке валентности Пациенса и Оболочки у *распеленать* выражаются в двух разных моделях управления.

Обращение к ближайшей диахронии показывает, что, например, в XIX веке все валентности глагола *распеленать* были реализуемыми, причем они были способны реализоваться одновременно:

(13) *И только что ее раскутали, только что ее распеленали от оленьих шкур, как она бросилась к Юдику и пала на его раскрытую грудь* [К.Д. Носилов, 1899].

В примере (13) словоформа *ее* реализует валентность Пациенса, а предложно-падежная группа *от шкур* — валентность Оболочки. Подобная сочетаемость глагола *распеленать* для современного русского языка является ненормативной.

В этом же контексте имеется еще один ликвидатив со значением ‘освободить от оболочки’ — глагол *раскутать*.

6. Ликвидатив *раскутать*. Как и *распеленать*, *раскутать* в современном языке реализует свои валентности двумя способами. Две модели управления этого глагола представлены в табл. 7 и 8.

Таблица 7

Модель управления-1 глагола *раскутать*

1. X = Агенс	2. Y = Пациенс	3. Z = Оболочка
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(14) *Сошнин раскутал Светку, поставил кастрюльку с супом на плиту* [В. Астафьев, 1982–1985].

Таблица 8

Модель управления-2 глагола *раскутать*

1. X = Агенс	2. Z = Оболочка	3. Y = Пациенс
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(15) *Тут она разделась, раскутала платок и оказалась молодой* [Ю. Казаков, 1966].

В НКРЯ найдено только два контекста, иллюстрирующих вторую модель управления, что может заставить сомневаться в ее нормативности.

Обращение к МАСу подтверждает это предположение. Словарь фиксирует употребление глагола *раскутать*, в котором реализуется его вторая модель управления, но считает это употребление стилистически отмеченным, сопровождая его пометой разг.: «|| Разг. Снять с кого-, чего-л. что-л. закутывающее. *Раскутать шаль*. □ *Как я вздрогнул, с каким биением сердца вскочил и бросился ему на шею, не дав ему времени снять с себя шубу и раскутать шарф!* Тургенев, Яков Пасынков».

В качестве иллюстрации этого употребления в МАСе приведена цитата из текста И.С. Тургенева, которая обнаруживается и в НКРЯ

и свидетельствует о том, что в XIX веке, вероятно, глагол *раскутать* присоединял к себе зависимое со значением Оболочки.

Итак, ликвидатив *раскутать* в синхронии и ближайшей диахронии реализует свои валентности в двух моделях управления, однако присоединение зависимого со значением Оболочки для современного русского языка является возможным только в разговорной речи.

Ниже представлены еще два контекста первой трети XX века с глаголом *раскутать*, которые показывают, что в качестве Пациенса в данной ситуации может выступать не объект целиком, а какая-то его часть, чаще всего — часть тела человека:

(16) *Он раскутал ноги и, опираясь на палку, вошел в комнату* [А. Виноградов, 1932].

(17) *Наконец он очутился в каком-то подземелье. Тут ему голову раскутали* [А.И. Красницкий, 1902].

В примере (17) *раскутать* подчиняет себе две словоформы: *ему* обозначает Пациенса, а *голову* — часть Пациенса. Иначе говоря, происходит расщепление валентности Пациенса на часть и целое.

Такую особенность синтаксического поведения демонстрирует не только ликвидатив *раскутать*, но и, например, ликвидатив *размотать*.

7. Ликвидатив *размотать*. В современном языке он может присоединять зависимые со значением Оболочки и Пациенса, однако не одновременно. Две модели управления глагола *размотать* представлены в табл. 9 и 10.

Таблица 9

Модель управления-1 глагола *размотать*

1. X = Агнс	2. Z = Оболочка	3. Y = Пацинс
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(18) *Высотин размотал портянки и остался на нарах* [В. Астафьев, 2015].

Таблица 10

Модель управления-2 глагола *размотать*

1. X = Агнс	2. Y = Пацинс	3. Z = Оболочка
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(19) *Когда утром я размотал руку, то увидел три чуть заметных полосы поперек ладони* [В. Левенталь, 2012].

Отметим, что, в отличие от других рассмотренных ликвидативов этой группы, *размотать* чаще реализует валентность Оболочки, чем валентность Пациенса. Эта синтаксическая особенность обусловлена семантическим устройством данного глагола. В качестве толкования основного интересующего нас значения МАС приводит такое: ‘развить, раскрутить что-л. намотанное, смотанное’, а в качестве оттенка значения — ‘освободить от того, чем замотано’.

Синтаксическое поведение ликвидатива *размотать* в ближайшей диахронии несколько отличается от современного. Контексты (20)–(24) демонстрируют, что *размотать* мог реализовать валентности Пациенса и Оболочки одновременно:

(20) *Господин скинул с себя картуз и размотал с шеи шерстяную, радужных цветов косынку* [Н.В. Гоголь, 1842];

(21) *Он размотал с шеи вязанный шарф* [А.К. Шеллер-Михайлов, 1868];

(22) *Он размотал тряпки на своих ступнях* [Г.П. Данилевский, 1885];

(23) *Пахом совал ему в нос табак, тертый чемеричный корень или, размотав оборку на ноге и привязав ее концом к столу, орал над ухом* [И.Е. Вольнов, 1912];

(24) — *Прямо несчастье с ними, — продолжала старушка, размотав с головы платок* [Пантелеймон Романов, 1920].

Как показывают примеры (20)–(24), валентность Пациенса у *размотать* могла быть реализована двумя разными способами: предложно-падежной группой *с* + родительный падеж или предложно-падежной группой *на* + предложный падеж.

Нужно отметить, что подобные контексты — с одновременным выражением Пациенса и Оболочки — обнаруживаются и в синхронии:

(25) — *Алла размотала с шеи шарф: ей стало жарко* [А. Беляков, 1998];

(26) *Соседские девчонки, прибегая поиграть, обряжали ее царицей, навешивали на нее полотенце, сухой травы, цепляли ей ее медали, надевали, размотав платки с маслянистой, как чеснок, облысевшей головки, картонный кокошник* [О. Славникова, 1995–1999].

На наш взгляд, подобное употребление глагола *размотать* дает не вполне стилистически нейтральные контексты — скорее, разговорные и, возможно, не вполне нормативные.

8. Ликвидатив *разуть*. Перейдем, наконец, к анализу ликвидатива *разуть*.

В современном языке *разуть* не способен реализовать валентность Оболочки, то есть синтаксически подчинить себе слово со

значением снимаемой обуви. Единственный способ реализации валентностей этого глагола представлен в табл. 11.

Таблица 11

Модель управления глагола *разуть*

1. X = Агенс	2. Y = Пациенс	3. Z = Оболочка
1. S _{им}	1. S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

(27) *Тебя бабушка разует, киселя даст* [В. Белов, 1968].

Синтаксическое поведение глагола *разуть* в ближайшей диахронии отличается от современного.

Во-первых, в панхроническом подкорпусе НКРЯ обнаруживается относительно немало контекстов конца XVIII–XIX веков, в которых *разуть* присоединяет слово *нога*, то есть Пациенс оказывается назван по своей части:

(28) *Каинъ прежде встѣхъ влѣзъ на окно, и стѣвши на ономъ, разуль свои ноги* [М. Комаров, 1779];

(29) *Одну ножку разула — Васильюшкой назвала, а другую-то разула — Борисычем* [П.И. Мельников-Печерский, 1871–1874].

Во-вторых, попадают контексты, в которых Пациенс оказывается расщеплен на часть и целое:

(30) *Один из сторожей выворотил карманы арестанта и приказал разуть ему ноги* [В.В. Крестовский, 1864];

(31) *Сядьте на кроватку, я вам разую ножки* [А.Н. Анненская, 1881].

В примере (30) Пациенс назван словоформой *ему*, его часть — словоформой *ноги*; в примере (31) Пациенс обозначен словоформой *вам*, его часть — словоформой *ножки*.

В-третьих, материалы НКРЯ показывают, что в XIX и XX вв. ликвидатив *разуть* реализовывал валентность Оболочки:

(32) *Она молча сняла зипун, разула лапти* [И.Е. Вольнов, 1912];

(33) *Отец разул один стоптанный грязный сапог* [А. Веселый, 1921].

В-четвертых, глагол *разуть* был способен реализовывать валентности Пациенса и Оболочки одновременно, причем валентность Пациенса — разными способами:

(34) *И сапожки-то не разуть ли с вас?* [А.И. Эртель, 1889];

(35) *Анена разула лапти мужу* [К. Петров-Водкин, 1930].

В контексте (34) валентность Пациенса реализована предложно-падежной формой *с вас*, в контексте (35) — формой дательного падежа *мужу*.

Таким образом, глагол *разуть* в конце XVIII, на протяжении XIX и XX вв. синтаксически был способен подчинить зависимые, соответствующие всем его семантическим валентностям, причем разными способами, в том числе одновременно.

Среди современных примеров употребления этого глагола тоже обнаруживаются такие, в которых он реализует валентность Обо-
лочка:

(36) — *Есть возвратить самому!* — повторил я и обернулся к око-
ну: — *Разуть валенки-и!* [К. Воробьев, 1962];

(37) *Только я один сапог разул, моя говорит: «Кузя, Кузя, мне надо в женсовет, у нас бубновское движенье»* [В. Белов, 1969];

(38) *Сонька туфли разула* [С. Довлатов, 1984].

Однако подобные употребления кажутся разговорными или даже просторечными, нарушающими литературную норму. Интересное подтверждение этого содержится в книге К.И. Чуковского «Живой как жизнь. О русском языке»: «Руки опускаются, — пишет мне сельская учительница Ф.А. Шарabanова. — Как ни толкую ребятам, что нельзя говорить *сколько время, моё фамилие, десять курей, он пришел со школы, я раздел сапоги*, они упорно не желают расстаться с этими ужасными словами. Неужели не существует каких-нибудь способов сделать речь молодого поколения культурной?» [Чуковский 2022: 247]. Безусловно, здесь вместо глагола *раздел* можно мыслить ликвидатив *разул*: *разул сапоги* звучит ничуть не лучше, чем *раздел сапоги*.

Таким образом, сочетаемость по валентностям глагола *разуть* значительно изменилась за последние 150–200 лет. В XXI в. реализация у него валентности Оболочки невозможна с точки зрения норм литературного языка.

9. Выводы. Итак, рассмотрение ликвидативов со значением ‘освободить от оболочки’ в синхронии и ближайшей диахронии позволяет выявить изменения в их синтаксическом поведении, связанном с реализацией валентностей.

Только у одного из рассмотренных глаголов — у глагола *раздеть* — не было обнаружено изменений в синтаксическом поведении: на протяжении последних 200–250 лет он обладает невыразимой валентностью Оболочки (**раздеть платье, *раздеть от платья*).

Три других ликвидатива — *распеленать, раскутать, размотать* — в современном русском языке способны реализовать валентности Пациенса и Оболочки в двух разных моделях управления (правда, у *раскутать* реализация валентности Оболочки возможна

только в разговорной речи, а нормативность контекстов с *распеленать*, в которых реализована эта валентность, вызывает сомнения). В то время как в ближайшей диахронии эти глаголы, за исключением *раскутать*, были способны реализовывать все свои валентности одновременно.

Больше всего различий обнаружено в синтаксическом поведении глагола *разуть*. В современном литературном языке он не способен реализовать валентность Оболочки: **разуть сапоги*. Обращение к текстам XIX и XX вв. показало, что все свои валентности ликвидатив *разуть* реализовывал, в том числе и в одном контексте сразу.

В целом же представляется, что синтаксическое поведение ликвидативов в ближайшей диахронии было более «разнообразным», пестрым, индивидуальным. В современном языке оно как бы выравнивается: у многих ликвидативов валентности реализуются не одновременно, а в двух разных моделях управления, при этом зачастую одна из моделей управления попадает под запрет литературной нормы, является стилистически отмеченной.

Такое синтаксическое поведение глаголов, отражающееся в словосочетаниях с ними, является продолжением той тенденции, о которой писали в предисловии авторы одной из монографий пятидесятника. По их мнению, на протяжении XIX в. интенсивно протекал «процесс унификации организуемых категориально различными словами моделей под влиянием словообразовательных и семантических связей стержневых компонентов» [Изменения в словосочетании 1964: 12]. Иными словами, словосочетания со стержневыми словами, сходными словообразовательно или семантически, начинали организовываться единообразно, даже если эти слова принадлежали разным частям речи.

Кроме того, «не менее важные и, может быть, более глубинные изменения происходили под влиянием связей семантических: словосочетания со стержневым словом, относящимся к той или иной семантической группе, в своем втором компоненте «подравнивались» к моделям других типов, организуемым словами других категорий, но тех же семантических рядов» [Изменения в словосочетании 1964: 12].

Иными словами, авторы монографий под ред. В.В. Виноградова уже 60 лет назад говорили о связи синтаксиса с семантикой, об их взаимовлиянии и взаимодействии. Эти идеи подтверждает рассмотренный в данной статье материал. Они звучат очень современно, пересекаясь с теоретическими воззрениями Московской семантической школы, представители которой считают, что слова одной семантической группы обладают сходным синтаксическим поведением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика. М., 1995.
2. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
3. Изменения в системе простого и осложненного предложения. Под ред. В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой. М., 1964.
4. Изменения в системе словосочетаний. Под ред. В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой. М., 1964.
5. Кузнецова Ю.Л., Рахилина Е.В. Депиктивы оказались удивительными // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2. С. 180–219.
6. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
7. Падучева Е.В. Из наблюдений над языком Л. Толстого (к вопросу о малых диахронических сдвигах) // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 49–63.
8. Рахилина Е.В. Говорю я, Карл // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог'2017». Вып. 16 (23). С. 361–369.
9. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
10. Чуковский К.И. Живой как жизнь. О русском языке. М., 2022.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.06.24).

REFERENCES

1. Apresian Ju.D. *Izbrannnye trudy, tom I. Leksicheskaja semantika* [Selected works. V. I. Lexical semantics]. Moscow, *Vostochnaja literatura RAN Publ.*, 1995. 472 p. (In Russ.)
2. Borkovskii V.I., Kuznetsov P.S. *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1965. 554 p. (In Russ.)
3. *Izmenenija v sisteme prostogo i oslozhnennogo predlozhenija* [Changes in the system of simple and complicated sentences]. Ed. V.V. Vinogradov, N.Ju. Shvedova. Moscow, *Nauka Publ.*, 1964. 503 p. (In Russ.).
4. *Izmenenija v sisteme slovosocetaniij* [Changes in the system of phrases]. Ed. V.V. Vinogradov, N.Ju. Shvedova. Moscow, *Nauka Publ.*, 1964. 304 p. (In Russ.).
5. Kuznecova Ju.L., Rahilina E.V. *Depiktivy okazalis' udivitel'nyymi* [The depictives turned out to be amazing]. ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN. Saint Petersburg, *Nauka Publ.*, 2014. 776 p. (In Russ.)
6. Paducheva E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexic]. Moscow, *Jazyki slavjanskikh kul'tur Publ.*, 2004. 608 p. (In Russ.)
7. Paducheva E.V. *Iz nabljudenij nad jazykom L. Tolstogo (k voprosu o malyh diahronicheskikh sdvigah)* [From observations on the language of L. Tolstoy (on the issue of small diachronic shifts)]. *Voprosy jazykoznanija*, 2018, №5, pp. 49–63 (In Russ.)
8. Rahilina E.V. *Govorju ja, Karl* [I say, Carl]. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Po materialam mezhdunarodnoj konferencii «Dialog'2017»*. No. 16 (23). Moscow, *Russian State Univ. for the Humanities*, 2017, pp. 361–369.

9. *Slovar' russkogo jazyka: V 4 t.* [Dictionary of Russian language. In 4 vols.]. AN SSSR, In-t russkogo jazyka, ed. A.P. Evgen'eva. Moscow, *Russkij jazyk Publ.*, 1981–1984. (In Russ.).
10. Chukovskij K.I. *Zhivoj kak zhizn'. O russkom jazyke* [Alive as life. About the Russian language]. Moscow, *AST Publ.*, 2022, 320 p.

Поступила в редакцию 07.08.2024

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 30.04.2025

Received 07.08.2024

Accepted 22.04.2025

Revised 30.04.2025

ОБ АВТОРЕ

Мухачёва Ирина Валерьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка МГУ имени М.В. Ломоносова; imukhachyova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Muhachjova — PhD, Senior Teacher, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; imukhachyova@yandex.ru

ИХНИЙ, ТОЛИКА И РЫБОВА, ИЛИ ЧТО ДАЮТ МИКРО- И НАНОДИАХРОНИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ¹

Е.Р. Добрушина

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ),
Москва, Россия; edobrush@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена диахроническим методам исследования современного русского языка, которые автор предлагает разделить на традиционную макродиахронию, оперирующую веками и даже большими интервалами, микродиахронию, исследующую изменения на протяжении интервалов от 5 до 50 лет, и нанодиахронию, анализирующую языковые события, происходящие за год или даже месяц. С позиций диахронического подхода становится ясна значимость фиксации современных исследователю языковых явлений, при которой, помимо корпусной статистики, важны методы интервьюирования и анкетирования.

Автор выделяет этапы микродиахронии русского языка, связанные с экстралингвистическими факторами. Они условны, особенно их датировка, и все же представление о таком делении полезно при различных исследованиях, особенно связанных с литературной нормой. Удобен оказался вариант разбиения XVIII–XXI веков на шесть этапов: (1) с конца XVII века по 1765 год — этап зафиксирован в первой системной кодифицирующей грамматике М.В. Ломоносова; (2) с 1766 года по 1859 год — этап носителей дворянской культуры, чья речь подвержена влиянию французского; (3) с 1860 года по 1916 год — этап формирования разночинской культуры, одновременно и наследующей дворянскую и отталкивающейся от нее; (4) с 1917 года по 1991 год — этап советской нормативизирующей традиции; (5) с 1992 года по 2015 год — этап частичного высвобождения речи из-под давления кодификации и формирования «устно-письменного» языка Рунета; (6) с 2016 года по настоящее время — этап приспособления речи к реализации ее значимой части через цифровые технологии.

Далее в качестве иллюстрации анализируется диахрония трех явлений. Во-первых, попытка местоимения *ихний* войти в русский язык, закончившаяся тем, что оно стало общепринятым маркером просторечия и одновременно развило относительные значения «иностраннный», «чужой», постепенно становящиеся нормативными. Во-вторых, описание истории слова *толика*, высвободившегося из фразеологизма, приобретшего кванторное значение «малая доля», а далее теряющего количественную определенность и движущуюся

¹ Автор выражает благодарность анонимным рецензентам, советы которых помогли улучшить статью.

щегося в направлении значения «доля», «часть». Наконец, демонстрируя работу нанодиахронических методов, автор описывает появление в речи Рунета последних двух лет слова *рыбова*, родившегося на основе языковой игры с падежным окончанием *-ов* и заполнившего некоторую семантическую лакуну.

Ключевые слова: современный русский язык; фиксация языковых единиц; «портретирование» языковых единиц; микродиахрония; нанодиахрония; корпусные методы; устно-письменный язык Рунета; грамматическая норма; падежная вариативность

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-12

Для цитирования: Добрушина Е.Р. Ихний, толика и рыбова, или Что дают макро- и нанодиахронические методы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 134–147.

IKHNII, TOLIKA AND RYBOVA, OR WHAT MICRO- AND NANODIACHRONIC METHODS GIVE US

E.R. Dobrushina

*St. Tikhon's Orthodox University of the Humanities, Moscow, Russia;
edobrush@gmail.com*

Abstract: The article is devoted to diachronic methods of research in the contemporary Russian language which the author offers to divide into traditional macrodiachrony that deals with centuries and long periods of time; microdiachrony that investigates changes over periods of time from 5 to 50 years; and nanodiachrony that analyses linguistic phenomena appearing during a year or even a month. From the standpoint of the diachronic approach, the significance of fixing linguistic phenomena, contemporary to the researcher, becomes clear, while, in addition to corpus-based statistics, interviewing and questioning methods are important.

The author identifies the stages of microdiachrony in the Russian language which are related to extra-linguistic factors. They are conventional, especially their dating, and yet the idea of such division is useful in various studies, particularly related to literary standard. It was convenient to divide the 18th–21st centuries into six stages: (1) from the end of the 18th century to 1765 — the stage fixed in the first systemic codifying grammar of M.V. Lomonosov; (2) from 1766 to 1859 — the stage of aristocratic culture bearers whose speech is influenced by the French language; (3) from 1860 to 1916 — the stage of formation of *raznochintsi* culture, both inheriting the nobility culture and repelling from it; (4) from 1917 to 1991 — the stage of the Soviet standardizing tradition; (5) from 1992 to 2015 — the stage of partial release of speech from the pressure of codification and the formation of the “spoken-written” language of the Runet; (6) from 2016 to the present day — the stage of adaptation of speech to realization of its meaningful part through digital technologies.

Then the author analyses the diachrony of three phenomena to illustrate these ideas. Firstly, it is an attempt of the pronoun *ikhonii* to enter the Russian language

which ended up with it becoming a marker of substandard speech and at the same time developing the relative meanings “foreign” and “alien”, which gradually became normative. Secondly, it is a description of the history of the word *tolika*, released from the phraseology and used as a quantifier with the meaning of “small fraction”, and further loosing quantitative definiteness and moving towards the meaning of “fraction”, “part”. Finally, in order to demonstrate the work of nanodiachronic methods, the author describes the word *rybova* which emerged in the speech of the Runet in the last two years as a result of a language game with the case ending *-ov* and filled up certain semantic lacuna.

Keywords: contemporary Russian language; fixing of linguistic units; “portraying” of linguistic units; microdiachrony; nanodiachrony; corpus-based methods; “spoken-written” Russian of the Runet; grammatical norm; variation of cases

For citation: Dobrushina E.R. (2025) *Ikhonii, Tolika and Rybova, or What Micro- and Nanodiachronic Methods Give Us. Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 134–147.

1. Методы портретирования языковых единиц: фиксация и диахрония

Любая языковая единица, будь то морфема, лексема, синтаксическая конструкция, дискурсивная формула или прецедентное высказывание, заслуживает детального описания. Это стало гораздо более реально с появлением корпусной лингвистики, позволяющей, с одной стороны, опираться на обширный языковой материал и статистику, и, с другой — отыскивать редкие, окказиональные употребления, что в равной степени ценно для теоретических выводов.

Отмечу сразу, что на данный момент для описания многих явлений русского языка не хватает использования одного Национального корпуса. При исследовании языка XXI века нужны, как минимум, данные Генерального Интернет-корпуса (ГИКРЯ) и «Яндекса» как «естественного» корпуса, см. [Борзенко 2024]. Также основополагающим инструментом современной лингвистики оказываются лингвистические ресурсы, специализированные под определенные задачи²: «Создание корпусов, словарных баз, динамических карт и подготовка данных для таких ресурсов уже превратились в будничную практику лингвистической работы» [Бажуков, Рахилина 2024: 24].

«Портретирование» языкового явления предполагает совмещение двух подходов. Во-первых, это «фиксация», то есть анализ положе-

² Весьма значимый для русистики образчик такого инструмента — «Диахроникон», ориентированный на диахроническое описание конструкций русского языка; его общей характеристике и описанию на его базе конкретных единиц посвящены статьи журнала «Русский язык в научном освящении» 2024 года, № 2.

ния единицы в языке на данный момент: надо разобраться в системе значений, сочетаемостных и синтаксических свойствах, определить нормативно-стилистический статус. Возникшие в последние три десятилетия корпусные методы позволили увидеть, какую именно информацию невозможно извлечь из текстовых данных, для какого анализа важны свидетельства современников. Труднее всего разобраться в нормативном статусе единицы, в восприятии ее стилистики. Например, на основе корпусного анализа видно, что в третьей четверти XX века форма *ихний*, которая категорически отрицается советской кодификацией, активно используется в авторской письменной речи таких писателей, как Л.Н. Андреев, В.Ф. Ходасевич, К.И. Чуковский, А.П. Платонов, Вс. В. Иванов, Ю.М. Даниэль (см. [Добрушина 2013]), но разобраться, чем была для писателей форма — естественной, нормативной во всех контекстах, или маркирующей разговорную речь, или осознанно противопоставляемой официальному запрету, — сейчас почти невозможно. Таким образом, вопросы, связанные с восприятием единицы носителями языка с разными возрастными и социальными свойствами, следует отслеживать на современном этапе ее существования, и здесь оказываются значимы такие методы, как анкетирование и интервьюирование.

Во-вторых, портретирование языковой единицы предполагает ее диахронический анализ. Диахронические методы можно разделить на три типа: традиционную макродиахронию, оперирующую веками и даже более длительными интервалами; микродиахронию, исследующую изменения, происходящие на протяжении временных промежутков от 5 до 50 лет; и нанодиахронию, анализирующую языковые события, происходящие за год или даже месяц. Термин «нанодиахрония» введен в [Борзенко, Добрушина 2022: 84]; в данной статье возможности этого метода будут показаны на основе истории неологизма *рыбова*. При изучении современного языка макродиахрония может быть представлена этимологической справкой, нанодиахроония нужна, если речь идет о совсем недавно возникшем или трансформировавшемся явлении, а микродиахрония выходит на первый план.

2. Значимость прецедентных текстов

Разумеется, у каждого языкового явления собственные этапы формирования свойств. В том числе потому, что значима роль прецедентных факторов, в первую очередь — для лексики. Корпусный микродиахронический анализ показывает, что рождение, вхождение неологизмов в узус и приобретение популярности часто связаны с прецедентным текстом, который цитируется современниками, позже забывается, но цитата успевает превратиться в слово, фразе-

ологизм или конструкцию. Корпусное исследование нередко позволяет определить прецедентный текст для конкретной единицы. Приведу несколько примеров. При исследовании сочетания *малая толика* была обнаружена практически неизвестная сейчас басня И.И. Дмитриева, строчка из которой «*Индеек... малую толику*» в 1805 году сыграла решающую роль во вхождении слова *толика* в русский язык [Добрушина 22: 287–293]. Датой рождения наречного выражения *постольку-поскольку* можно считать 2 марта 2017 года, когда с трибуны прозвучала формулировка из политической речи революционера Юрия Стеклова [Добрушина 22: 294–297]. Для краткосрочной истории слова *децл* ключевым стал период 1999–2002, когда рэп-исполнитель Толмацкий использовал его как псевдоним [Добрушина 22: 283–286]. Пик употребления неологизма *абьюз* приходится на 2019 год, когда появилась песня Земфиры Рамазановой³ с таким названием и рефреном. Удивительное слово *рыбова* появилось благодаря совершенно определенному интернет-мему.

3. Вариант обобщенной микродиахронической периодизации

Синдивидуальными, непредсказуемыми историями каждой отдельной единицы соотносится возможность некоторого обобщения. После проведенного в [Добрушина 2022] микродиахронического анализа разнотипных явлений представляется удобным разделить русский язык XVIII–XXI веков на этапы, связанные с экстралингвистическими факторами. Предлагаемые этапы — созданная в методических целях научная абстракция, их названия скорее символичны, чем точны, а предлагаемые временные границы условны, тем не менее эта схема в некоторых случаях оказывается рабочей. Опора на эти этапы помогает обобщенному, системному взгляду на микродиахронические трансформации, особенно когда вариативность связана с кодификацией. Так, в соответствии с этими этапами оказалось удобно анализировать форму *ихний* [Добрушина 2014] и абсолютивный деепричастный оборот [Добрушина 2020]. Здесь будет предложен несколько иной, более подробный вариант, чем в [Добрушина 2022], с еще более символическими датами. (1765 год — год смерти Ломоносова; 1860 год — год рождения Чехова; 2016 — год, с которого, на основе моих наблюдений над особенностями молодежной речи, поколение «зумеров» меняется на поколение «альфа»⁴).

³ Внесена Минюстом РФ в реестр иноагентов.

⁴ При изучении жаргонных неологизмов и других узуальных особенностей современной речи, например абсолютивного деепричастия, оказывается удобно делить носителей языка на поколения. Разумеется, с точки зрения годов рождения представителей поколений это деление совершенно условно. Выделяя поколения «миллениалов» (1982–2000) и «зумеров» (2001 г. и позднее), я использую тер-

Итак, вариант микродиахронической социокультурной периодизации русского языка:

I. Ломоносовский этап — с конца XVII века по 1765 год: зафиксирован в первой системной кодифицирующей грамматике — грамматике М.В. Ломоносова.

II. Классический этап — с 1766 года по 1860 год: авторами большей части корпусно исследуемых текстов оказываются носители языка дворянской культуры, чья речь подвержена влиянию французского и языка классиков, начиная с Фонвизина и Пушкина и заканчивая Тургеневым.

III. Чеховский этап — с 1860 года по 1916 год: формирование разнотчинской культуры, одновременно и наследующей дворянскую культуру, и отталкивающейся от нее.

IV. Советский этап — с 1917 года по 1991 год: значимое влияние на язык тщательно корректируемых и редактируемых письменных текстов советской нормативизирующей традиции.

V. Этап ранней цифровой коммуникации — с 1992 года по 2015 год: частичное высвобождение письменной речи от давления кодификации и формирование «устно-письменного» языка Рунета и мессенджеров.

VI. Этап, сформированный цифровой коммуникацией, — с 2016 года по настоящее время: сформировано приспособление речевой коммуникации к реализации ее значимой части через цифровые технологии⁵. Для младших поколений зрительное восприятие текста, в том числе художественного, сменяется на аудиальное. Один из факторов, заметно влияющий на осознание требований кодификации, — ЕГЭ, который, будучи введен в 2009 году, примерно к началу рассматриваемого этапа, когда школа и репетиторы научились к нему готовить, стал для носителей языка весьма значимым источником информации о норме, в отличие от советского этапа, когда таковым было чтение⁶.

мины и даты, которые предлагает автор социологического исследования о современных поколениях в России [Радаев 2023: 49]. Выделяя поколение «альфа» (2016 г. и позднее), приходится опереться на собственные наблюдения над речью школьников, так как В.В. Радаев младшее поколение не обсуждает.

⁵ По [Радаев 2023: 49], 2017 год — условный рубеж начала «взросления» младшего поколения, то есть примерно с этого момента речь интернета начинает подвергаться сильному влиянию «зумеров», конкурирующему с влиянием «миллениалов». Особый статус для речи Рунета 2015–2017 годов прослеживается при корпусных исследованиях сленговых единиц, например лексемы «ЧСВ» [Борзенко, Добрушина 2026].

⁶ Наблюдение о значимости ЕГЭ для формирования представлений о норме опирается на проводимые студентами и преподавателями кафедры славянской филологии ПСТГУ пока не опубликованные исследования, включающие анкетирование представителей разных поколений. В частности, диплом 2023 года

4. Микродиахрония формы ихний, или Сопротивление узуса запрету кодификации

В [Добрушина 2013] анализируются причины, с одной стороны, системных потребностей языка в склоняемом притяжательном местоимении *ихний*, с другой стороны, сопротивления литературной нормы его существованию и описана диахрония формы до начала 10-х годов XXI века. Здесь история *ихний* будет кратко охарактеризована на фоне предлагаемой общей периодизации, а для современного периода, не рассмотренного в статье десятилетней давности, будет предложена более подробная информация в качестве фиксации имеющегося положения.

1. Классический этап — с 1766 года по 1860 год (дворянская культура)

Форма *ихний* появляется в языке художественных произведений как характеристика «деревенской» речи, являясь анаколуфом, то есть художественным приемом — осознаваемой автором нелитературной формой, нужной для характеристики персонажа. До этого форма существует в диалектах и просторечье, а в литературном языке не встречается.

2. Чеховский этап — с 1860 года по 1916 год (культура разночинцев)

Во второй половине XIX века происходит «мягкое» вхождение формы *ихний* в речь некоторых образованных людей, и, возможно, они готовы принять ее как допустимую, во всяком случае в переносном относительном значении. Так, Достоевский более 50 раз использует эту форму: и притяжательную в качестве анаколуфа, и в собственных авторских текстах, например в «Дневнике писателя», причем всегда с оттенком относительного значения («чужие», «западные») и никогда в чисто притяжательном значении.

(1) И куда девалась тогда вся **ихняя** цивилизация: бросилась самая ученая и просвещенная из всех наций на другую, столь же ученую и просвещенную, и, воспользовавшись случаем, загрызла ее как дикий зверь...

[НКРЯ-О⁷. Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II-й (1877)]

А.И. Астраханцевой под руководством А.П. Вальсовой «Границы нормы и узуса в конструкциях с абсолютным деепричастием с точки зрения носителей языка» показал, что абсолютный деепричастный оборот заметно чаще воспринимается как ненормативный информантами, готовящимися сдавать ЕГЭ или сдававшими его; те и из младших и из старших, кто «не прошел» через ЕГЭ, легче создают и принимают абсолютные конструкции.

⁷ Здесь и далее в ссылках на примеры НКРЯ-О — Основной корпус НКРЯ, НКРЯ-СС — Корпус социальных сетей НКРЯ, НКРЯ-ЦС — Корпус центральных СМИ, НКРЯ-П — Поэтический корпус.

3. Ранний советский этап — с 1917 года по 1982 год (влияние нормативизации)

Форма трактуется как просторечная в научно-справочной литературе, что, возможно, не соответствует языковой интуиции многих носителей литературного языка. Так, К. Чуковский включает в словарь ошибочных форм при книге «Живой как жизнь» *евойный*, но не включает *ихний* и сам использует эту форму, даже не в относительном значении:

(2) ...ничего другого специально о стихах Вознесенского я сказать не могу: если мне и нравится **ихняя** содержательность, а порою и форма, то есть целый ряд всяких «но»... [НКРЯ-О. К.И. Чуковский. Леонид Андреев (1919–1958)]

4. Поздний советский этап — с 1983 года по 1991 год (норма сформирована)

Запрещающая норма принята носителями литературного языка, и форма превращается в один из самых известных маркеров «некультурной» речи. Фактически с того момента и до сих пор существуют три основных для нефилологов (например, популярных у писателей как речевая характеристика) признака просторечия: *ихний*, ударение в *звонить* и *ложить*.

5. Ранний цифровой этап — с 1992 года по 2015 год (высвобождение речи и формирование «устно-письменного» языка Рунета)

Форма остается в списках признанных маркеров плохой речи, но норма-интуиция снова расшатывается, по крайней мере для неприятного, относительного значения — «иностранный», «чужой».

6. Сформированный цифровой этап — условно с 2016 года

В настоящее время слово реже появляется в устных и устно-письменных текстах как ошибочное, но чаще появляется в относительном значении. Видимо, устоялась и стала общеизвестной норма и одновременно укрепились относительные значения.

Сейчас слово частотно в значении «иностранный» в контексте противопоставления:

(3) Народные хлебопекарни, сеть быстрого питания «Русские блины». Дескать, заткнем за пояс все **ихние** «Макдоналдсы» [НКРЯ-О. О.А. Славникова. 2017 (2017)]

(4) Ты не восхищайся разницей в зарплатах, ты доведи расчет до конца. Сколько тестов на коронавирус может позволить себе **ихний** дворник? Один. А сколько наш? 10. [НКРЯ-СС. У нас и у них (2019–2021)]

В следующем примере характерно, что респондент переключается с формы *ихний* на *их*, когда значение становится скорее притяжательным, когда уходит оттенок «неотечественное»:

(5) Да и вообще вся наша цивилизация по сравнению с **ихней** окажется таким убогим грязным термитником, что нам станет стыдно в глаза друг

другу смотреть, и мы сами... под **их** ярмо... [НКРЯ-ЦС. Сергей Шикера. Выбор натуры // «Волга», 2014]

Итак, для истории формы *ихний* наиболее значимыми оказываются отношения с этапом советской нормативизации, и она удачно описывается через предложенные выше общие этапы.

5. Микродиахрония фразеологизма *малая толика*, или Превращение малого в безразмерное

Фразеологизму *малая толика* посвящена небольшая статья в «Истории слов» В.В. Виноградова, а процесс высвобождения из него существительного *толика* отчасти описан в [Добрушина 2022: 287–293], подробнее в [Добрушина, Царева, Охапкина 2018]⁸. Здесь же рассмотрим микродиахронию слова, которое, будучи не связано с проблемой нормы, не соответствует выделенным этапам, но имеет многочисленные трансформации с размытыми границами.

1. *С начала русской письменности до середины XIX века* существовало церковнославянское местоименное прилагательное *толикий*, часто, наподобие современному *такой*, использовавшееся как подчеркивающее заметное количество:

2. *В XVI(?)–XVIII веках* в канцелярите возникло сращение *малую толику*, о чем кратко пишет В.В. Виноградов: «Таким образом, выражение *малая толика* является устно-бытовым видоизменением церковно-книжной и канцелярской формулы *мало толико*. Сложилось это выражение в среде духовенства и малого чиновничества. В литературный обиход оно вошло гораздо ранее XVIII в.» [Виноградов 1994].

(6) Цыфиркин. Да кое-как, ваше благородие! **Малу толику** арифметике маракую, так питаюсь в городе около приказных служителей у счётных дел. [НКРЯ-О. Д.И. Фонвизин. Недоросль (1782)]

3. **1805–1830 гг.** Фразеологизм закрепился в сочетании *индеек малую толИку* (ударение на второй слог, используется в фиксированном падеже) благодаря басне Дмитриева 1805 года, в которой лицемерная лиса-проповедник, учащая бескорыстия, после признания своих заслуг попросила себе материальную награду, при этом на языке канцелярита. Сначала фразеологизм имел значение «притворно незначительная выгода», затем быстро приобрел значение «взятка».

⁸ Соотношению единиц *толико* и *только* в древнерусском языке на основе данных НКРЯ посвящена статья Е.А. Колобродовой, в которой показано, что современное *только* происходит из количественного местоименного наречия. Сращение *мало толико*, породившее существительное *толика*, в статье не рассматривается; этот вывод В.В. Виноградова на данный момент не прослеживается по корпусным данным.

(7) Между тем он рос, рос и переходил из класса в класс, иногда по старшинству, иногда для комплекта. А иногда Кто без греха? и потому, что содержатель получал от его матушки накануне экзамена *индеек малую толику*. [НКРЯ-О. М.П. Погодин. Невеста на ярмарке (1827–1832)]

4. 1830–1916 гг. Компонент *индеек* потерялся, осталось *малую толику*; басня и конкретное значение забыты: появилась вариативность прилагательного (*маленькую, некоторую*), появились другие падежи, значение стало абстрактным — малое количество.

5. Условно с 1917 г. Значение конструкции передалось существительному, оно высвободилось из идиомы, стали возможны все падежи; прилагательное перестало быть обязательным; из-за ассоциаций с частицей *только* сместилось ударение. Первый пример с очевидно смещенным ударением найден у Маяковского в 1929 году. Далее и до сих пор ударение колеблется, но новый вариант более частотен, чем первоначальный:

- (8) Пребыва́я в тумáнной че́рности,
Обраща́юсь с мо́льбой к исто́рику —
От вели́кой своёй учёности
Удели́ мне хотя́ бы *то́лику*!
[НКРЯ-П. А.А. Галич. Без названия: «Вот пришли и ко мне седины...» (1967)]

6. Условно с 1960 г. Ненормативно, но очень широко существительное *толика* используется как самостоятельный квантор малого количества типа *капелька*. В XXI веке 50 % употреблений без прилагательного.

- (9) Отхватить *толику* сна, раздобыть себе еды — хоть раз на дню... [НКРЯ-О. Георгий Владимов. Верный Руслан (1963-1965)[1974]]

- (10) ...сунули в руки пузатую фаянсовую чашку крепкого чая с *толикой* лимонного ликера — от простуды. [НКРЯ-О. Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]

7. Условно с 2010 г. Активно начало приобретать значение «часть» с потерей семантического компонента «малый». Теперь может употребляться с прилагательными *значительный, большой* и др. Примеры с такими прилагательными встречаются с середины XX века, но частотными становятся лишь 15 лет назад.

- (11) В неделю два местных тигра съедают 100 кило мяса. При этом *большая толика* идет Жорику — его растущему организму требуется больше питания. [НКРЯ-ЦС. Инна КУМЕЙКО. На Дальнем Востоке Жорик страдает от голода // «Комсомольская правда», 11.02.2011]

Таким образом, для истории рождения слова *толика* со значением «часть» и ударением на первом слоге не нужны обобщенные этапы, потому что слово не попадает под давление не заметившей его изменений нормы. История слова определяется потерей связи

с церковнославянским языком и прецедентным текстом Дмитриева и образованием связи с современной частицей *только*.

6. Диахрония слова *рыбова*, или Превращение окончания в суффикс

В [Борзенко, Добрушина 2022] рассказана нанодиахроническая история возникновения популярной языковой игры с окончанием *-ов*, родившейся летом 2021 года на основе прецедентного текста. Здесь речь пойдет о следующем шаге — возникновении слова *рыбова*. Этот неологизм остается малоизвестным, неожиданным, поэтому стоит начать с примеров:

(12) Слава **рыбовам**! Ты не верил в **рыбовов**? **Рыбовы** тебя найдут **Рыбовы** всех найдут **Рыбовы** уже здесь. [Яндекс. Рекламный пост к самодельной игре. 2022]

(13) Вы уже видели какие прекрасные **рыбовы** будут на станции метро Нагатинский Затон? [Яндекс. Палата любителей рыбов. 27.10.2022]

(14) Пост: И снова **рыбовы**. Комментарий: Люблю **рыбовов**, очень красивые [Яндекс. ВКонтакте. 15.02.2023]

(15) А вот результат как охотится на **рыбовов** — это Оооооо! Это цапает за душу! [Яндекс. ВКонтакте. 15.09.2023]

История неологизма начинается с проблемы вариативности падежного окончания множественного числа *-ов* и требует обращения ко всем трем типам диахронического анализа:

1. Макродиахронический этап. Примерно в XII веке произошло соединение в одно двух склонений: на *о (столъ) и *ѣ (домъ), в результате появилась вариативность окончаний одной и той же формы: «*-ов* / нулевое». Окончание *-ов* на раннем этапе начало вытеснять нулевое.

2. Микродиахронический этап. К XX веку сохраняется вариативность для определенного набора семантических групп (единицы измерения, плоды, национальности, воинские объединения, парные предметы). Нулевое окончание — значимый символ разговорной речи.

3. Микродиахронический этап. В XXI веке сохраняется проблема выбора окончания для некоторых существительных мужского рода (*джинсы, шорты, баклажаны, партизаны* и др.). Даже в разговорных текстах нулевое окончание постепенно уступает литературному *-ов* [Савчук 2010].

4. Микродиахронический этап. До середины лета 2021 года женский род не вариативен, но изредка подвержен языковой игре — ср. *кошков* и *собаков* в шутилой устной речи Маяковского [Борзенко, Добрушина 2022: 84].

5. Нанодиахронический этап. В июле 2021 года публикуется ставший вирусным мем; в нем котик в диалоге с продавцом рыбы

произносят реплику *Вы рыбов продаете?*, в которой *рыбов* является анаколуфом, имитирующим «речь котиков» как сходную с детской. Мем порождает очень популярную в определенных группах Рунета языковую игру в неправильные окончания *-ов* (*сосисков, курочков, водичков, проблемов* и др.). Самая популярная форма — *рыбов*. Ее количество возрастает: от 1 в месяц до появления мема, к 22 формам — в июле, 70 — в августе и около 100 в месяц регулярно с мая 2022 года.

6. Нанодиахронический этап. С июля 2021 г. с ником в августе 2022 г. Появляется слово *рыбова*. До мема два употребления (2015 и 2018). После мема от 1 до 5 в месяц, а через год (в августе 2022 года) благодаря определенному сайту взлет частотности до 80 форм и далее в среднем около 10 в месяц до сих пор.

7. Нанодиахронический этап. В начале 2023 года появляется игровая падежная форма (*люблю*) *рыбовов* в которой удвоенное «*ов*» — суффикс, родившийся из игрового окончания, и игровое окончание. «Правильно» было бы *люблю рыбов* как *люблю коров*, но у игрового окончания есть преимущество — оно снимает омонимию (*люблю рыбов* — это форма и от *рыба* с игровым окончанием *-ов*, и от *рыбова* с нормативным нулевым окончанием) и вариативность ударения.

В неологизме *рыбова* суффикс *-ов*, будучи по происхождению игровым, неправильным падежным окончанием, выполняет две основные функции: во-первых, отправляет к определенному мему и тем самым к идее умиления перед детьми и животными, во-вторых, дает возможность именовать денотат без семантических элементов, навязанных словами *рыба* и *рыбка*. *Рыба* неудачна из-за связи с обозначением безликого множества, *рыбка* — из-за уменьшительности. Чудесный и великолепный друг или замечательный трофей — это *рыбова*, а не *рыба* или *рыбка*. Таким образом, неологизм заполняет языковую лауну, особенно значимую для профессионалов — любителей аквариумов и рыбалки; поэтому, предположительно, слово сохранится в языке — интересно будет проверить этот «прогноз» через несколько десятилетий.

* * *

На примере истории трех слов было показано, как работают диахронические методы для разнотипных единиц. Исследование конкретной единицы современного русского языка — это фиксация ее состояния в данный момент, требующая корпусных и социолингвистических исследований, микродиахронический взгляд на соотношение единицы с собственной предысторией на протяжении 200–300 лет, нанодиахронический анализ недавних изменений и иногда макродиахроническая справка о происхождении проблемного явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажуков М. О., Рахилина Е.В. База «Диахроникон»: история, задачи, структура // Русский язык в научном освещении. 2024. № 2. С. 11–30.
2. Борзенко Е.О. Методы корпусного анализа частотности и динамики языковых единиц в 2024 году // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2024. Вып. 80. С. 11–22.
3. Борзенко Е.О., Добрушина Е.Р. Языковая игра с падежным окончанием -ов или Как падонки сменились котиками // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 81–88.
4. Борзенко Е.О., Добрушина Е.Р. Биография лексемы ЧСВ // Вестник ПСТГУ. Серия III. Филология. 2026. В печати.
5. Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / Отв. Ред. Н.Ю. Шведова. М., 1994.
6. Добрушина Е.Р. Абсолютивные деепричастия: норма и узус, микродиахрония и современное положение // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2020. Вып. 63. С. 9–18.
7. Добрушина Е.Р. Корпусные методы как инструмент исследования микродиахронии русского языка XVIII–XXI веков: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2022.
8. Добрушина Е.Р. Между нормой-интуицией и нормой-кодификацией или Двести лет вместе с ихний // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 181–204.
9. Добрушина Е.Р., Царева М.С., Ахапкина Я.Э. Малая толика: от указательного местоимения к кванторному существительному // Пограничный русский язык. Как рождаются экспрессивные кванторные выражения?». СПб., 2019. С. 33–60.
10. Колобродова Е.А. Филиация значений слова *только/только* в древнерусском языке: местоименное наречие количества — фокусная частица — союз // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2025. № 1. С. 109–124.
11. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. М., 2023.
12. Савчук С.О. Опыт корпусного исследования морфологической вариативности: варианты родительного падежа множественного числа существительных мужского рода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог-2010», Бекасово, 26–30 мая 2010 года. Бекасово: Российский государственный гуманитарный университет, 2010. С. 419–430.

REFERENCES

1. Bazhukov M.O., Rakhilina E.V. The “Diachronicon” database: history, aims, structure. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [The “Diachronicon” database: history, aims, structure]. 2024. Vol. 2, pp. 11–30. (In Russ.)
2. Borzenko E.O. *Metody korpusnogo analiza chastotnosti i dinamiki yazykovykh edinit v 2024 godu* [Methods of Corpus Analysis of the Frequency and Dynamics of Language Units in 2024]. In *Vestnik PSTGU. III: Filologiya*. 2024. Vol. 80, pp. 11–22. (In Russ.)
3. Borzenko E.O., Dobrushina E.R. *Yazykovaya igra s padezhnym okonchaniem -ov ili Kak padonki smenilis’ kotikami* [Language Game with a Case Ending -ov or How Padonki Were Replaced by Kittens]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 81. N. 4. Pp. 81–88. Moscow, RAS, 2022. (In Russ.)
4. Borzenko E.O., Dobrushina E.R. *Biografiya leksemy ChSV* [The biography of a Lexeme ChSV]. 2026. In print. (In Russ.)

5. Vinogradov V.V. *Istoriya slov: okolo 1500 slov i vyrazhenii i bolee 5000 slov, s nimi svyazannykh* [The history of words: about 1,500 words and expressions and more than 5,000 words related to them]. N. Yu. Shvedova / Moscow, Tolk. 1994. (In Russ.)
6. Dobrushina E.R. *Absolyutivnye deeprichastiya: norma i uzus, mikrodiakhroniya i sovremennoe polozhenie* [Absolute Transgressives: Their Standart and Occurrence, Microdiachrony and Current State]. In *Vestnik PSTGU. III: Filologiya*. 2020. Vol. 63, pp. 9–18. (In Russ.)
7. Dobrushina E.R. *Korpusnye metody kak instrument issledovaniya mikrodiakhronii russkogo yazyka XVIII–XXI vekov* [Corpus Methods as a Tool for Studying the Micro-Diachrony of the Russian Language of the 18th-21st Centuries]. Doct. philol. sc. thesis. Moscow. 2022. (In Russ.)
8. Dobrushina E.R. *Mezhdu normoi-intuitsiei i normoi-kodifikatsiei ili Dvesti let vmeste s ikhnii* [Codified norm vs. intuitive norm, or two centuries with ikhnii]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2013. Vol. 2 (26), pp. 181–204. (In Russ.)
9. Dobrushina E.R., Tsareva M.S., Akhapkina Ya.E. (2018) *Malaya tolika: ot ukazatel'nogo mestoimeniya k kvantornomu sushchestvitel'nomu* [Malaya tolika: from an indicative pronoun to a quantifier noun]. In *Kak rozhdaiutsya ekspressivnye kvantornye vyrazheniya?* St. Petersburg, Aleteja, 2018, pp. 33–60. (In Russ.)
10. Kolobrodova E.A. *Filiatsiya znachenii slova toliko/tol'ko v drevnerusskom yazyke: mestoimennoe narechie kolichestva — fokusnaya chastitsa — soyuz* [Filiation of meanings of the word toliko/tol'ko in Old Russian: pronominal quantity adverb — focal particle — conjunction]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 2025, no. 1, pp. 109–124. (In Russ.)
11. Radaev V.V. *Millenialy: kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: how Russian society is changing]. Moscow, Izdatel'skii Dom VshE, 2023. (In Russ.)
12. Savchuk S.O. *Opyt korpusnogo issledovaniya morfologicheskoi variativnosti: varianty roditel'nogo padezha mnozhestvennogo chisla sushchestvitel'nykh muzhskogo roda* [The experience of corpus research of morphological variation: variants of the genitive plural of masculine nouns]. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog-2010"*, Bekasovo, 26–30 May 2010. Bekasovo, RGGU, 2010, pp. 419–430. (In Russ.)

Поступила в редакцию 10.08.2024

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 05.05.2025

Received 10.08.2024

Accepted 22.04.2025

Revised 05.05.2025

ОБ АВТОРЕ

Добрушина Екатерина Роландовна — доктор филологических наук; доцент; заведующая кафедрой славянской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университет (ПСТГУ); edobrush@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina R. Dobrushina — Prof. Dr., Associate Professor, Head of the Department of Slavic Studies, St. Tikhon's Orthodox University of the Humanities; edobrush@gmail.com

СТАТЬИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ВСТРЕЧА С КНИГОЙ В «РАКОВОМ КОРПУСЕ» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

В.Ш. Кривонос

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия; vkrivonos@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматривается роль встречи с книгой Л.Н. Толстого Ефрема Поддудева, одного из персонажей повести А.И. Солженицына «Раковый корпус», значимой для ситуации, в которой он оказался. Остро переживая ожидание скорой смерти, он воспринимает эту встречу как важнейшее событие его жизни, смысл которого раскрывается ему по мере понимания прочитанного и соотнесения его со своей жизненной историей. Книга, как выясняется в процессе знакомства с ней и углубления в ее содержание, таит в себе ответ на мучивший его вопрос о подготовке к смерти. Разгадку этого вопроса содержит рассказ «Чем люди живы», вызывающий глубокие изменения в его внутреннем мире. В рассказе тема преобразующей человека встречи (героев с ангелом, который ослушался Бога и был отправлен на землю узнать важные «слова» о человеке) раскрывается, определяя его дидактический потенциал, как событие, которое может повториться с другими. Это фиксируется притчеобразным построением, с акцентом на универсальном содержании рассказываемого. У Поддудева встреча с книгой пробуждает желание не просто докопаться до своей человеческой сущности, так долго скрытой от него, но попытаться к ней вернуться. Все то, что он передумал и понял про свою прежнюю жизнь и про себя самого, позволяет ему обрести знание, в котором так нуждался.

Ключевые слова: Солженицын; Толстой; «Раковый корпус»; «Чем люди живы»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-13

Для цитирования: Кривонос В.Ш. Встреча с книгой в «Раковом корпусе» А.И. Солженицына // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 148–157.

MEETING WITH THE BOOK IN “THE CANCER WARD” BY A.I. SOLZHENITSYN

Vladislav Krivonos

*Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia;
vkrivonos@gmail.com*

Abstract: The article examines the role of the meeting Efrem Podduev, one of the characters in Solzhenitsyn's *The Cancer Ward*, with the Leo Tolstoy's book sig-

nificant for the situation in which he found himself. Acutely experiencing the expectation of imminent death, he perceives this meeting as the most important event in his life, the meaning of which is revealed to him as he understands what he has read and relates it to his life story. The book, as it turns out in the process of getting to know it and delving into its content, contains the answer to the question that tormented him about preparing for death. The solution to this question is contained in the story “What People Live by”, which causes profound changes in his inner world. In the story, the theme of a meeting that transforms a person (the heroes meet an angel who disobeyed God and was sent to earth to learn important “words” about man) is revealed, defining its didactic potential as an event that can happen with others. This is fixed by its parable-like construction, with an emphasis on the universal content of the story. For Podduev, the encounter with the book awakens the desire not only to get to the bottom of his human essence, hidden from him for so long, but to try to return to it. Everything that he thought through and understood about his previous life and about himself allows him to gain the knowledge that he needed.

Keywords: Solzhenitsyn; Tolstoy; *The Cancer Ward*; “What People Live by”

For citation: Krivonos V. (2025) Meeting with the Book in *The Cancer Ward* by A.I. Solzhenitsyn. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, p. 148–157.

В «Раковом корпусе» описываются встречи, разные по той роли, которую они играют в судьбе персонажей, но непременно акцентируется, где произошла встреча, как она связана с фактами биографии того или иного персонажа и почему так значима для него в той ситуации, в какой он оказался. Обычно это встреча одного персонажа с другим, которая может привести по ходу сюжета и к болезненному столкновению, но и к человеческому сближению. В ситуации же, в какой находился Ефрем Поддудев, немолодой уже человек, который «неспокойно похаживал» [Солженицын 2012: 16]¹ по палате и все «гудел своё, как припев, как по покойнику», что «сикиверное наше дело» (17), — это встреча с книгой, встреча, возможности которой, будучи здоровым, персонаж не предполагал, но теперь, в ожидании скорой смерти, побудившая его пересмотреть и заново осмыслить прошедшую жизнь, картины которой, когда он читал и думал о прочитанном, возникают в его памяти. Потому встреча и воспринимается им как событие, смысл которого раскрывается ему не сразу, но по мере углубления в содержание книги, понимания прочитанного и соотношения его со своей жизненной историей (см. о функции и о символике встречи: [Бахтин 1975: 247–249]).

Речь идет о встрече с книгой народных рассказов Толстого, наугад извлеченной из шкафа Дёмкой, старавшимся больше читать,

¹ Ниже ссылки на это издание даются в тексте, страницы указываются в круглых скобках.

чтоб после школы поступить в университет, — встрече, которая могла бы показаться случайной, как это часто бывает в жизни, когда имеет место простое стечение обстоятельств, но оказывается в итоге сюжетно необходимой, будто не «пацаном», собравшимся «за девятый класс подогнать» (27), принесена была книга в палату, а специально послана самой судьбой.

Костоготов, хлопнув «коркой прочтённой книги», именно так и объяснил ее появление: «— Если б не Дёмка эту книгу в шкафу выбирал, так поверить бы нельзя, что нам ее не подкинули» (18). Потому что попала она туда, где во встрече с ней больше всего нуждались. Вот Костоготов и предлагает Поддуеву, досаждавшему всем своими мрачными предсказаниями («никому отсюда не вырваться» (90)), почитать ее, хотя тот поначалу и отнесся к непрошеному совету скептически: «— А зачем — читать? Зачем, как все подохнем скоро?». Но Костоготов, не очень-то и уговаривая, разве только чтоб Ефрем перестал «скулить», нашел, что возразить: «— Вот потому и торопись, что скоро подохнем». И, опрокинув довод Поддуева, примирившегося как будто с собственной обреченностью, отметил точками какие-то «маленькие рассказышки» и все же настоял на своем, понимая, что если книга и не способна дать смертельно больному надежду на излечение, то, может, позволит справиться с чувством отчаяния, которое выплескивается на других, и обрести знание о вещах, беспокоящих перед близящимся уходом из жизни: «Вот эти несколько — попробуй» (19).

Грубое просторечное слово, проникшее в речь Поддуева, который «ничем никогда не болел» и, чувствуя в себе «силищу», полагал, что ему «ни предела, ни рубежа не поставлено», а потому не сразу поверил, «что у него» (88), должно было замаскировать ужас переживаемого состояния, которое невозможно было принять и к которому нельзя было адаптироваться. Осознав, «что у него — рак», он, не зная, как подготовиться к умиранию, вынужден был задуматься: «Как же это будет? И что надо делать?» (90). Но все, что связано было со смертью, было за пределом понимания и соседей по палате, и всех, с кем «было переговорено» в коридорах и на других этажах, особенно тех, кто склонен был, как и он до операции, когда уверял себя, что «не рак у него, и обойдётся» (88), к утешающему самообману и верил, ободряемый начатым лечением, что «теперь не умрёт» (318). Все, что связано со смертью, за пределом понимания даже врачей, лечивших, но о возможном исходе болезни и тем более о подготовке к неизбежному с ними не говоривших. Да если и кто из онкологов вдруг заболел, то и в этом случае подтверждалось мнение многоопытного доктора Орещенко, «...что современный человек бес-

помощен перед ликом смерти, что ничем он не вооружен встретить ее» (375).

Везде, «где ни бывал», видел Поддуев «вполне понятную жизнь», когда вслед за знакомством «сразу идет: кем работаешь, сколько получаешь», чем интерес и ограничивается, но понятную до той поры, «пока не заболели люди раком или другим смертельным» (90). Вот «старые в их местности на Каме», на которых смолоду смотрел он свысока, «не хвастали, что не умрут», а «готовились потихоньку и загодя» и «принимали смерть спокойно», будто «просто перебирались в другую избу» (91). Ему же, как выяснилось, когда сам заболел, «переход» был «свыше сил», и он «не знал путей этого перехода» (89). И как ни пытался, «день за днем» вышагивая «по старому полу», придумать что-то, «...ничуть ему не становилось ясней, чем же надо встречать смерть. И уж меньше всего ожидал бы он найти это в какой-нибудь книге» (91). Если и читал он что-либо, то не книги, а «брошюры» и «служебные инструкции», да и те «по нужде», поскольку «собственной тяги читать у него не было», когда же «в дальней дороге» ему «попадалась какая», то, приступив было к чтению, «всегда бросал, ничего не найдя в ней по умному направлению жизни» (91). Между тем книга, которую «всучил» ему Костоглов «в самый пустой тошный вечер» (92), а он, поддавшись на уговоры, «перешвырнул к себе на койку» (91), как раз и таила в себе ответ на мучивший его вопрос — и уже не *об умном направлении жизни*, а *о путях перехода к смерти*.

Просмотрев книгу и убедившись, «что это были рассказы маленькие», прочел сначала, «какой поменьше»; подумав, еще раз перечитав и опять подумав, так же поступил «со вторым». И на другой день, забыв о своих «мрачных речах», которыми начиналось «каждое утро» в палате, вновь «почитывал да подумывал» и, не вылезая «топтать дорожку между кроватями», все «читал себе и молчал», а книга, «не похожая ни на кого», с ним «разговаривала» (92). Так добрался он до рассказа «Чем люди живы». Название это, сразу им отмеченное, «было вылеплено, будто сам же Ефрем его и составил», поскольку «об этом самом он ведь и думал последние недели: чем люди живы?». Все в этом рассказе было ему понятно, прежде всего нелегкая жизнь Семена, сапожника, бедствующего с семьей и двумя детьми, «и дальше очень понятно», почему Семен «поджарый», Михайла, его подмастерье, «худощавый», а богатый барин, заказавший сапоги, «весь как из чугуна вылит»; повидал он таких «довольно» и сам начинал «на такого вытягивать». Когда же медленно «прочел весь рассказ до конца», то не хотелось ему «ни ходить, ни говорить», как будто «что в него вошло и повернуло там» (93).

Такого рода «изменения во внутреннем мире», имеющие в каждом случае «свои особенности» [Скафтымов 1972: 154], происходят и с героями Толстого, который всюду «ищет обнажения души», так как открывается в человеке «только то, что в нем уже было, хотя и не получало полного осознания», и «обставляет наиболее серьезными катастрофическими обстоятельствами» обнаружение того, что он «считает в человеке коренным и основным» [Скафтымов 1972: 155]. В истории Поддуева *катастрофическими обстоятельствами* стала смертельная болезнь, которую он долго не хотел признавать, привыкнув «врать себе всю жизнь» [Колобаева 2012: 156]. Бегство от болезни, как оказалось, было бегством от самого себя. Любил он, пока не заболел, только «вольную жизнь да деньги в кармане», но не находил теперь в ней «прежнего вкуса» (89). Да и «больше не мог себе врать и не врал» (90). Первую, «грубую, стружку» с него «сняла больница» (93), но понадобилась еще и встреча с книгой, чтобы обнажилась его душа и обнаружилось в нем *коренное и основное*.

Как и в истории Поддуева, в рассказе «Чем люди живы» особая роль, позволившая открыть в человеке «дно души», когда в «решительный момент» его жизни он становится «самим собой» [Скафтымов 1972: 156], принадлежит встрече. Семен, увидев застывшего от холода странника, сидевшего «раздевши» у часовни, которого он одел и привел домой, посчитав, что нанес «на него Бог, а то бы пропасть», укоряет жену, недовольную его поступком: «Утиши ты свое сердце. Грех, Матрена. Помирать будем». Странник же Матрене, которая его «накормила, напоила, пожалела», и мужу ее предрекает: «Спасет вас Господь!» Далее рассказано о барине, привезшем Семenu дорогую кожу и пригрозившем засадить его в острог, если не справится с заказом, но умершем в тот же день, и о женщине, выкормившей и воспитавшей двух сироток, чья история была связана с историей самого странника. Оказался он ангелом, посланным на землю в наказание, что ослушался Бога, и прощенным, когда открыл для себя «слова», какие ему велено было открыть, что «есть в людях любовь», что «не дано людям знать, что для своего тела нужно», что «жив всякий человек не заботой о себе, а любовью».

Тема встречи раскрывается в рассказе Толстого, определяя его дидактический потенциал, как событие, которое может повториться с другими. В нем, как и в «евангельском рассказе», служащем архетипическим образцом для такого рода повествования, представлен «как бы *тип* встречи», имеющей «абсолютное, всеобъемлющее значение» [Антоний, митрополит Сурожский 1992: 184]. Это фиксируется притчеобразным построением (когда сюжетная логика не проверяется требующей плоского правдоподобия логикой обыденного сознания), с акцентом на универсальном содержании

рассказываемого. В нем, как и в повести «Хозяин и работник», герой которой спасает замерзающего слугу «именно потому, что хочет спасти себя», раскрывается «прямой и категорический смысл» заповеди «любви к ближнему, с ее уточнением “как самого себя”» [Седакова 2022: 202].

Книга, «такая серьезная», какая раньше «ему не попадалась» (92), не просто побудила Ефрема задуматься, но сильно задела за живое; пересматривая свое прошлое, он связал содержание рассказа с жизнью, какую вел, «перелётной, свободной» (94), в том числе и от обязательств перед близкими и даже самыми близкими. Вспоминая об отношениях с женами и с другими «бабами», которым счет потерял, так «легко» их добывал и «покидал» потом «всегда первый», и удивился бы, если б кто ему стал «серьезно доказывать», что «плохо» с ними поступает, вдруг открыл для себя, что именно так и получалось «по этой чудной книге»: он же «во всём и виноват» (94). Смятение, охватившее Поддудева, осознавшего под воздействием прочитанного, как сильно отличалось его собственное поведение от поведения героев рассказа, пробуждает у него желание понять для себя самого, «как же ответить правильно» (96) на вопрос, звучащий в названии рассказа. И потому решил выяснить, что думают об этом соседи по палате: «— Вот, — объявил и он громко. — Тут рассказ есть. Называется: “Чем люди живы”. — И усмехнулся. — Такой вопрос, кто ответит? — чем люди живы?» (95).

Первые и быстрые, без обдумывания, ответы (*довольствием, продуктами и вещевым, зарплатой*) напрашивались сами собой и были слишком простыми, чтобы удовлетворить Ефрема, продолжившего теревить тех, кто еще не высказался, хотя и без особого успеха: «Загадка книги, неожиданная для него, была-таки и для всех нелегкая» (95). Наконец, Дёмка, который книгу эту «в палату принес», но «не прочел» ее и «не знал ответа, ожидаемого Ефремом», откликнулся, что человек жив «воздухом», «водой» и «едой»; Ефрем бы и сам бы так «ответил прежде, добавив бы еще, что «спиртом», однако «книга совсем не в ту сторону тянула». Услышав от другого соседа, что «квалификацией», Ефрем согласился про себя, что и это «верно», он и сам «всю жизнь так думал» (95). Не отклонил он, хотя и удивился, «не всё ль равно», где жить, и ответ, что «родными местами», потому что там «всё легче» (96). Оставался еще Русанов, занимавший ответственный пост и державшийся особняком, но на обращенный лично к нему вопрос «не затруднился» с ответом, политически выверенным и идеологически правильным, сомнений не предполагавшим: «Запомните. Люди живут: идейностью и общественным благом» (96).

Поскольку соседи рассказ не читали, то ответы зависели от особенностей их биографии, от имеющегося у них жизненного опыта

или от усвоенных ими идеологических установок (ср.: [Масолова 2018: 203]). Только один из них поинтересовался, «про что книга», и Поддубев «стал перелагать» ему рассказ «своими словами». И особенно подробно изложил эпизод, как барин привез сапожнику «дорогую кожу» и заказал себе сапоги, только Михайла сшил вместо них что-то «вроде тапочек» на мертвого, будто предвидел, что заказчик «не будет жив до вечера», а тот и в самом деле «еще в дороге окочурился» (96–97). Речь Ефрема внезапно прервал Русанов, назвавший рассказ «чушью» и спросивший, «чем же там — люди живы»; узнав от растерявшегося было Ефрема («Даже и вслух это не выговаривалось. Неприлично вроде»), что, мол, любовью, тут же, потешаясь, возразил: «Лю-бо-вью!?! Не-ет, это не наша мораль!» (97). И, спросив фамилию автора, не имевшую, как полагал Поддубев, «отношения к сути — к их болезням» и потому им пропущенную при чтении, резко «запротестовал», что «трижды лауреат Сталинской премии» не мог такое написать; услышав же, что это «не тот Толстой», напомнил всем, что «другой» Толстой, который «зеркало русской революции, рисовые котлетки», он «во многом, оч-чень во многом не разбирался». И пояснил, что «злу надо противиться» и «со злом надо бороться» (97–98).

В языке, внедрявшем в сознание идеологические догмы, на котором привык выражать свои взгляды Русанов, обязательной была «идея борьбы» [Купина 2015: 23], прежде всего борьбы с *врагами*, в которых и видели главное зло, а вовсе не идея любви; тот Толстой, получалось, действительно *во многом не разбирался*, будучи уличенным в том, что, занимаясь «нравственным усовершенствованием» и питаясь «рисовыми котлетками», проповедовал «непротивление злу насилием» [Ленин 1968: 209]. В случае же самого Русанова актуальным был не вопрос, чем люди живы, а вопрос, чем люди мертвы, не акцентируемый названием, но тоже звучавший в толстовском рассказе. Когда Семен прошел мимо странника, замерзавшего у часовни, то «в лице его была смерть», а когда вернулся за ним, чтоб «повести к себе в дом», то «вдруг стал живой», и «лице его» ангел «узнал Бога». Такая же метаморфоза произошла и с Матреной, хотевшей выгнать странника из дома: «мертвый дух шел у нее изо рта», и ангел знал, что если выгонит его, то «умрет она». Но когда «вдруг переменилась», то «в ней не было уже смерти, она была живая», и ангел «в ней узнал Бога». И открылось ему, «что есть в людях любовь».

Русанов, в отличие от Семена и Матрены, движется не *вверх*, к живому Богу, а *вниз*, в сторону смерти; его человеческое падение символически высвечивает сон, в котором он попадает на тот свет, где его ожидают встречи с умершими, в чьих страданиях и гибели была его прямая вина, как бы ни оправдывал он себя ссылками «на

такой порядок» (186). Причем встречи эти, напоминая ему, что и он смертен, не смогли подтолкнуть его к переосмыслению и переоценке своих поступков, почему возвращается он с того света хоть и живым физически, но мертвым духовно, не желая поверить в неизбежность для него и скорой физической смерти.

Вопрос, чем люди мертвы, актуален и для истории Поддудева, не случайно главное внимание уделившего в своем пересказе эпизоду с барином; на эпизоде этом пересказ, что тоже не случайно, и обрывается. Мертвый дух шел, несомненно, и от барина, пригрозившего *засадить* сапожника в острог, если «распорются, скривятся сапоги раньше году». Потому ангел «вдруг за плечами его увидел товарища своего, смертного ангела», и узнал, «что не зайдет еще солнце, как возьмется душа богача». Барин, пренебрегший человеческим достоинством сапожника, в котором не признал равного *самому себе* человека, жил лишь заботой о своем теле, но, как выяснилось, не знал и даже не догадывался, что ему на самом деле нужно было для его тела. Это неведомо и Поддудеву, названному исследователем «баринным двойником» [Немзер 2019: 235]. Двойником в смысле отношения к людям. Дана ему была «сила на баб», которых «охобачивал» бессечно, но никогда их «за полных людей не считал» (94). А когда заболел, то «оттягивал, не шел к врачам» (88) и безнадежно опоздал с операцией, единственно нужной ему *для своего тела*. И стал утверждать «со злорадством», раз ничего нельзя было уже изменить, что «пора Ефрему подышать» (97). И хоть и оставалась «при нем» та самая *сила*, но «как бы уже — ни к чему» (94).

А книга, прочитанная им и обдуманная, *войдя в него и повернув там*, все напоминала о себе. Вынырнул у него из памяти, казалось бы, «без всякого повода, один давний ничтожный и совсем забытый случай» (177), как трое заключенных, когда он работал после войны в лагерях, плохо одетых, без рукавиц, копавших траншею под газопровод, просили простить им «последние сантиметры», которые было «не взять», так как «сил нет», а он, глядя сверху, «как падал снег на их лица как неживые», отказал, потому что есть «проект», и услышал: «Ничего. И ты будешь умирать, десятник!» И чем ему было «от этого загородиться» на пороге смерти? «Что он понял новое что-то и хотел бы иначе жить? Болезнь этого не слушает, у болезни свой *проект*» (178). Не осознал он тогда, как осознала Матрена, что *помирать будем*. И не спас его Господь.

Многое в его жизни перекликалось с прочитанным, осмыслить которое он стремился, но строки «этой книги» ему «только тогда открывались», чтоб мог он «их понимать», когда «надо было ему вспомнить», что «самому ему остались считанные дни разобраться в себе самом» (106). Выслушав рассказ Костоглотово про самопро-

извольное исцеление, когда «опухоль трогается в обратном направлении» и «рассасывается», Поддуев, «что-то свое» имея в виду, прохрипел: «— Для этого надо, наверно... чистую совесть» (121). И объяснил, почему не верит, что смог бы исцелиться: «— Я — баб много разорил. С детьми бросал... Плакали... У меня не рассосется» (122). Открыла ему книга, «очень правильная», терпеливо подводя к раскаянию, пусть и запоздалому, когда «спасенья как будто и не оставалось», что живы люди любовью, а он, не любя никого, жил только заботой о себе; другой была бы жизнь, «если б все сразу стали по ней жить...» (179).

Так сложилось, что, прочитав рассказ Толстого, Поддуев впервые для себя «...задумался о смысле жизни, находясь на грани ее со смертью» (123). Встреча с книгой пробудила у него желание не просто докопаться до своей человеческой сущности, так долго скрытой от него, но попытаться к ней вернуться. Потому Костоглов, не зная его прошлого, но сочувствуя ему и ценя его «прямоту», полагает, что из встречавшихся ему в жизни «это был далеко не самый плохой человек» (181). Все то, что Ефрем передумал и понял про свою прежнюю жизнь и про себя самого, позволило ему все же обрести знание, в котором он так нуждался; перед смертью приоткрылись ему и пути перехода к ней, и смысл человеческой жизни, который высветил для него эти пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антоний, митрополит Сурожский. О встрече // Новый мир. 1992. № 2. С. 184–191.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 234–407.
3. Колобаева Л.А. «Река, впадающая в пески?» Художественные прогнозы Александра Солженицына («Раковый корпус») // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2012. С. 147–166.
4. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2015.
5. Ленин В.И. Лев Толстой, как зеркало русской революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. М., 1968. С. 206–213.
6. Масолова Е.А. Толстовский текст и интертекст в повести А.И. Солженицына «Раковый корпус» // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 4. С. 196–217.
7. Немзер А.С. Проза Александра Солженицына: Опыт прочтения. М., 2019.
8. Седакова О. Слово о Льве Толстом // Седакова О. И жизни новизна. Об искусстве, вере и обществе. М., 2022. С. 201–204.
9. Скафтымов А.П. Идеи и формы в творчестве Л. Толстого // Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 134–164.
10. Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 3. Раковый корпус. М., 2012.

REFERENCES

1. Antonij, mitropolit Surozhskij. *O vstreche* [About the Meeting]. *Novyj mir*. 1992. № 2, p. 184–191. (In Russ.)
2. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics]. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let*. Moscow: *Khudozhestvennaya literatura*, 1975, p. 234–407. (In Russ.)
3. Kolobaeva L.A. “Reka, vpadayushchaya v peski?” *Khudozhestvennye prognozy Aleksandra Solzhenitsyna (“Rakovyy korpus”)* [“A River Flowing into the Sands?” Artistic Forecasts of Alexander Solzhenitsyn (“Cancer Ward”)]. *Solzhenitsynskie tetradi: Materialy i issledovaniya*. Issue 1. Moscow: *Russkij put’ Publ.*, 2012, p. 147–166. (In Russ.)
4. Kupina N.A. *Totalitarnyj yazyk: Slovar’ i rechevye reaktsii* [Totalitarian Language: Dictionary and Speech Reactions]. 2th ed. Ekaterinburg: *State Ural University Publ.*, 2015. (In Russ.)
5. Lenin V.I. *Lev Tolstoj, kak zerkalo russkoj revolyutsii* [Leo Tolstoy, as a mirror of Russian revolution]. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Collected Works]. 5th ed. Vol. 17. Moscow: *Politizdat*, 1968, p. 206–213. (In Russ.)
6. Masolova E.A. *Tolstovskij tekst i intertekst v povesti A.I. Solzhenitsyna «Rakovyy korpus»* [Tolstoy’s text and intertext in the story of A.I. Solzhenitsyn “Cancer Ward”]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 2018. Vol. 16. №. 4, p. 196–217.
7. Nemzer A.S. *Proza Aleksandra Solzhenitsyna: Opyt prochteniya* [Prose of Alexander Solzhenitsyn: An experience of reading]. Moscow: *Vremya*, 2019. (In Russ.)
8. Sedakova O. *Slovo o L’ve Tolstom* [Word about Leo Tolstoy]. Sedakova O. *I zhizni novizna. Ob iskusstve, vere i obshchestve*. Moscow: *Nikeya Publ.*, 2022, p. 201–204. (In Russ.)
9. Skaftymov A.P. *Idei i formy v tvorchestve L. Tolstogo* [Ideas and Forms in Works of L. Tolstoy]. Skaftymov A.P. *Nravstvennye iskaniya russkikh pisatelej*. Moscow: *Khudozhestvennaya literatura*, 1972, p. 134–164. (In Russ.)
10. Solzhenitsyn A.I. *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 3. Rakovyy korpus* [Collected Works: in 30 volumes. Vol. 3. Cancer Ward]. Moscow: *Vremya*, 2012. (In Russ.)

Поступила в редакцию 01.10.2024

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 05.05.2025

Received 01.10.2024

Accepted 22.04.2025

Revised 05.05.2025

ОБ АВТОРЕ

Кривонос Владислав Шаевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета;
vkrivonos@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vladislav Krivonos — Prof. Dr., Department of Literature, Journalism and Teaching Methods, Faculty of Philology, Samara State University of Social Sciences and Education; vkrivonos@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА НА ЭКРАНЕ: БАЗОВЫЕ МЕТАФОРЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ АДАПТАЦИИ

П.Ю. Рыбина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; rybina_polina@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются контролирующие метафоры современной теории адаптации, позволяющие осмыслить особенности «промежуточного положения» текста, который осваивается в культуре разными медиа (кинематографом, театром, видеоиграми, популярной музыкой). Акцент сделан именно на киноадаптации — воплощении литературного материала на экране. Среди базовых метафор мы выделим четыре — палимпсеста (Р. Стэм, Л. Хатчен), гетерокосма (Л. Хатчен), сети (Д. Ланир, К. Ньюэлл) и наименее устоявшуюся — чувственного диалога (“a fleshly dialogue”, Д. Ричард). Представления о гетерокосме и сети, существующие по отдельности, мы скорректируем метафорой адаптационной вселенной с сетевой структурой. В статье раскрывается место всех названных метафор в истории идей об адаптациях (пересказах, переработках, «повторах с варьированием»), а также демонстрируется, как эти метафоры становятся отправными точками в анализе литературных текстов на экране. Представление о палимпсесте позволяет сфокусироваться на работе памяти и воображения, метафора адаптационной вселенной (с сетевой структурой) — на потенциале интеракций в порождении новых версий. Чувственный диалог смещает акцент в сторону непосредственного восприятия, когда между аудиторией и адаптацией создается пространство новых ощущений (и лишь затем — смыслов).

Ключевые слова: киноадаптация; палимпсест; сеть; диалог; медиа; нарратив; литература; кино

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-14

Для цитирования: Рыбина П.Ю. Литература на экране: базовые метафоры современной теории адаптации // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 158–170.

LITERATURE ON THE SCREEN: THE CONTROLLING METAPHORS IN CONTEMPORARY ADAPTATION THEORY

Polina Rybina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; rybina_polina@mail.ru

Abstract: The article examines several controlling metaphors of contemporary adaptation studies that allow us to elaborate on the in-betweenness of any text ap-

propriated by different media (cinema, theatre, video games, popular music). I will highlight four metaphors — the palimpsest (R. Stam, L. Hutcheon), the heterocosm (Hutcheon), the network (D. Lanier, K. Newell), and the least established — “a fleshly dialogue” (D. Richard). The article explains why the metaphors of heterocosm and the network, existing separately, might be replaced by the “adaptation universe” (with its network structure). Unpacking the place of each metaphor in the history of ideas on adaptations (retellings, reworkings, “repetitions with variations”), I will demonstrate how they become starting points for the analysis of texts. While palimpsests allow us to focus on the work of memory and imagination, the adaptation universe offers a new understanding of complex interactions between texts, authors, and audiences. The “fleshly dialogue” shifts the focus from memory, imagination, or interactions to immediate perception. Audiences and texts (films, performances, games), in their contacts, produce the in-between spaces of intensified perceptions, which help stories not only to mean but to feel differently.

Keywords: film adaptation; palimpsest; network; dialogue; media; narrative; literature; cinema

For citation: Rybina P. (2025) Literature on the Screen: The Controlling Metaphors in Contemporary Adaptation Theory. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 158–170.

Термин «киноадаптация», имеющий в русском языке аналог «экранизация», — двусоставное слово, второй компонент которого «адаптация» происходит от латинского «adaptare» — «приспосабливать, прилаживать, устраивать». Адаптации (не только кинематографические, но и театральные, литературные, игровые, песенные) — это приспособления некоего предшествующего текста к новому контексту, медийному, социокультурному, историческому. В случае с киноадаптацией — к новой экранной среде, диктующей изменения. Аудиовизуальный текст активно задействует несколько каналов восприятия — непосредственно и по аналогии (синестетически)¹; расширяет аудиторию² и превращает адресатов в соавторов³; про-

¹ Фильм задействует визуальный и аудиальный каналы, а через них — синестетически — подключаются другие зрительские чувства, связанные, например, с тактильными ощущениями (см. работы Д. Ричарда [Richard 2021], В. Собчак [Sobchack 2004], Л. Маркс [Marks 2000]).

² Об аудитории см. классический текст адаптационной теории — работу Дж. Блюстоуна «Романы в кино: метаморфозы художественной прозы на экране» [Bluestone 1957], а также более новые исследования — о зрителях «антикварного кино» К. Монк [Monk 2011], о детской аудитории [McCallum 2018], о попытках теоретизирования аудиторий адаптации в целом [Meikle 2017]. В контексте социологии культуры важны работы Н. Самутиной [2009] и Б. Дубина [2010].

³ Адаптация в контексте культуры участия рассматривается как в классике адаптационной теории — у Л. Хатчен и Ш. О’Флинн [Hutcheon, O’Flynn 2013], — так и в новых работах о специфике цифровой адаптации (Э. Салливан [Sullivan 2022]).

изводит новый социокультурный контекст, через который авторы осмысливают свой исторический момент и ситуацию⁴. Благодаря адаптации литературный сюжет обретает новый интертекстуальный и жанровый репертуар, начинает «отражаться» в зеркалах других текстов⁵. У литературной классики появляется коллективный автор (сценарист, режиссер, звукорежиссер, композитор, актеры, художник-постановщик), сфокусированный в первую очередь на взаимодействии, «приспособлении» разных авторских усилий друг к другу. Внимание к интеракциям — разных авторов и разных медиа — усложняется при исследовании больших форматов (адаптированные сериалы обсуждаются в работах — И. Каспэ [2009], Дж. Миттелла [Mittell 2015], К. Уилкинса [Wilkins 2023]). Интенсивно развивающееся исследовательское поле (the adaptation studies) производит контролирующие метафоры; наиболее важные мы рассмотрим.

Палимпсест: помнить / не помнить

Метафора палимпсеста является ключевой в работах, появившихся в самом начале 2000-х годов, — монографиях «Теория адаптации» Л. Хатчен [Hutcheon 2006; 2012] и «Литература сквозь призму кино: реалистическое, магическое и искусство адаптации» Р. Стэма [Stam 2005]. В системе размышлений Хатчен палимпсест — это метафорическая характеристика для того, как работает зрительское воображение и память при восприятии текста, основанного на другом тексте. Опираясь на разработки теории интертекстуальности в широком смысле этого термина (от М.М. Бахтина до Ж. Женетта), Хатчен называет режим восприятия адаптации — “the audience’s ‘palimpsestuous’ intertextuality” [Hutcheon 2006: 21]. Это режим в самой своей основе — палимпсестный, потому что адаптация — многослойный текст, открыто (“directly and openly”, 21) заявляющий о своей связи с другим. Палимпсестность у Хатчен — неотъемлемое свойство адаптации в воображении зрителя; она имеет особую идентичность — формальную и герменевтическую. Интертекстуальный отклик зрителя/читателя на текст многообразен и трудно прогнозируем, но в случае с адаптацией речь идет о некоей обязательности «двойного зрения» — на текст и сквозь текст. Только таким образом, одновременно держа в зоне внимания как минимум два текста, аудитория воспринимает адаптацию как адаптацию. Именно в момент согласия видеть двой-

⁴ О контексте и инструментах его исследования см. работу «Адаптация и апроприация» Дж. Сандерс [Sanders 2015], «Адаптация как симптом: русская классика на постсоветском экране» Л. Фёдоровой [2022].

⁵ О влиятельности интертекстуального подхода будет сказано ниже. Несколько авторов, которые по-прежнему продуктивно работают в этом русле, — Т. Лич [Leitch 2019], Г. Колон Семенза [Colon Semenza 2021] и др.

ственно и **последовательно выдерживать** такую расфокусировку, зритель/читатель попадает в «промежуточное положение», где предполагаются производные тексты.

Помимо работы воображения Хатчен интересуется, как функционирует зрительская память — важнейшая способность для актуализации палимпсестного режима. Она пишет: “As audience members, we need memory in order to experience difference as well as similarity” [Hutcheon 2006: 22]. Без воспоминаний о текстах-предшественниках мы не сможем откликнуться на сходства и различия. Как следствие, мы не сможем испытать восторг (“delight”) или раздражение (“irritation”) — от различий и сходств. Здесь имеется в виду, что мы безусловно можем как-то чувственно среагировать на адаптацию, даже без знания текста-предшественника, но восторг/удовольствие или раздражение именно от «промежуточного положения» текста мы не получим, если нам нечего вспомнить.

Помимо этого, многослойный характер текста, с которым взаимодействует зритель, напоминает о важности не только способности помнить, но и забывать. Палимпсест — это динамическая структура, зависящая одновременно от новых наслоений и стираний, удалений (пусть частичных) предшествующих слоев. Восторг и раздражение, важные для Хатчен, формируются не только, когда мы вспоминаем, но и когда мы забываем. Многие радикальные адаптации, подрывающие согласие о том, чем текст значим для нас, зависят от динамичной способности зрителя сознательно «забывать», отказываться от каких-то аспектов текста, чтобы дать возможность проявиться новому прочтению в собственном воображении. Стирание слоев палимпсеста не менее важно, чем удерживание их.

В 2010-е годы, помимо работы Хатчен, большое влияние имели тексты американского киноведа Р. Стэма, который последовательно переосмысливает идеи М.М. Бахтина применительно именно к адаптированной литературе. Она обнаруживает свою «гибридную структуру», подключая зрителей/читателей к диалогу разных текстов (одновременно это направление развивается в работах Д. Картмел, И. Уилехан, а также — Дж. Нэрмора, Т. Лича)⁶.

Гетерокосм: не «повтор с варьированием»?

Помимо метафоры палимпсеста, книга Хатчен также знаменита формулой для антропологической потребности, которую удовлетворяет адаптация: “Part of this pleasure, I want to argue, comes simply from repetition with variation, from the comfort of ritual combined with

⁶ Подробнее см. в моей статье: Rybina P. Le statut culturel des adaptations cinématographiques des œuvres de Proust à la lumière des idées de M. Bakhtine. In: Revue d'études proustiennes. V. 13. Paris: Classique Garnier, 2021. P. 97–110.

the piquancy of surprise. Recognition and remembrance are part of the pleasure (and risk) of experiencing an adaptation; so too is change” [Hutcheon 2006: 4].

Во-первых, Хатчен подчеркивает, что аудитории свойственно испытывать удовольствие от пересказа старых историй (есть в этой практике что-то «особенно привлекательное», “particularly appealing”)⁷. Во-вторых, утверждается, что, воспринимая знакомое в новой версии, мы этот опыт опознаём как специфический, непохожий на другие (“adaptation as adaptation” [Hutcheon 2006: 21]). Самое ценное для нас, что нам рассказывают «в очередной раз». Ценностью для восприятия обладает то, что Хатчен назвала «повтор с варьированием», указав на него как на основу удовольствия. Повтор она ассоциирует с потребностью в комфорте, подобном повседневному ритуалу, а варьирование — с потребностью в новизне, в сюрпризах, в удивлении.

С одной стороны, адаптация связана с радостью узнавания (“recognition”), с тем, что мы что-то вспоминаем (“remembrance”), и в сознании всплывают, казалось бы, забытые сюжеты, слова, образы. Это приятно переживать. С другой стороны, адаптация связана с радостью перемен (“change”), с неожиданностью, когда мы испытываем восхищение креативностью новых авторов, пересказавших старую историю так, что она остается интересной в многократном повторении.

Когда Хатчен переписывает свою классическую работу в 2013 году в соавторстве с Ш. О’Флинн, она корректирует собственную мысль о «повторе с варьированием», или том эффекте, который также получает наименование «нарративной настойчивости» (“narrative persistence” [Hutcheon 2013: XXIV]). Она утверждает, что изменила свою точку зрения: “...narrative persistence is not the name of the new adaptation game; world building is” [Hutcheon 2013: XXIV]. При этом стоит вспомнить, что уже в версии 2006 года возникала идея адаптации как гетерокосма. Развивая идею о мире видеоигры (М.-Л. Райэн [Ryan 2004]), Хатчен присматривается к ситуации, когда линейный нарратив анимационной ленты «Алладин» превращается в Диснейленде в интерактивный опыт обживания «гетерокосма» «Алладина». В работе читаем: “What gets adapted here is a heterocosm, literally an ‘other world’ or cosmos, complete, of course, with the stuff of a story — settings, characters, events, and situations. To be more precise,

⁷ Вводя идею повтора с варьированием, Хатчен опирается на базовые положения из работы З. Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия», где в основе функционирования психических структур человека лежит представление о навязчивости. О приоритете «сходства» над различием, то есть о важности собственно повтора и его многообразных культурных функциях, рассуждает К. Эллиотт в работе «Теоретизируя адаптацию» [Elliott 2020].

it is the ‘res extensa’ — to use Descartes’ terminology — of that world, its material, physical dimension, which is transposed and then experienced through multisensorial interactivity” [Hutcheon 2006: 14]. Адаптирование — это создание «иных миров», в которые аудитории предлагается переселиться по следам знакомых (литературных, кинематографических и других) нарративов. Гетерокосм адаптации понимается через картезианскую «протяженную субстанцию», с акцентом на материальном, физическом измерении «иного мира»; во взаимодействии (“interactivity”) с ним вступает аудитория.

Словарь Хатчен здесь еще не очень устойчив: она использует и термин «мир» (“world”), и «космос», и «гетерокосм», и «вселенная» (“universe”). Эта множественность — большое достоинство книги, потому что адаптационные исследования далее движутся по двум направлениям, пунктирно намеченным Хатчен в этом фрагменте, где исследовательница, как она полагает, улучшает собственную концепцию «повтора с варьированием». Эти направления стоит обозначить таким образом: адаптация как создание **вселенной** (у Хатчен — “universe”) и адаптация как создание **среды** (у Хатчен — “environment”).

На базовом нарративном уровне каждый текст обладает сюжетно-фабульной динамикой (“plot” как сюжет, “story” как фабула, по Д. Бордуэллу [Bordwell 2020]). Восприятие текста — это оформление отношений между непосредственно данным вербальным или аудиовизуальным рядом (сюжетом) и воображаемым миром (фабулой, “storyworld”, по Д. Герману [Herman 2009]), который возникает в сознании зрителя или читателя. Литературный сюжет создаёт в нашем сознании воображаемый фабульный мир, и кинематографический сюжет — тоже. При адаптировании — из литературы в кино — образуется и новый киносюжет, и новый фабульный мир на основе фильма. Когда Хатчен утверждает, что нас уже не так интересует «повтор с варьированием», а больше занимает создание гетерокосма, она словно отказывается от своей базовой посылки о палимпсестной структуре восприятия адаптации. Получается, что мы больше не сравниваем гетерокосмы (а почему, собственно?), мы скорее склонны их строить и обживать, видеть в них расширения предшествующих текстов, в которые мы готовы перенестись (забыв о предыдущем опыте). В таком случае все термины — «фабульный мир», «гетерокосм», «вселенная» — синонимы для результата когнитивной зрительской обработки сюжета. Зритель ментально и чувственно «переносится» в образовавшийся фабульный мир. В этом случае адаптация теряет существенную особенность — свою формальную и герменевтическую идентичность — промежуточное положение. С нашей точки зрения, адаптация — это как раз такой текст, в ко-

торый нельзя «перенестись»; промежуточное положение предполагает сочетание эффектов иммерсии с эффектами дистанцирования (и в этом особая адаптационная специфика).

В процессах адаптации особенно важно то, что во взаимодействие почти никогда не вступают два-три текста (анимационный фильм «Алладин» и его площадка в Диснейленде). Текстов, контактирующих друг с другом в нашем восприятии, — множество. Поэтому из всех терминов, которые предлагает Хатчен, для нас особенно важен термин «вселенная», или «универсум», который мы используем не как Хатчен (синоним и «миру», и «гетерокосму»), а иначе. Адаптационная вселенная некоего источника — это множество текстов, образовавшихся на основе одного сюжета (вселенная «Гамлета» насчитывает пятьдесят киноадаптаций). Таким образом, первое направление, намеченное Хатчен, — изучение адаптационных вселенных (см. часть **о сети**), констелляций текстов на основе условного предшественника. Тексты в составе множества находятся друг с другом в сложных отношениях. Смыслы рождаются именно из-за нашей осведомленности о множественности. Разные версии сосуществуют и сталкиваются друг с другом, а мы их сравниваем и находим смыслы — между текстами.

Второе направление выводится из тех же рассуждений Хатчен о гетерокосме. Сюжет получает расширение («протяженность») посредством адаптации, а значит, создается «материальное, физическое измерение» истории (“material, physical dimension” [Hutcheon 2006: 14]), которую зритель/читатель/игрок переживает посредством множества чувств (см. часть **о чувственном диалоге**).

Сеть: как генерировать идеи?

Адаптационная вселенная имеет структуру — сетевую. Сеть находится в постоянном процессе становления: некий нарратив, порождая множество текстов, аккумулирует их вокруг себя, переставая быть ядром, центром, оригиналом⁸. Множество адаптаций, на разных основаниях связанных с источником, сосуществует в культуре благодаря разнородности трактовок, фрагментарной, калейдоскопичной работе с текстами. В сети перед нами множество «несогласных» друг с другом версий некоего сюжета. В воображении аудитории сеть держится не только и не столько на том, что все производные тексты «повторяют» один источник и «договорились» держаться вместе (в одной сети), сколько на том, что версии произ-

⁸ Эта метафора (сети) несет на себе следы и постструктуралистской философии множественности (всевозможных «ризом», «деконструкций», «повторений», «распри»), и сетевых теорий в современной социологии (Б. Латур, М. Кастельс).

водят «цивилизованное» несогласие, энергию альтернативных точек зрения и разных откликов на хорошо знакомый нарративный мир.

Сетевыми структурами являются комплексы текстов на основе шекспировских оригиналов [Lanier 2014]. Трагедия «Ромео и Джульетта», также адаптация предшествующих текстов (Л. да Порто, М. Банделло, П. Боэтью, А. Брук), порождает на экране XX и XXI веков сложно устроенную сеть фильмов, которые создают собственные традиции интерпретации. В результате образуется структура со множеством центров. Одним из них является, например, киномюзикл Р. Уайза и Дж. Роббинса «Вестсайдская история» (*West Side Story*, 1961), адаптация бродвейской постановки 1957 года, где влюбленные принадлежат разным уличным бандам — «Ракетам» (Тони/Ромео) и «Акулам» (пуэрториканка Мария/Джульетта). Помимо того, что в 2021 году выходит новая «Вестсайдская история» С. Спилберга, ключевые повествовательные элементы, образные мотивы и смыслы, введенные мюзиклом в культурный обиход, влияют на авторские решения в других лентах. В «Китайке» (*China Girl*, 1987) А. Феррары влюбленные погибают из-за противостояния молодежи итальянского и китайского кварталов, в «Ромео+Джульетта» (*Romeo + Juliet*, 1996) Б. Лурмана — из-за борьбы мафиозных империй. Подбирая подобные аналоги для развития темы молодежного насилия «Вестсайдской истории», режиссеры переносят акцент с рокового противостояния «предков» на опасную отзывчивость юных, стремительно отвечающих как на любовь, так и на ненависть. Пользуясь творческими находками разных «узлов» сети, каждая новая адаптация вступает в многообразные взаимодействия с другими версиями, пусть даже примыкая к какому-то одному предшественнику.

Ризоматические, сетевые структуры с разных позиций обсуждаются в работах «Адаптационная индустрия» С. Мюррей [Murray 2012], «Расширяя адаптационные сети: от иллюстрации к новеллизации» К. Ньюэлл [Newell 2017], «Трансмедийная адаптация в XIX веке» Л. Лопес Свидки [Lopez Szwedky 2020]. Мюррей интересуется проблема профессиональных интеракций в культурном поле, влияющих на создание, распространение и регулирование популярности текстов. У нее сеть — это не метафора для структуры адаптационной вселенной (как у нас). Сеть — это вид организации креативного труда в социальном пространстве. Лопес Свидки также интересуется этим (с поправкой на XIX век), но в сферу ее интересов попадает и сетевое устройство адаптационных вселенных, ей важно изучать, как тексты в культуре осуществляют важную функцию — переноса смыслов (“to extrapolate meaning through an extensive network of texts and allusions” [2020, p. 14]).

Применительно к текстам наиболее разработанную модель предлагает Ньюэлл. Под адаптационной сетью она понимает следующее: “the aggregate of texts responsible for and generated by a given work” [Newell 2017: 2]. Сеть — это совокупность текстов, которые одновременно генерируются источником и поддерживают его существование, а также существование динамичной сети. Речь идет о поддержке, потому что каждая версия вносит свой вклад в адаптационную вселенную (с ее сетевой структурой). Ньюэлл предлагает обращать внимание на такие аспекты: нарративные элементы (у нее «моменты» — “narrative moments” [Newell 2017: 8]), референции (“reference points” [Newell 2017: 8]) и визуальную образность (у нее «иконографию»), которая ассоциируется с определенной вселенной. То есть предлагается сосредоточить внимание на повторяющихся нарративных, интертекстуальных и визуальных компонентах, которые вписывают новый текст в сеть, делают его частью «совокупности». С опорой на три типа узнаваемых элементов зритель судит о вкладе новой версии в адаптационную вселенную.

Чувственный диалог: контакт с новой медийной средой

Смена парадигмы 2020-х годов (проблематика телесно ориентированных исследований, сенсорной осознанности, изучение «человеческого» внутри цифрового мира) позволит нам рассмотреть еще одно понимание промежуточного положения литературы на экране. Для этого остановимся на контролирующей метафоре чувственного диалога (“a fleshly dialogue”⁹), предложенной в работе «Феноменология кино и адаптация: расширение области чувств»¹⁰ (2021) Д. Ричарда.

Ричард согласен с Хатчен и Стэмом, что адаптация безусловно является палимпсестом, но ее многослойность особого рода: необходимо переключить внимание на чувственное переживание зрителем разных элементов кинотекста, который зрим, звучен, подвижен, тактильно осязаем. Мультисенсорное переживание имеет место при восприятии любого фильма, но адаптация усложняет этот чувственный опыт режимом палимпсеста. Зритель, знакомый с неким текстом-предшественником, выносит из него не столько память о сюжете, характерах и локациях, сколько смутный набор чувствен-

⁹ Предлагаю такой перевод, хотя осознаю важность компонента “flesh”, то есть «плоть», а не «чувство» в этом наименовании, делающем акцент на феноменологическом различии «тела» и «плоти» (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти). Такой перевод возможен, потому что именно тело-плоть соразмерно восприятию, чувственному в своей основе.

¹⁰ В оригинале подзаголовок «расширение области чувств» — это формула “sensuous elaboration”, заимствованная из статьи С. Сонтаг «Воображая катастрофу» [Сонтаг 2014].

ных переживаний: текст ощущался — зрительно, аудиально, тактильно, может быть, создавал вкусовые и ольфакторные впечатления. При знакомстве с новой версией старого сюжета — в другой медийной форме — зрительская/читательская восприимчивость сопоставляет разные версии визуальных, звуковых, тактильных образов, которые, по выражению Ричарда, начинают «тереться» (“rub against one another” [Richard 2021: 13]) друг о друга, производя какие-то новые ощущения, не равные ощущениям от каждого текста по отдельности. Так возникает новый вид палимпсеста (чувственный палимпсест?) или, по выражению Ричарда, “a fleshly dialogue” [Richard 2021: 11].

Зрителя теперь не столько волнует сравнение разных версий или осмысление диалога между текстами. Вступая в контакт с новой медийной версией, аудитории участвуют в производстве промежуточного пространства между собой и фильмом (пусть на фоне знакомства с прошлыми вариациями). Это пространство разных ощущений, когда звук и изображение провоцируют гаптическое восприятие. Звуковая волна буквально «касается» уха слушателя, световые волны — его глаза. Соприкасаясь с фильмом, испытывая телесную «дрожь» (“the frisson”), зритель проходит путь — от интенсивных чувств к пониманию. Подход Ричарда предполагает разговор об адаптациях как чувственных расширениях и варьированиях предыдущих текстов, которые провоцируют яркие зрительские ощущения.

Промежуточное положение адаптации получает при таком подходе еще один смысл. Чувственный диалог происходит в пространстве между нами (как «телом-плотью») и медийной версией. Зритель и адаптация совместно производят не столько даже пространство смыслов, сколько пространство чувств — заряженную среду, позволяющую нам пребывать в «атмосфере» новой версии знакомой истории.

Адаптация как производство несогласия

Представление о палимпсесте позволяет сфокусироваться на работе памяти и воображения, понятие адаптационной вселенной (с сетевой структурой) — на потенциале интеракций в порождении новых версий. Чувственный диалог смещает акцент в сторону непосредственного восприятия, когда между аудиторией и адаптацией создается пространство новых ощущений (и лишь затем — смыслов).

Приспособленческий аспект, вшитый в само слово «адаптирование» (всегда надо что-то к чему-то приладить) заслоняет от нас важную функцию, которую эта практика выполняет в культуре. И эта функция связана с промежуточным положением. Помимо «традиционных» адаптаций существует большое количество версий,

нацеленных на радикальное переосмысление как литературного источника, так и его предшествующих вариантов. Такие версии — провокативные, смелые — обладают особой ценностью, делая промежуточное положение литературы на экране особенно заметным. Они заставляют постоянно помнить о многообразии интерпретаций, заниматься не столько текстами, сколько местами столкновения текстов — таких непохожих в своей попытке осмыслить, казалось бы, один нарратив. Адаптации производят несогласие относительно чувств и смыслов: благодаря своему положению — между — заставляют присматриваться к эффектам этих несогласий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубин Б.В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М., 2010.
2. Каспэ И.М. Классика как коллективный опыт: литература и телесериалы // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М., 2009. С. 452–489.
3. Самутина Н.В. Cult Camp Classics: специфика нормативности и стратегии зрительского восприятия в кинематографе // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М., 2009. С. 490–531.
4. Сонтаг С. Воображая катастрофу // Сонтаг С. Против интерпретации и другие эссе. М., 2014. С. 223–241.
5. Фёдорова Л. Адаптация как симптом: русская классика на постсоветском экране. М., 2022.
6. Bluestone G. Novels into Film: The Metamorphosis of Fiction into Cinema. Baltimore, 2003.
7. Bordwell D., Thompson K., Smith J. Film Art: An Introduction. N.Y., 2020.
8. Bordwell D. Poetics of Cinema. L., 2007.
9. Colon Semenza G. William Oldroyd's *Lady Macbeth*, Shakespeare, and Adaptation Studies // Adaptation. 2021. Vol. 15. № 2. P. 285–303.
10. Elliott K. Theorizing Adaptation. N. Y., 2020.
11. Gorbman C. Unheard Melodies: Narrative Film Music. Bloomington, 1987; 2019.
12. Herman D. Narrative Ways of Worldmaking // Narratology in the Age of Cross-disciplinary Narrative Research / ed. by S. Heinen, R. Sommer. B., 2009. P. 71–87.
13. Hutcheon L. A Theory of Adaptation. L., 2006; (with S. O'Flynn) 2013.
14. Lanier D. Shakespearean Rhizomatics: Adaptation, Ethics, Value // Shakespeare and the Ethics of Appropriation. Ed. by A. Huang and E. Rivlin. N. Y., 2014. P. 21–40.
15. Leitch T. The History of American Literature on Film. N.Y., L., 2019.
16. Lopez Szwydky L. Transmedia Adaptation in the Nineteenth Century. Columbus, 2020.
17. Marks L.U. The Skin of the Film: Intercultural Cinema, Embodiment, and the Senses. Durham, 2000.
18. McCallum R. Screen Adaptations and the Politics of Childhood. L., 2018.
19. Meikle K. A Theory of Adaptation Audiences // Literature/Film Quarterly. 2017. Vol. 45. No 4. URL: https://lfq.salisbury.edu/~issues/45_4/a_theory_of_adaptation_audiences.html (дата обращения: 25.08.2024)
20. Mittell J. Complex TV: The Poetics of Contemporary Television Storytelling. N.Y., 2015.

21. Monk C. *Heritage Film Audiences: Period Films and Contemporary Audiences in the UK*. Edinburgh, 2011.
22. Murray S. *The Adaptation Industry: The Cultural Economy of Contemporary Literary Adaptation*. L., N.Y., 2012.
23. Newell K. *Expanding Adaptation Networks: From Illustration to Novelization*. L., 2017.
24. Richard D. *Film Phenomenology and Adaptation*. Amsterdam, 2021.
25. Ryan M.-L. Will new media produce new narratives? // *Narrative across media: The Languages of Storytelling* / ed. by M.-L. Ryan. Lincoln, 2004. P. 337–359.
26. Sanders J. *Adaptation and Appropriation*. N. Y., L., 2015.
27. Sobchack V. *Carnal Thoughts: Embodiment and Moving Image Culture*. Berkeley, 2004.
28. Sullivan E. *Shakespeare and Digital Performance in Practice*. Cham, 2022.
29. Wilkins Ch. Intangibility and Selfhood: *Westworld* as Allegory for Adaptation in the Digital Age // *Adaptation*. 2023. Vol. 16. № 2. P. 214–230.

REFERENCES

1. Dubin B.V. *Klassika, posle i ryadom: Sociologicheskie ocherki o literature i kul'ture*. [Classics, Afterwards and Nearby: Sociological Essays on Literature and Culture]. Moscow: *New Literary Review Publ.*, 2010. 345 p. (In Russ.)
2. Kaspe I.M. *Klassika kak kollektivnyj opyt: literatura i teleserialy* [Classics as a Collective Experience: Literature and TV Serials]. In: *Klassika i klassiki v social'nom i gumanitarnom znanii*. [Classic Texts and Classic Authors in Social and Humanitarian Knowledge]. Moscow: *New Literary Review Publ.*, 2009. P. 452–489. (In Russ.)
3. Samutina N.V. *Cult Camp Classics: specifika normativnosti i strategii zritel'skogo vospriyatiya v kinematografe* [Cult Camp Classics: The Specifics of Normativity and the Strategy of Audience Perception in Cinema]. In: *Klassika i klassiki v social'nom i gumanitarnom znanii* [Classic Texts and Classic Authors in Social and Humanitarian Knowledge]. Moscow: *New Literary Review Publ.*, 2009. P. 490–531. (In Russ.)
4. Sontag S. *Voobrazhaya katastrofu* [Imagining a Catastrophe]. In: Sontag S. *Protiv interpretacii i drugie esse* [Against Interpretation and Other Essays]. Moscow, Ad Marginem Press, 2014. P. 223–241. (In Russ.)
5. Fyodorova L. *Adaptaciya kak simptom: russkaya klassika na postsovet'skom ekrane* [Adaptation as a symptom: Russian classics on the post-Soviet screen]. Moscow: *New Literary Review Publ.*, 2022. 368 p. (In Russ.)
6. Bluestone G. *Novels into Film: The Metamorphosis of Fiction into Cinema*. Berkeley: *University of California Press*, 1957. 237 p.
7. Bordwell D., Thompson K., Smith J. *Film Art: An Introduction*. N.Y.: *McGraw-Hill Education*, 2020. 494 p.
8. Bordwell D. *Poetics of Cinema*. L.: *Routledge*, 2007. 512 p.
9. Colon Semenza G. William Oldroyd's *Lady Macbeth*, Shakespeare, and Adaptation Studies. *Adaptation*. 2021. Vol. 15. №2. P. 285–303.
10. Elliott K. *Theorizing Adaptation*. N. Y.: *Oxford University Press*, 2020. 362 p.
11. Gorbman C. *Unheard Melodies: Narrative Film Music*. Bloomington: *Indiana University Press* 1987. 190 p.
12. Herman D. Narrative Ways of Worldmaking. In: *Narratology in the Age of Cross-disciplinary Narrative Research* / ed. by S. Heinen, R. Sommer. B.: *Walter de Gruyter*, 2009. P. 71–87.
13. Hutcheon L. *A Theory of Adaptation*. London: *Routledge*, 2006. 232 p.; (with S. O'Flynn) 2013. 273 p.

14. Lanier D. Shakespearean Rhizomatics: Adaptation, Ethics, Value. In: *Shakespeare and the Ethics of Appropriation*. Ed. by A. Huang and E. Rivlin. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2014. P. 21–40.
15. Leitch T. *The History of American Literature on Film*. N.Y., London: Bloomsbury Academic, 2019. 466 p.
16. Lopez Szwydky L. *Transmedia Adaptation in the Nineteenth Century*. Columbus: Ohio State University Press, 2020. 250 p.
17. Marks L.U. *The Skin of the Film: Intercultural Cinema, Embodiment, and the Senses*. Durham: Duke University Press, 2000. 298 p.
18. McCallum R. *Screen Adaptations and the Politics of Childhood*. London: Palgrave Macmillan, 2018. 280 p.
19. Meikle K. A Theory of Adaptation Audiences. *Literature/Film Quarterly*. 2017. Vol. 45. No4. URL: https://lfq.salisbury.edu/_issues/45_4/a_theory_of_adaptation_audiences.html
20. Mittell J. *Complex TV: The Poetics of Contemporary Television Storytelling*. N.Y.: NYU Press, 2015. 416 p.
21. Monk C. *Heritage Film Audiences: Period Films and Contemporary Audiences in the UK*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. 248 p.
22. Murray S. *The Adaptation Industry: The Cultural Economy of Contemporary Literary Adaptation*. London, N. Y.: Routledge, 2012. 288 p.
23. Newell K. *Expanding Adaptation Networks: From Illustration to Novelization*. London: Palgrave Macmillan, 2017. 240 p.
24. Richard D. *Film Phenomenology and Adaptation*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021. 248 p.
25. Ryan M.-L. Will new media produce new narratives? In: *Narrative across media: The languages of storytelling* / ed. by M.-L. Ryan. Lincoln: University of Nebraska Press, 2004. P. 337–359.
26. Sanders J. *Adaptation and Appropriation*. N.Y., London: Routledge, 2015. 254 p.
27. Sobchack V. *Carnal Thoughts: Embodiment and Moving Image Culture*. Berkeley: University of California Press, 2004. 328 p.
28. Sullivan E. *Shakespeare and Digital Performance in Practice*. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. 249 p.
29. Wilkins Ch. Intangibility and Selfhood: *Westworld* as Allegory for Adaptation in the Digital Age. *Adaptation*. 2023. Vol.16. № 2. P. 214–230.

Поступила в редакцию 03.12.2024

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 05.05.2025

Received 03.12.2024

Accepted 22.04.2025

Revised 05.05.2025

ОБ АВТОРЕ

Рыбина Полина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; rybina_polina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Polina Rybina — PhD, Associate Professor, Department of Discourse and Communication Studies, Lomonosov Moscow State University; rybina_polina@mail.ru

ФЕНОМЕН МЕТАПОВЕСТВОВАНИЯ И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В РОМАНЕ Р.В. СЕНЧИНА «ИНФОРМАЦИЯ»

Янь Кунь

*Пекинский университет иностранных языков, Пекин, КНР;
yankun1207@gmail.com*

Аннотация: В статье автор анализирует феномен метаповествования в романе — «хронике жизненных событий отдельного человека и общества в целом», романе-«размышлении» «Информация». Для экзистенциальной «наполненности» произведения писатель использует метаповествовательные приемы, которые помогают ему раскрыть сложные взаимоотношения между вымыслом и реальностью. Олег Свечин, будучи альтер эго автора, выражает его личностную позицию и литературное мировоззрение. Однако данный роман нельзя назвать строго автобиографичным. Через саморазоблачение автора, нелинейное повествование и «избирательную» интеграцию автобиографических элементов Сенчин создает многослойный текст, который предлагает читателю не просто следовать сюжету, но и критически осмыслить сам процесс создания художественной реальности. Роман активно вовлекает читателя в рефлексию по поводу природы литературного творчества, роли писателя, его ответственности и влияния на восприятие окружающего мира. Метаповествовательный прием в «Информации» не только разрушает иллюзию реалистичности, но и служит инструментом глубокого исследования человеческого опыта в контексте актуальных социальных и культурных изменений. Литературно-художественные и философско-содержательные особенности романа, объединение элементов реализма и постмодернизма делают «Информацию» знаковым произведением в рамках новой российской прозы, предлагающим уникальную перспективу взаимодействия литературы, реальности и человеческого сознания.

Ключевые слова: метаповествование; автобиографизм; Р.В. Сенчин; новый реализм; «Информация»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-15

Для цитирования: Янь Кунь. Феномен метаповествования и его художественное воплощение в романе Р.В. Сенчина «Информация» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 171–181.

THE PHENOMENON OF METAFICTION AND ITS ARTISTIC EMBODIMENT IN ROMAN SENCHIN'S NOVEL *INFORMATION*

Yan Kun

Beijing Foreign Studies University, Beijing, China; yankun1207@gmail.com

Abstract: In this article, the author analyzes the phenomenon of metanarration in the novel *Information*, which serves as both a “chronicle of the life events of an individual and society as a whole” and a “novel of reflection.” To imbue the work with existential “depth”, the author employs metanarrative techniques that help to reveal the complex relationships between fiction and reality. Oleg Svechin, as the author’s alter ego, reflects his personal stance and literary worldview. However, this novel cannot be classified as strictly autobiographical. Through self-revelation, non-linear narration, and the “selective” integration of autobiographical elements, Senchin creates a multilayered text that invites the reader not only to follow the plot but also to critically reflect on the process of creating artistic reality itself. The novel actively engages the reader in reflection on the nature of literary creation, the role of the writer, and the writer’s responsibility and influence on the perception of the surrounding world. The metanarrative technique in *Information* not only disrupts the illusion of realism but also serves as a tool for deeply exploring human experience within the context of current social and cultural changes. The novel’s literary-artistic and philosophical content, along with its blend of realism and postmodernism, make *Information* a significant work within contemporary Russian prose, offering a unique perspective on the interaction between literature, reality, and human consciousness.

Keywords: metafiction; autobiography; R.V. Senchin; new realism; *Information*

For citation: Yan Kun (2025). The Phenomenon of Metafiction and Its Artistic Embodiment in Roman Senchin’s Novel *Information*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, p. 171–181.

Введение

На сегодняшний день исследования творчества Романа Сенчина в России главным образом сосредоточены на его реалистическом подходе и способности отражать социальные и экономические проблемы постсоветской России. В частности, романы «Елтышевы» и «Зона затопления» привлекли внимание благодаря детальному изображению кризисов морали и идентичности. Российские литературоведы, такие как Т.А. Пономарева, подробно анализируют ключевые темы и художественные особенности этих произведений, включая концепты «дом» и «семья», а также типы «маргинальных героев» [Пономарева 2015, 2017]. Отмечается значительный интерес к сравнительному анализу романа «Зона затопления» с «Прощани-

ем с Матёрой» Валентина Распутина, что позволяет проследить развитие и трансформацию традиций русской деревенской прозы [Ковтун 2017; Мартазанов 2023].

Кроме того, особое внимание уделяется новому реалистическому движению, в контексте которого рассматривается творчество Сенчина. Такие исследователи, как Е.М. Ротай, систематически изучают художественное мировоззрение Сенчина и его роль в развитии «нового реализма» [Ротай 2013]. Недавние исследования, такие как работа Ван Цзяо «Стратегии автобиографической наррации в современной русской прозе», подчеркивают важность автобиографической наррации в произведениях Сенчина. Ван Цзяо отмечает, что в таких произведениях, как «Минус», автобиографические элементы сочетаются с художественными и психологическими аспектами [Ван Цзяо 2022].

В Китае исследования Романа Сенчина начались в контексте изучения современной российской литературы, особенно после публикации перевода его романа «Елтышевы» на китайском языке в 2014 году. Китайские исследователи, такие как 张俊翔 (Zhang Junxiang), в своих работах подробно анализируют художественные особенности и тематические элементы произведений Сенчина. В частности, 张俊翔 в своих статьях и монографиях подчеркивает важность реалистического изображения сельской жизни и моральных проблем, с которыми сталкиваются герои Сенчина [张俊翔 2017, 2019].

Роман «Информация», опубликованный в 2011 году, представляет собой значительное отклонение от реалистической и автобиографической направленности предыдущих произведений Сенчина. В этом произведении автор активно использует метаповествовательные техники, что позволяет ему создать сложный, многослойный текст, предлагающий читателю новый уровень вовлеченности и осмысления. Эти элементы нарушают привычные реалистические конвенции и вводят уникальный метауровень, который позволяет исследовать границы между вымыслом и реальностью.

Отсутствие исследований, посвященных анализу метаповествовательных приемов в «Информации», ведет к недостаточному пониманию этих уникальных повествовательных стратегий. Цель данной статьи — проанализировать использование метаповествовательного подхода в романе «Информация» и выяснить, как эта стратегия сочетается с основными темами и проблематикой его творчества.

Саморазоблачение автора: повествовательные техники

Термин «метапроза», или «метаповествование», обозначает произведения, которые рефлексиируют над своим созданием, размывая

границы между вымышленным миром произведения и миром литературного творчества [Тамарченко 2008: 119]. Такие тексты часто содержат авторские комментарии, подчеркивающие фикциональность повествования и нарушающие традиционные повествовательные границы. Уильям Гасс ввел этот термин в 1970 году [Gass 1978], а Линда Хатчен описывает метапрозу как «прозу о прозе», акцентирующую внимание на своем собственном повествовании [Hutcheon 1984]. Подобные подходы подчеркивают границу между вымыслом и реальностью, делая читателя соучастником художественного эксперимента [Waugh 1984].

Российские теоретики литературы, такие как В.Б. Зусева-Озкан и М.Н. Липовецкий, акцентируют внимание на роли метапрозы в осмыслении литературного процесса. Зусева-Озкан выделяет метароман как форму метапрозы, которая позволяет читателю заглянуть за кулисы литературного творчества, наблюдая, как автор создает и изменяет нарратив [Зусева-Озкан 2007: 36]. Липовецкий выделяет такие ключевые признаки метапрозы, как тематизация процесса творчества, высокая степень рефлексии автора и «обнажение приема», что делает литературу объектом размышлений о ее природе и восприятии [Липовецкий, 1997: 45–46].

Обнажение приема, являющееся центральным элементом метаповествовательной литературы, включает в себя осознанное выявление автором вымышленного характера произведения. Этот подход часто выражается через такие приемы, как «появление автора», «вмешательство автора» или «вторжение автора». Здесь автор не только ведет рассказ, но и активно обсуждает используемые повествовательные техники и приемы, что подчеркивает процесс создания текста и его искусственный характер. В противоположность традиционным реалистическим романам, которые создают иллюзию объективного и достоверного отображения действительности, метаповествование направлено на разрушение этой иллюзии. В «Информации» Сенчина саморазоблачение автора проявляется через непосредственные обращения к читателю, где автор открыто размышляет о своем повествовании и способах его построения: «Сейчас я сижу перед ноутбуком в темном кубике помещения... мне нужно записать все, что случилось со мной за последние четыре года...» [Сенчин 2011: 399]. Этот пример показывает, что рассказчик не только излагает события, но и позволяет читателю заглянуть за кулисы творческого процесса, тем самым подчеркивая субъективность и фрагментарность восприятия.

Такое открытое вмешательство автора разрушает традиционные повествовательные границы, превращая читателя в соучастника творческого процесса. Это позволяет автору не только раскрыть

и обсудить свои методы, но и превратить сам процесс создания текста в его содержательную часть. Рассказчик признается: «Я пишу романы именно таким образом, и никаким другим» [Сенчин 2011: 252], что подчеркивает осознанную манипуляцию реальностью и указывает на искусственность повествования. Подобное самораскрытие создает эффект ненадежного повествования, где разрушаются традиционные представления о последовательности и правдивости событий, а читатель вынужден критически переосмысливать предлагаемые ему факты.

В «Информации» использование метаповествовательных техник создает множественные повествовательные уровни, которые углубляют восприятие читателем сложности разграничения между вымыслом и реальностью. Основной повествовательный уровень, представленный воспоминаниями и записями главного героя, подвергается постоянному сомнению, что подчеркивает невозможность точной фиксации реальности из-за ограничений повествовательной формы. Рассказчик, признавая: «Просмотрел предыдущие сто сорок с лишним страниц и увидел — не так пишу о том, что заставило сесть за ноутбук...» [Сенчин 2011: 252], демонстрирует разрыв между желанием точно передать события и осознанием того, что любое повествование неизбежно субъективно и избирательно.

Кроме того, Сенчин активно использует фрагментированное повествование и нелинейную хронологию, чтобы отразить сложность и многообразие реальной жизни. Рассказчик, пытаясь зафиксировать свои переживания, признает: «Дальнейшие события я буду описывать, скорее всего, схематически, пунктирно... не получается разложить в хронологическом порядке, выбрать основное...» [Сенчин 2011: 399]. Это не просто структурная особенность, а осознанный выбор, который подчеркивает многослойность и многозначность повествования, делая его открытым к различным интерпретациям.

Метаповествование в «Информации» создает открытое, многослойное художественное пространство, где границы между реальностью и вымыслом становятся размытыми. Такое повествование не только углубляет взаимодействие между автором и читателем, но и позволяет рассматривать роман как экспериментальное исследование возможностей художественной прозы.

Соотношение между вымыслом и реальностью

Сенчин использует метаповествовательные приемы не только для того, чтобы размыть границы между вымыслом и реальностью, но и для того, чтобы подчеркнуть их взаимопроникновение. Как отмечает Патриция Во, метапроза не забывает о реальном мире, а напротив, показывает, что и литературный вымысел, и реальная

жизнь строятся на схожих принципах [Waugh 1984: 18–19]. Жизненный путь главного героя тесно переплетен с реальными историческими событиями, что усиливает ощущение достоверности. Например, упоминание глобального финансового кризиса 2008 года: «В октябре две тысячи восьмого мировой финансовый кризис уже вовсю бушевал в России» [Сенчин 2011: 300], или описание таких событий, как война в Южной Осетии и Пекинская Олимпиада. Эти элементы служат не только фоном, но и активным участником повествования, влияя на развитие сюжета и персонажей.

Персонажи романа обсуждают культурные явления, такие как фильмы «Американский психопат» и «Бойцовский клуб», что еще больше стирает грань между вымыслом и реальностью. Эти обсуждения демонстрируют, как личные жизни героев вплетены в ткань мировой истории, показывая, что граница между литературой и жизнью подвижна и неопределенна.

Использование «романа — потока повседневной жизни» является отличительной чертой Сенчина, что позволяет ему возвращать читателя к повседневной реальности, избегая прямых оценок. Например, сцена офисной жизни: «Гудят вентиляторы, шелестят клавиши...» [Сенчин 2011: 114], через которую передается атмосфера повседневности, подчеркивает хаотичность и бессистемность современной жизни. Этот подход позволяет писателю создать впечатление, что жизнь течет естественно и непринужденно, что характеризует его прозу как произведение реалистическое. В отличие от чисто постмодернистских текстов, которые могут теряться в языковой игре и абстракции, Сенчин создает повествование, глубоко укорененное в реальности. Несмотря на осознание фиктивности происходящего, мир, созданный в романе, сохраняет ощущение подлинности и достоверности. Такой подход делает произведения писателя важным вкладом в литературу, находящуюся на стыке реализма и метапрозы.

Автобиографические элементы

Поэтика Сенчина характеризуется яркостью и четкостью — он всегда ясно понимает, какое произведение хочет создать. В его автобиографических работах главные герои часто напоминают самого автора, что становится отличительной чертой его творчества. Роман «Информация» представляет собой эксперимент на стыке традиционного повествования и современных литературных техник. Хотя в произведении используются элементы метапрозы, содержание и тематика сохраняют автобиографическую направленность, которая, однако, проявляется в более сложной и многослойной форме.

В «Информации» два персонажа, журналист и писатель Свечин, могут быть восприняты как альтер эго автора. Биография журналиста частично перекликается с жизнью Сенчина: переезд, неудачные отношения, восприятие распада СССР и кризис среднего возраста. Персонаж Свечин, чья фамилия созвучна с «Сенчин», добавляет элемент самоиронии и связывает вымышленный мир с реальной жизнью автора через упоминания реальных фигур современной российской литературы.

«Среди авторов я обнаруживал Свечина, и его рассказы были так же бесцветны, а манифесты так же задиристы и наглы, как у этих двадцатилетних дебютантов. Мне хотелось позвонить ему и сказать, что в тридцать пять нужно быть как-нибудь поумнее» [Сенчин 2011: 207]. Таким образом, «Я» и «Свечин» — это две стороны личности автора. Сенчин через главного героя-рассказчика демонстрирует свой собственный творческий процесс и замыслы, а через Свечина выражает свои взгляды на традиционную и современную литературу, переосмысливая свои литературные принципы и в известной степени отвечая на критику современников.

Использование альтер эго — ключевой элемент метапрозы, создающий пространство для обсуждения литературных и философских вопросов, актуальных для автора. Такое взаимодействие с читателем подчеркивает искусственность литературного процесса и характерно для постмодернистской метапрозы.

Метаповествовательные приемы Романа Сенчина не ограничиваются только романом «Информация». В его литературной карьере наблюдается тенденция к созданию многоуровневой нарративной структуры, где зеркальные персонажи тесно переплетаются с реальной личностью автора, становясь важным элементом метаповествования в его произведениях. Например, Олег Свечин («Информация», 2011; «Русская зима», 2022; «Детонация», 2022), Роман Сэн («Первая девушка», 2010; «Говорят, что нас там примут», 2009; «Сутки», 2013), Денис Чашин («Лёд под ногами», 2010), Андрей Топкин («Дождь в Париже», 2018), Игорь Свиринов («Очнулся», 2020), Алексей Маркин («Погружение», 2009) — эти персонажи не просто участники событий, а своего рода альтернативные личности автора. В качестве его отражений они не только формируют структуру повествования, но и выполняют метаповествовательную функцию, выступая в роли посредников между реальным и вымышленным мирами.

В «Информации» метаповествование трансформирует текст в многослойное произведение, содержащее размышления о роли литературы в современном мире. Альтер эго позволяет Сенчину исследовать вопросы авторства, взаимодействия с читателями и авторской идентичности. Это создает диалог между текстом и чита-

телем, побуждая к активной интерпретации и осмыслению прочитанного.

Таким образом, «Информация» — это не только размышление о литературном опыте, но и упражнение в литературном мастерстве. Название романа перекликается с его содержанием, где запись событий жизни героя становится основным сюжетом. После публикации романа «Информация», где впервые появляется Олег Свечин как другое «я» автора, этот персонаж начинает регулярно фигурировать и в других произведениях Сенчина. Например, в сборнике рассказов «Петля» (2020), романе «Русская зима» (2022) и рассказе «Детонация» (2022). Интересно, что Свечин описывается на разных этапах своей жизни, создавая многослойную автобиографическую мозаичную картину.

Повторное использование этих зеркальных персонажей подчеркивает глубокие размышления писателя о себе и окружающей действительности, особенно о его личном ощущении «расколотости». Такой подход не только придает его произведениям многоуровневую структуру и глубину, особенно в контексте вопросов идентичности, внутренних конфликтов и творческих страданий, но и позволяет читателям на разных уровнях ощутить эволюцию автора, что может рассматриваться как рефлексия над самим процессом творчества.

Использование образа Свечина представляет собой новый способ проявления метапрозы, в котором акцент делается на создании автобиографического образа через последовательность произведений, а не через единую текстовую структуру.

Примечательно, что персонаж Олег Свечин появляется и в произведениях других авторов, например, в книге Анны Козловой «Превед победителю». Такое перекрестное использование персонажа подчеркивает его значимость как символа не только в творчестве Сенчина, но и в более широком литературном контексте, создавая метатекстуальную сеть. Кроме того, сам Сенчин становится героем рассказа Александра Карасёва «Серёжки», что углубляет метаповествовательные связи, показывая, как личность автора интегрируется в культурный и литературный дискурс.

Развитие автобиографического образа подчеркивает уникальность подхода Сенчина к литературному творчеству. Даже если в последующих произведениях отсутствует явное метаповествование, Сенчин продолжает исследовать сложные взаимоотношения между писателем и его творением, автором и его альтер эго, читателем и текстом.

Заключение

В романе Романа Сенчина «Информация» метаповествовательные приемы не только размывают границы между вымыслом и реальностью, но и создают сложный повествовательный уровень, исследующий природу литературного процесса. Используя автобиографические элементы и персонажа — альтер эго Олега Свечина, Сенчин раскрывает многослойность человеческого опыта, демонстрируя, как литература служит средством самопознания и самовыражения.

Роман «Информация» сочетает реализм с элементами метапрозы, что позволяет автору критически осмыслить процесс повествования и его влияние на восприятие реальности. Введение реальных исторических событий и культурных явлений не только укрепляет аутентичность повествования, но и подчеркивает важность контекста в формировании литературного текста. Сенчин приглашает читателя не просто следовать за сюжетом, но и задуматься о роли автора, читателя и самого текста в создании и интерпретации смысла.

Таким образом, «Информация» становится не просто литературным экспериментом, но и важным шагом в творческой эволюции Сенчина, демонстрируя его стремление к расширению границ традиционного повествования и к поиску новых форм выражения, которые позволяют глубже осмыслить реалии современного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Липовецкий М.Н.* Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург, 1997.
2. *Мартазанов А.М.* Диалог с В. Распутиным в романе Р. Сенчина «Зона затопления» // МНКО. 2023. № 1 С. 447–449.
3. *Пономарева Т.А.* Концепты «Дом» и «Семья» в романе Р. Сенчина «Ёлтышевы» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. №7. С. 58–61.
4. *Пономарева Т.А.* Маргинальный герой в прозе Р. Сенчина // Вестник РУДН. Литературоведение. Журналистика. 2017. Том 22. № 2. С. 274–281.
5. *Ротай Е.М.* «Новый реализм» в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2013.
6. *Сенчин Р.В.* Информация. М., 2011.
7. *Тамарченко Н.Д. (ред.)* Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008.
8. *Ковтун Н.В.* Историоризация мифа: от благословенной Матеры к Пылево... (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 4. С. 81–87.
9. *Ван Цзяо.* Стратегии автобиографической наррации в современной русской прозе (Р. Киреев, А. Чудаков, Р. Сенчин): дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2022.

10. Зусева-Озкан В.В. Инвариантная структура и типология метаромана // Вестник РГГУ. Серия «Литература. Фольклористика». 2007. № 7 (07). С. 35–44.
11. Gass W.H. *Fiction and the Figures of Life*. Boston, 1971.
12. Hutcheon L. *Narcissistic Narrative: The Metafictional Paradox*. N.Y., 1984.
13. Waugh P. *Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction*. London, 1984.
14. 张俊翔. 直面被世相遮蔽的凋匮与殇痛——论罗曼·先钦的农村小说. 外国文学动态研究, 2017. № 2. С. 28–36.
15. 张俊翔. 俄罗斯“三十岁一代”作家研究. 南京大学出版社, 2019.

REFERENCES

1. Lipovetsky M.N. *Russkii postmodernizm. (Ocherki istoricheskoi poetiki)* [Russian Postmodernism. (Essays on Historical Poetics)]. Ekaterinburg, 1997. 317 p. (In Russ.)
2. Martazanov A.M. Dialog s V. Rasputinym v romane R. Senchina «Zona zatopeniya» [Dialogue with V. Rasputin in R. Senchin's Novel "The Flood Zone"]. *MNKO*. 2023, no. 1, pp. 447–449. (In Russ.)
3. Ponomareva T.A. Kontsepty «Dom» i «Sem'ya» v romane R. Senchina «Yeltyshevy» [Concepts of "Home" and "Family" in R. Senchin's Novel "Yeltyshevy"]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015, no. 7, pp. 58–61. (In Russ.)
4. Ponomareva T.A. Marginal'nyi geroi v proze R. Senchina [The Marginal Hero in R. Senchin's Prose]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2017, vol. 22, no. 2, pp. 274–281. (In Russ.)
5. Rotai E.M. «Novyi realizm» v sovremennoi russkoi proze: khudozhestvennoe mirovozzrenie R. Senchina, Z. Prilepina, S. Shargunova ["New Realism" in Contemporary Russian Prose: Artistic Worldview of R. Senchin, Z. Prilepin, S. Shargunov]: dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2013. 178 p. (In Russ.)
6. Senchin R.V. *Informatsiya* [Information]. Moscow, 2011. 448 p. (In Russ.)
7. Tamarchenko N.D. (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii* [Poetics: Dictionary of Relevant Terms and Concepts]. Moscow, 2008. 358 p. (In Russ.)
8. Kovtun N.V. Istorizatsiya mifa: ot blagoslovennoi Matery k Pylevo... (ob avtorskom dialoge V. Rasputina i R. Senchina) [Historization of Myth: From the Blessed Matera to Pylevo... (on the Author's Dialogue of V. Rasputin and R. Senchin)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 2017, no. 4, pp. 81–87. (In Russ.)
9. Wang, Jiao. *Strategii avtobiograficheskoi narratsii v sovremennoi russkoi proze (R. Kireev, A. Chudakov, R. Senchin)* [Strategies of Autobiographical Narration in Contemporary Russian Prose (R. Kireev, A. Chudakov, R. Senchin)]: dis. ... dokt. filol. nauk. Krasnodar, 2022. 183 p. (In Russ.)
10. Zuseva-Ozkan V.B. Invariantnaya struktura i tipologiya metaromana [Invariant Structure and Typology of the Metanovel]. *RGGU Bulletin. Literature, Folklore Series*. 2007, no. 7(07), pp. 35–44. (In Russ.)
11. Gass W.H. *Fiction and the Figures of Life*. Boston, 1971. 288 p.
12. Hutcheon L. *Narcissistic Narrative: The Metafictional Paradox*. New York, 1984. 168 p.
13. Waugh P. *Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction*. London, 1984. 188 p.
14. Zhang, Junxiang. Zhi mian bei shi xiang zhe bi de diao kui yu shang tong — Lun Luoman Xianqin de nongcun xiaoshuo [Facing the Decline and Sorrow Veiled by the World — On Roman Senchin's Rural Novels]. *Wai Guo Wen Xue Dong Tai Yan Jiu*, 2017, no. 2, pp. 28–36. (In Chinese.)

15. Zhang, Junxiang. *Eluosi "sanshi sui yi dai" zuojia yanjiu* [Study of Russian Writers of the "Thirty-Year-Old Generation"]. Nanjing: Nanjing Daxue Chubanshe, 2019. 301 p. (In Chinese.)

Поступила в редакцию 06.08.2024

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 05.05.2025

Received 06.08.2024

Accepted 22.04.2025

Revised 05.05.2025

ОБ АВТОРЕ

Янь Кунь — докторант Института русского языка Пекинского университета иностранных языков; yankun1207@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Yan Kun — PhD Student, School of Russian, Beijing Foreign Studies University; yankun1207@gmail.com

ЭССЕ ЛУИ АРАГОНА «РИФМА В 1940»: ОТ ИСТОРИИ СТИХА К ДИСКУРСУ КОНТРАБАНДНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Е.М. Белавина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; kat-belavina@yandex.ru*

Аннотация: В статье анализируются вербальные стратегии Луи Арагона, активного участника движения Сопротивления, внесшего значительный вклад в освобождение Франции и способствовавшего приближению мира, в эссе «Рифма в 1940», которое является примером тесной взаимосвязи поэтических и политических установок. Анализируется трансформация версификации и стилистики Арагона после 1927 г. (имели значение факторы культурного трансфера при контакте с русской и советской поэзией: вступление в компартию, женитьба на Эльзе Триоле, «воспитание слуха» восприятием силлаботоники на слух). Полемика вокруг использования рифмы в стихах Арагона в нашей стране не освещалась. В статье приводятся аргументы противников Арагона (Ж. Рибемон-Дессень, Б. Пере). Поэтика эссе Луи Арагона «Рифма в 1940», включенного в качестве предисловия в поэтический сборник «Нож в сердце» (*Crève-cœur*, 1941) и явившегося ответом на критическую риторику, впервые комплексно рассматривается в связи с историко-художественным контекстом. В статье проанализированы способы аргументации использования рифмы и расширения рифменных стратегий, используемые Арагоном с опорой на цитаты Малларме, Верлена, Аполлинера, песен и примеры из собственных стихотворений. Арагон использует разные виды иносказания, которые помогли избежать цензуры: метафоры и аллюзии (дискурс контрабандного воздействия). Видя единство литературного процесса в неразрывной связи с политическим контекстом, Арагон возводит слоговую рифму (звуковой повтор приходится на середину слова *battre / là-bas//trop*) к анжамбеману, использованному Гюго в драме «Эрнани», направленной против королевского произвола. Арагон, говоря о рифме, использует метафоры, связанные со здоровьем (болезнь, исцеление), представляя рифму как некое живое существо, достойное внимания и любви. Возвращение к мнемотехникам, выработанным национальной системой стихосложения, с расширением возможностей рифмы, обеспечило быстрое вхождение текстов в коллективную память при передаче стихотворений из уст в уста в момент затруднения печатных публикаций. Творчество Арагона хорошо изучено в нашей стране, но эссе о рифме не было переведено, поскольку обилие стихотворных цитат и аргументация, связанная со спецификой их звуковой организации, затрудняет перевод.

Ключевые слова: Арагон; современная французская поэзия; рифма

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-16

Для цитирования: Белавина Е.М. Эссе Луи Арагона «Рифма в 1940»: от истории стиха к дискурсу контрабандного воздействия // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 182–195.

LOUIS ARAGON'S ESSAY "RHYME IN 1940": FROM THE HISTORY OF VERSE TO THE DISCOURSE OF CONTRABAND INFLUENCE

E. Belavina

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; kat-belavina@yandex.ru

Abstract: The article analyses the verbal strategies of Louis Aragon, an active participant of the Resistance movement, who made a significant contribution to the liberation of France and contributed to the approach of peace, in his essay "Rhyme in 1940", which is an example of the close relationship between poetic and political attitudes. The transformation of Aragon's versioning and stylistics after 1927 is analysed (cultural transfer factors in contact with Russian and Soviet poetry: joining the Communist Party, marriage to Elsa Triolet, 'ear training' by listening to accentual-syllabic poetry). The controversy surrounding the use of rhyme in Aragon's poems has not been covered in our country. The article presents the arguments of Aragon's opponents (G. Ribemont-Dessaignes, B. Peret). The poetics of Louis Aragon's essay "Rhyme in 1940", included as a preface in his poetry collection *Knife in the Heart* (*Crève-cœur*, 1941), which was a response to critical rhetoric, is for the first time comprehensively examined in connection with the historical and artistic context. The article analyses Aragon's ways of arguing for the use of rhyme and expanding rhyme strategies, drawing on quotations from Mallarmé, Verlaine, Apollinaire, songs, and examples from his own poems. Aragon uses different types of circumlocution, which helped to avoid censorship: metaphors and allusions (discourse of contraband influence).

Seeing the unity of the literary process as inextricably linked to the political context, Aragon elevates broken rhyme to the enjambement used by Hugo in his drama *Hernani* directed against royal arbitrariness. Aragon, speaking of rhyme, uses metaphors related to health (illness, healing), presenting rhyme as a kind of living. The return to the mnemotechniques (national system of versification), with the expansion of the possibilities of rhyme, ensured that texts quickly entered the collective memory when poems were passed from mouth to mouth at a time when print publications were difficult. Aragon's work is well studied in our country, but the essay on rhyme has not been translated because the abundance of poetic quotations and the argumentation associated with the specificity of their sound organisation makes translation difficult.

Keywords: Aragon; rhyme; vers libre; French literature; modern poetry; contemporary poetry

For citation: Belavina E. (2025) Louis Aragon's Essay "Rhyme in 1940": From the History of Verse to the Discourse of Contraband Influence. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 182–195.

І. Введение

Творчество Луи Арагона, во время оккупации Франции принимавшего активное участие в движении Сопротивления, широко известно в нашей стране по переводам стихов и прозы. Катализаторами культурного трансфера (интереса Арагона к СССР, интереса к Арагону в СССР) были политическая деятельность писателя, вступившего вместе с Десносом, Превером, Элюаром и другими поэтами во Французскую коммунистическую партию (ФКП) в 1927 г., знакомство с будущей женой и музой Эльзой Триоле в 1928 г., общение с советскими писателями после посещения СССР в составе интернациональной бригады деятелей литературы в 1932 г. Позиция Арагона — противника истребления, насилия и эксплуатации, защитника свобод человека — сформировалась на фронте (Первая мировая война, Рифская кампания), где он оказывал медицинскую помощь, спасал, а не убивал. Обстоятельства встречи с Андре Бретоном и Филиппом Супо в 1917 г., их общая ненависть к войне, которую они намеренно обходили молчанием, определили протестную поэтику первого (сюрреалистического) периода его творчества.

Т.В. Балашова точно и емко очерчивает специфику перемены в художественном методе писателя: «Арагон, умевший бичевать современных ему “старцев” не менее грубо, чем Тцара, всю жизнь сочетал пристрастие к новаторству с интересом к традициям. Арагон 20-х — непримиримый бунтарь, готовый не только все сбросить с корабля современности, но лихо перевернуть вверх дном сам корабль. Арагон следующего десятилетия — не имеющий себе равных по силе убежденности защитник национальной французской традиции» [Балашова 2019: 20–21].

Стратегиям версификации Арагона посвящены многочисленные исследования, как во Франции, так и в нашей стране¹. Сам поэт указывал на русскую литературу, воспринятую не только глазами

¹ Библиография диссертаций, посвященных Арагону и защищенных во Франции в 1972–2010 гг.: *Bibliographie des thèses soutenues sur Aragon (1972–2010)* — Erita: <https://louisaragon-elsatriolet.fr/2017/06/15/bibliographie-des-theses-soutenues-sur-aragon-1972-2010/> (дата обращения: 17.05.2025). Немаловажные черты взаимоотношений Арагона с российскими писателями раскрыты в исследовании: Ариас-Вихиль М.А. Ромен Роллан и Максим Горький: историко-функциональные и общественно-политические аспекты литературного диалога (по материалам архива А.М. Горького): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2020.

при чтении, но и через чтение вслух и перевод, как на источник вдохновения: «[...] еще в детстве узнал Горького. А рядом с Горьким присутствие Владимира Маяковского... глубинная песнь соединялась с грандиозными романскими замыслами... так сопрягалась любовь моего детства с любовью моей жизни, Эльзой: она научила меня познавать, читать поэзию Маяковского — талантливо переводя его стихи и незаметно обучая меня языку, который она мне подарила, начиная с того, что говорила со мной по-русски “про это”, на языке любви, на языке невероятной “Флейты-позвоночник”» [Арагон 1998: 225].

II. Арагон и рифмованная поэзия

Рифмованная поэзия во Франции вновь обрела полноту звучания под пером Луи Арагона. Поиск средств выражения, обновления поэтического языка привел к неожиданному повороту (“*coup de théâtre*”): двадцать два стихотворения, написанные мобилизованным поэтом с октября 1939 г. по октябрь 1940 г., во время первой разлуки с Эльзой Триоле, произвели большой эффект, показали читателям написанными в другую эпоху [Murat 2012: 201], в особенности в сопоставлении с стихотворениями Поля Элюара и Рене Шара, написанными в тех же исторических обстоятельствах. Вовлечение Арагона в политическое противодействие захватчикам совпало с вектором его интереса к русской литературе и попала в унисон с принципами, озвученными Морисом Торезом на конгрессе коммунистической партии в Арле в 1937 г. (*vers unitaire national*). Стихотворения к моменту публикации уже получили широкое распространение, но не были однозначно восприняты, поскольку верлибр, вышедший на авансцену литературной жизни с 1886 г., к 30-м годам завершил становление и использовался как готовый инструмент, подходящий для любой художественной задачи.

В письме Луи Арагона с первых поэтических (сюрреалистических) опытов было сильно субверсивное начало, «контрабандный бунт»².

² «Это также профессиональный выход из ситуации с возвращением к рифме, бегло описанный Арагоном летом 1940 года, через теоретизацию «контрабандной литературы», для которой он придумал целую генеалогию, уходящую корнями в куртуазную литературу. [...] Это литературное решение стало одним из условий, сделавших возможной подпольную литературу, которая расцвела в маленьких журналах южной зоны, а также благодаря созданию издательства “Editions de Minuit”» [Matonti 2000: 181]. “Контрабандным бунтом” расширительно называется осмысление расшатывания французской версификации как освобождения. Подробнее: Белафина Екатерина Михайловна. Поэтика Поля Верлена и проблема творческого воображения/ [Белафина 2023 : 105-106].

В 1929 г. Арагон пережил глубокий кризис, манера его письма кардинально переменилась.

В 1934 году выходит оптимистическая поэма Арагона «Ура, Урал», затем только после длительного молчания, нескольких лет журналистской деятельности, он публикует в 1939 году стихотворения, которые войдут в сборник «Нож в сердце»³. Выбор эстетики и формы складывался с 20-х годов, о чем свидетельствует интерес Арагона к Аполлинеру, скрытый — к Деборд-Вальмор, Гюго, под маской иронии — к Анри Батаю; средневековая лирика добавилась позднее, после 1935 г. [Murat 2012: 202].

Для некоторых, кто воспринимал верлибр как моральное завоевание на пути поиска нового языка свободной поэзии, не запятанной утилитарным употреблением, метаморфоза Арагона была слишком радикальной. Обращение Арагона к рифме было воспринято как регресс. Исследователь французской поэзии Мишель Мюра подчеркивает, что поэт в этой книге говорит от имени всего народа, используя знакомые рифмы: “Crève-cœur, c’est pour un peuple entier qu’il a fait rimer France avec souffrance et couleurs avec douleurs” [Murat 2012: 201].

Арагон объясняет свой выбор в эссе «Рифма в 1940» (“La rime en 1940”), опубликованном 20 апреля 1940 г. в подпольном журнале *Poètes casqués*:

«Тогда рифма вновь обретает свое достоинство, потому что она вводит новые вещи в прежний высокий язык, который сам по себе — цель, его и называют поэзией. Рифма больше не заслуживает насмешки, потому что она участвует в нуждах реального мира, она звено, связующее вещи с песней, она заставляет вещи петь. Никогда еще, быть может, задача заставлять вещи петь не была столь необходимой, срочной и благородной, как сейчас, когда человек унижен и опозорен, больше, чем когда-либо». [Aragon 2007: 707]

При повторной публикации в сборник «Нож в сердце» (*Le Crève-cœur*, 1941) было включено эссе «Рифма в 1940»⁴ в качестве предисловия.

III. Эссе «Рифма в 1940 году» и споры о рифме и верлибре во Франции

Для Арагона поэзия — это тактический выбор: нужно реагировать немедленно, зажечь своей идеей, «вовлечь» как можно больше людей. Упомянув гонимых поэтов Рембо, Верлена, Малларме, Дес-

³ Журнальная публикация *La N.R.F.*, книга в издательстве Mesures, затем Galimard в коллекции “*Métamorphoses*”, которой руководил Жан Полан.

⁴ Затем в 1942 году в сборнике «Бланш», хотя большинство стихотворений уже получили широкое распространение.

носа, но также Вийона и Гюго, Арагон говорит о слиянии мысли с песней:

Что поэзия возмущает тех, кто не поэт, бесспорно — свидетельство тому жизнь всех поэтов всех времен, и более всех прочих того самого Артюра Рембо, что властвует над современным стихотворением. Преступлением поэтов в глазах тех, кто с радостью изгнал бы их из Республики, считается то, что там, где мысль граничит с песней, они предаются игре, которая ставит в тупик практический разум, подобно тому, как эхо унижает того, кто считает, что гора насмехается над ним. Я имею в виду рифму.

[Aragon 2007: 707]

Негативный дискурс, касающийся возвращения к рифмованной силлабике, вышел на новый виток после окончания войны. Оппоненты Арагона видели в рифмованных стихах пережитки традиционных фоноцентрических моделей, стремились представить их ритмы однообразными, способствующими «штамповке». Писатель, поэт, драматург Ж. Рибемон-Дессень (Georges Ribemont-Dessaignes, 1884–1974) называл традиционные формы старыми литейными формами поэтического цеха (“vieux moules de la fonderie poétique”) [Jarrety 1997: 465]. Бенжамен Пере, вступивший в ФКП в 1927 г., как и другие сюрреалисты, в 1945 г. опубликовал памфлет «Бесчестие поэтов» (*Le déshonneur des poètes*)⁵ в ответ на антологию поэтов движения Сопротивления «Честь поэтов» (*L'Honneur des poètes*, 1943), составленную Полем Элюаром.

Восприятие верлибра как завоевания легло в основу стереотипа, что в СССР верлибр не прижился из-за заключенного в нем неконформизма, а во Франции в 1930-е, 1940-е, 1950-е годы писали в рифму поэты-коммунисты. Риторика содержала подмену понятий: советская идеология считала верлибр не опасным — скорее, не соответствующим ее задачам. Верлибр не предполагает массовости, он предназначен для самостоятельного беззвучного чтения. Происходит незаметная подмена понятий «тоталитарный» и «советский»: в годы Второй мировой войны «в рифму» написаны самые известные стихи Твардовского, Симонова, Эренбурга (в силлаботонике); «в рифму» писали Арагон, Деснос, Элюар, Превер (в силлабике), но движение Сопротивления не поддерживало тоталитарный режим, а создавало общность, способную противостоять режиму оккупантов.

Ангажированная поэзия стремится затронуть как можно более широкий круг читателей или слушателей, быть ясной и легко запоминаться. Для ангажированной поэзии важен четкий ритм, заразительный, даже навязчивый: тогда стих легко повторить, не обяза-

⁵ *Le déshonneur des poètes*, par Benjamin Péret. | Dormira jamais

тельно записывать, он станет передаваться из уст в уста (этим обусловлена установка на звучание, *oralité*).

Арагон цитирует по памяти «Поэтическое искусство» Верлена, обращая внимание, что критический выпад против рифмы оформлен рифмами. Цитата приведена, вероятно, по памяти, поскольку заменено междоимение:

Ah!⁶ qui dira les torts de la rime ? О, кто расскажет рифмы лживость?
Quel enfant sourd ou quel nègre fou Кто — пьяный негр иль кто глухой
Nous a forgé ce joujou d'un sou Нам дал грошовую красоту
Qui sonne creux et faux sous la lime? Игрушки хриплой и пустой?

перевод В. Брюсова [Верлен 2014 II: 374]

Последние 50 лет нелюбви поэтов к рифме (*désaffection de la rime chez les poètes*) Арагон объясняет тем, как использовали рифму после Банвиля эпигоны, пишущие в духе Ростана (“*l’emploi qu’après Banville en firent tous les Edmond Rostand de la terre, atteignit à la négation de sa valeur poétique*”). Обозначив традиционную метрику звукоподражанием *taratata* (“*le taratata des pieds bien comptés du dix-huitième siècle*”), писатель предрекает патологически болтливой поэзии последних лет, связанной с деконструкцией стиха (*déconstruction du vers*), такое же забвение, как и поэзии XVIII века — времени пасторалей.

Выражая невесторженное отношение к силлабическому подсчету слогов, Арагон основное внимание переключает на звуковые повторы, он высоко оценивает словесную игру, описывая панторифму (или олорим, *holorime*) как стих, где всё рифма:

*Gal, amant de la Reine, alla (tour magnanime),
Galamment de l’arène à la Tour Magne, à Nîmes*⁷.

Признавая, что рифма совершенно исчезла из современной поэзии (*sa disparition totale dans la poésie contemporaine*), Арагон задается вопросом об упадке рифмы в стихотворениях и причинах ее сохранности в песне. Арагон объясняет это спецификой ударения во французском языке и сонорной памятью, которая за каждой

⁶ В оригинальном тексте Поля Верлена «Ô!» и Rime с заглавной буквы. [Verlaine 1982: 327]

⁷ Панторифма Марка Монье (1829–1885), традиционно приписываемый В. Гюго, приписан Р. Десносу. Во Франции панторифмы ассоциируются с Альфонсом Алле (1854–1905). Начало XX века в России тоже характеризуется интересом к работе со звуком, границами слова, комбинацией звуков, в частности, к панторифме. Так, например, известная эпиграмма-панторифма, приписываемая Маяковскому, появляется в 1916 году: «Седеет к октябрю сова // — се деют когти Брюсова» [Эткинд 1988: 19]. Примечательно, что звуковые повторы изучал Осип Максимович Брик, муж Лили Брик, сестры Эльзы (см. [Брик 1917: 24–62]).

парой рифм заставляет слышать эхо предыдущих использований: «Деградация французской рифмы происходит оттого, что она фиксирована, что все рифмы известны или считаются известными, что никто не может придумать новые, и в результате рифмовать всегда означает подражать или впадать в плагиат, повторяя ослабленный отзвук предыдущих стихов» [Aragon 2007: 708].

Арагон употребляет метафоры, которые представляют рифму как живое существо, подверженное болезни, способное к выздоровлению (*maladie de la rime, et ont cherché à l'en guérir*); рифмовка Аполлинера объясняется стремлением омолодить рифму (*Apollinaire tenta de rajeunir la rime*). Омоложением Арагон называет рифму мужских и женских окончаний по звучанию (*pour l'oreille*), без учета графического балласта произносимых букв. Спор о рифме для глаза и для слуха, характерный для французской поэзии, является ответом на значительные и быстрые изменения произносительной нормы по сравнению с орфографией. Арагон называет стыдливými (*honteuses*) спрятанные неканонические рифмы Малларме: “*Tristement DORT une manDORE*” (*Une dentelle s'abolit ...Stéphane Mallarmé*), выделяя созвучные слоги с разными произносимыми буквами.

От наблюдений за проявлением механизма паронимической аттракции в поэзии Арагон переходит к созвучиям, допустимым в песне: “*Ma fille, c'est un cheval gris — S'est étranglé dans l'écurie, dit la «Chanson du Roi Renaud»*”⁸. Произносимое -s не мешает рифме с произносимым -e (*gris/écurie*). Арагон отмечает также, что в песнях есть случаи модификации слов ради рифмы с приращением:

J'ai trois vaisseaux dessus la mer qui brille

— *L'un chargé d'or, l'autre d'argenterille. (Jeune tambour)*

Или с усечением:

Faut quitter le Languedô

Avec le sac sur le dos (Le Conscrit de 1810)

Арагон называет рифму ключом и стражницей народного произношения (*la rime est la clef, la véritable gardienne de la prononciation populaire*) и приводит примеры рифм, фиксирующих произносительную норму: *Mes amis que reste-t-i — À ce dauphin si genti...* dit par exemple l'air des «Cloches de Vendôme»; Villon/couillon.

Арагон сравнивает рифмы в песне с цветами полевыми, а литературные — с тепличными: «Все эти традиции, пересекающиеся

⁸ Текст средневековой баллады «Жалоба короля Рено», бытующий в полусотне вариантов, в 1950-е гг. приобрел новую популярность благодаря исполнению Ива Монтана, Эдит Пиаф и др.

в опытах поэтов, как полевые цветы скрещиваются с тепличными, показывают, насколько рифма на самом деле не изжита» [Aragon 2007: 708].

Говоря о возможности находить новые рифмы, Арагон сравнивает их с новыми, недавно открытыми металлами: «трусливы сердца тех, кто считает, что все уже зарифмовано и что нет под солнцем нового металла, способного дать неизвестный звук в конце стиха. И все же ученые изобретают радий, открывают гелий, иридий, селен» [Aragon 2007: 708].

Арагон выступает за обновление фонетики и лексики поэтического языка в исторической ситуации, которую он называет варварским тиглем (*“Et la vie et l’histoire broient les hommes dans des creusets modernes et barbares. Nous sommes en 1940”*); он предлагает ввести в поэтический текст язык радио и науки: «Кто привнес во французский стих язык радиотелеграфа и неевклидовой геометрии?» [Aragon 2007: 709], что соответствует идее о гибридизации дискурсов, которую развивает О.В. Соколова в исследованиях авангардной поэзии [Соколова 2015, 2024].

Наконец, Арагон сравнивает рифму со спелым плодом, а смысл с вином: «Воссоединившись со смыслом. И полная смысла, как спелый плод, несущий в себе вино. (*Réconciliée avec le sens. Et pleine du sens comme un fruit mûr de son vin*)». [Aragon 2007: 709]

Арагон считает, что нужно вернуть поэзии свободу, имя которой было узурпировано свободным стихом (*“La liberté dont le nom fut usurpé par le vers libre reprend aujourd’hui ses droits”*). Арагон предлагает расширять и обновлять звучание рифмы за счет слоговых переносов, называя такую рифму современной (*“Ce morcellement de la rime enjambée ouvre une des possibilités de la rime moderne”*):

Ne parlez pas d’amour. J’écoute mon cœur **battre**
Il couvre les refrains sans fil qui l’ont grisé
Ne parlez plus d’amour Que fait-elle **là-bas**
Trop proche et trop lointaine ô temps martyrisé

а также составных рифм:

Un seul moment d’**ivresse**
Un moment de folie un moment de bonheur
Que savaient-ils du monde et peut-être **vivre est-ce**
Tout simplement Maman pourrir de très bonne heure

[Aragon 2007: 708]

Арагон, говоря о возможностях обновлять рифму за счет слоговых анжамбеманов (Слоговой перенос [Квятковский: 208]), предваряет свои примеры отсылкой к эпохе романтизма, воспроизводя графически анжамбеман, встречающийся в драме «Эрнани» Виктора Гюго:

«Мы находимся в преддверии периода, столь же богатого и нового, как эпоха романтизма, когда классический стих, изломанный и разрозненный, подчинился новым, часто неписанным правилам. Эта *лестница*...

Потайная в «Эрнани», символ романтического новаторства, все еще является уроком невыносимого лиризма для любого, кто не является поэтом, и именно в качестве простого примера я рекомендую современный анжамбеман, улучшение романтического анжамбемана, где не только смысл переносится, но и звук, рифма, которая разрушается путем разделения конца стиха и начала следующего». [...] ⁹:

Арагон проводит аналогию с анжамбеманом, разбивающим словосочетание (*escalier dérobé*), и рифмой, захватывающей часть следующей строки при анжамбемане *Battre//là-bas//trop*. На представлении «Эрнани» в 1830 году часть зрителей была возмущена переносом эпитета (*dérobé*), однако Виктора Гюго поддерживали все его друзья-романтики, а Теофиль Готье в красной жилетке аплодировал и восторженно кричал при каждой реплике ¹⁰ [Gautier 1874: 2]. Свобода рифмовки, независимость синтаксиса от метрики становится частью дискурса о свободном обществе и о свободе искусства. В эссе об истории стиха за метафорами и поэтическими цитатами считывалась вселяющая надежду история Гюго — политического деятеля (запрет пьесы, годы изгнания, триумфальное возвращение в Париж).

IV. Заключение

Писатель и журналист Жан Марсенак (1913–1984), сбежавший из концлагеря и ставший участником движения Сопротивления, после встречи с Арагоном и Эльзой Триоле, на вечере, посвященном поэтам, павшим в годы войны, вспоминал:

У нас был безупречный язык, казалось нам в ту пору, пока все это еще не произошло. И вот однажды утром солнце не взошло, ночь с широко открытыми глазами уселась у нас на груди и хлеб сделался черным. Но какое-то время, подобно слепцам, еще не вполне уверенным в своей слепоте, мы продолжали говорить так, будто ничего не случилось...

А прах и нелепица с каждым днем все сильнее глушили древний голос жизни.

⁹ «Nous sommes à la veille d'une période aussi riche et aussi neuve que le fut l'ère romantique, quand le vers classique, cassé, désarticulé, se plia à des règles nouvelles, le plus souvent non écrites. *Cet escalier*...

Dérobé, d'Hernani, qui est resté le type même de l'innovation romantique

¹⁰ «De ceux qui, répondant au cor d'Hernani, s'engagèrent à sa suite dans l'âpre montagne du Romantisme et en défendirent si vaillamment les défilés contre les attaques des classiques, il ne survit qu'un petit nombre de vétérans disparaissant chaque jour comme les médaillés de Sainte-Hélène. Nous avons eu l'honneur d'être enrôlé dans ces jeunes bandes qui combattaient pour l'idéal, la poésie et la liberté de l'art».

И тогда явились поэты. Нежно, сдерживая в себе отчаяние и ярость, они взяли руку Франции и терпеливо приложили к своим устам, чтобы эта немая вновь научилась говорить. Они припали к самому источнику речи, чтобы там, в глубинах омраченных сердец и потрясенных умов, почерпнуть слова самые важные, те несколько слов, без которых все прочие слова теряют смысл.

И песнью была спасена правда.

[Marcenac: 6]

В эссе «Рифма в 1940» Арагон говорит о финальном созвучии строк как об изобретении человечества, о *прогрессе*, выделяя слово курсивом, о воздействии на память, о рифмовке, которая помогает стихотворению стать понятным, доступным максимальному числу читателей, показывая наглядно, как избежать цензуры. Творчество Арагона хорошо изучено в нашей стране, но эссе о рифме осталось не переведено, поскольку обилие стихотворных цитат и аргументация, связанная со спецификой их звуковой организации, затрудняет перевод, но именно такой иносказательный (стихovedческий) дискурс позволял избежать внимания цензоров. Арагон не упоминает русских советских поэтов, источник вдохновения, но эта фигура умолчания также обусловлена положением литературы в оккупированной Франции. Поэзия, оказавшаяся от рифмованной метрики, возвращается на «запасной путь», с опорой на фоноцентрическую модель, когда бумажная публикация находится под угрозой. Поэтика Арагона, реформатора стиха и знатока французской поэтической традиции, переходит из дискурса активного воздействия (авангардный поэтический дискурс) к дискурсу «контрабандного воздействия», сочетая трансформирующую силу поэтического высказывания и лирическую традицию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арагон Л. Собрание сочинений: В 11 т.: Пер. с фр. М., 1961.
2. Арагон Л. Безумные стрелки времени (Исповедь французского писателя) // Вопросы литературы. 1998, № 5. С. 224–260.
3. Ариас-Вихиль М. А. Ромен Роллан и Максим Горький: историко-функциональные и общественно-политические аспекты литературного диалога (по материалам архива А.М. Горького): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2020.
4. Балашова Т. Творчество Арагона. К проблеме реализма XX века. М., 1964.
5. Белавина Е.М. «Ангажировать» и «вовлекать»: о рифме и ритме у французских поэтов Сопротивления // Литература и идеология. Век двадцатый / Под ред. О.Ю. Пановой, В.М. Толмачёва. Серия Литература. Век двадцатый. Т. 3. М., 2016. С. 225–232.
6. Белавина Е.М. Поэтика Поля Верлена и проблема творческого воображения: Дисс. канд. филол. наук. М., 2003. 273 с.
7. Брик О. Анализ звуковой структуры стиха // Сборники по теории поэтического языка. II. Пг., 1917. С. 24–62.

8. Верлен П. Стихотворения / Издание подготовили Г.К. Косиков, В.Е. Багно, И.В. Булатовский. В 2 т. СПб., 2014.
9. Движение Сопротивления в Западной Европе, 1939–1945: общая проблематика / Редкол.: Комолова Н.П. (отв. ред.) и др.; АН СССР, Ин-т всеобщей истории. М., 1990.
10. Квятковский А.П. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. М., 1966.
11. Смирнов В.П. Начало французского движения Сопротивления. Новые данные // Новая и новейшая история. 1999. № 2. С. 16–28.
12. Черкасов П.П. Возникновение Сопротивления во Франции и ФКП (22 июня 1940 г. — 22 июня 1941 г.) // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 23–36.
13. Соколова О.В. Дискурсы активного воздействия: теория и типология: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2015.
14. Соколова О.В. «Штык-язык оstri и три!»: языковые политики поэтического авангарда. М., 2024.
15. Эткинд Е. 323 эпиграммы. Париж, 1988.
16. Яхонтова М.А. Луи Арагон // Яхонтова М.А., Соловьева О.М. Литература Франции: 1917–1945. М., 1984. С. 18–57.
17. Aragon L. Le Crève-coeur, Oeuvres poétiques complètes, éd. Olivier Barbarant, Gallimard, «Bibliothèque de la Pléiade», 2 vol., t. 1, pp. 707–710.
18. Belavina E. Les enjeux du rythme dans la poésie engagée // Marillaud P., Gauthier R. Discours d'autorité et discours de l'autorité. Édition CALS et Université de Toulouse Jean-Jaurès Toulouse, 2014, pp. 199–209.
19. Gautier Th. Histoire du romantisme, G. Charpentier et Cie, libraires-éditeurs, 1874.
20. Hugo V. Hernani P.: J. Hetzel Libraire-éditeur, 1889.
21. L'Honneur des poètes, Les Editions de Minuit, 1943.
22. La poésie française du Moyen Age au XX siècle. Sous la direction de M. Jarrety. PUF, 1997.
23. La Résistance et ses poètes: France, 1940–1945, Pierre Seghers, éd. sous la dir. de Bruno Doucey, 2007.
24. Marcenac J. Les Lettres françaises, 1964, № 1033, p. 6.
25. Matonti F. Sapiro G., La guerre des écrivains. 1940–1953. In: Politix, vol. 13, n°50, Deuxième trimestre 2000. Sport et politique, pp. 180–186.
26. Murat M. Aragon, la rime et la nation // La Langue des dieux modernes, 2012, pp. 201–232.
27. Péret B. Le déshonneur des poètes, avec Grandizo Munis, Les syndicats contre la révolution, La Bussière, Acratie, 2014.
28. Sapiro G. La politique littéraire nationale d'Aragon: de la “contrebande” poétique au CNE, Lire Aragon, éd. Mireille Hilsum et al., Champion, 2000, pp. 311–330.
29. Sapiro G. La Guerre des écrivains, Fayard, 1999.
30. Verlaine P. Œuvres poétiques complètes, texte établi et annoté par Y.-G. Dantec, édition révisée par Jacques Borel. «La Pléiade», Paris, 1982.

RERERENCES

1. Aragon L. Sobranie sochinenii: V 11 t.: Per. s fr. [Collected Works: In 11 vols.] Moscow: Goslitizdat, 1961. (In Russ.)
2. Aragon L. Bezumnye strelki vremeni (Ispoved' frantsuzskogo pisatelja) [Mad hands of time (Confessions of a French writer)] in *Voprosy literatury*. 1998, no. 5, pp. 224–260. (In Russ.)
3. Arias-Vikhil' M.A. Romen Rollan i Maksim Gor'kii: istoriko-funktsional'nye i obshchestvenno-politicheskie aspekty literaturnogo dialoga (po materialam arkhiva

- A.M. Gor'kogo) [Romain Rolland and Maxim Gorky: historical-functional and socio-political aspects of literary dialogue (on the materials of the archive of A.M. Gorky)]. PhD Dissertation. Moscow, 2020. (In Russ.)
4. Balashova T. Tvorchestvo Aragona. K probleme realizma XX veka [Aragon's Creativity. To the problem of realism of the XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1964. (In Russ.)
 5. Belavina E.M. «Angazhirovat'» i «vovlekat'»: o rifme i ritme u frantsuzskikh poetov Soprotivleniia ['Engage' and 'involve': about rhyme and rhythm in French poets of the Resistance] in *Literatura i ideologiya. Vek dvadtsatyi* [Literature and Ideology. The Twentieth Century], ed. O.Yu. Panova, V.M. Tolmachev. Vol. 3. Moscow, MAKSPress, 2016, pp. 225–232. (In Russ.)
 6. Belavina E.M.. Poetika Polia Verlana i problema tvorcheskogo voobrazheniia: 6. [Belavina E.M.. Paul Verlaine's Poetics and the Problem of Creative Imagination] PhD Dissertation Moscow, 2003. (In Russ.)
 7. Brik O. *Analiz zvukovoi struktury stikha* [Analysis of the sound structure of verse]. In: Sborniki po teorii poeticheskogo iazyka [Collections on the theory of poetic language]. II. Petrograd, 1917, pp. 24–62 (In Russ.)
 8. Verlaine P. *Stikhotvoreniia* [Poems] St. Petersburg: *Nauka Publ.*, 2014 g. Ed. prepared by G.K. Kosikov, V.E. Bagno, I.V. Bulatovskii. In 2 vol. (In Russ.)
 9. Dvizhenie Soprotivleniia v Zapadnoi Evrope, 1939-1945: obshchaia problematika [Resistance Movement in Western Europe, 1939–1945: general problematics], ed. Komolova N.P. et al. Moscow, Nauka Publ., 1990. 237 p. (In Russ.)
 10. Kviatkovskii A. P. Poeticheskii slovar' [Poetic Dictionary], ed. I. Rodnianskaia. Moscow, Sov. Entsikl., 1966. (In Russ.)
 11. Smirnov V.P. Nachalo frantsuzskogo dvizheniia Soprotivleniia. Novye dannye [The Beginning of the French Resistance Movement. New data] in *Novaia i noveishaia istoriia* [New and Modern History]. 1999, no. 2, pp. 16–28. (In Russ.)
 12. Cherkasov P.P. Vozniknovenie Soprotivleniia vo Frantsii i FKP (22 iunia 1940 g. — 22 iunia 1941 g.) [The Emergence of the Resistance in France and the FCP (22 June 1940 — 22 June 1941)]. *Novaia i noveishaia istoriia* [New and Modern History]. 1990, no. 4, pp. 23–36. (In Russ.)
 13. Sokolova O.V. Diskursy aktivnogo vozdeistviia: teoriia i tipologiya [Discourses of active influence: theory and typology]. PhD Dissertation. Moscow, 2015. (In Russ.)
 14. Sokolova O.V. "Shtyk-iaz'k ostri i tri!": iazykovye politiki poeticheskogo avangarda. ['Bayonet-language, make it sharp and polish it!': linguistic policies of the poetic avant-garde]. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia, 2024. (In Russ.)
 15. Etkind E. 323 epigrammy. [323 epigrams]. Paris, Syntaxis, 1988.
 16. Iakhontova M.A. Lui Aragon. In: Iakhontova M.A., Solov'eva O.M. *Literatura Frantsii: 1917–1945* [Literature of France: 1917–1945]. Moscow, Prosveshchenie, 1984, pp. 18–57. (In Russ.)
 17. Aragon L. Le Crève-cœur, Œuvres poétiques complètes, éd. Olivier Barbarant, Gallimard, «Bibliothèque de la Pléiade», 2 vol., vol. 1, pp. 707–710.
 18. Belavina E. Les enjeux du rythme dans la poésie engagée // Marillaud P., Gauthier R. *Discours d'autorité et discours de l'autorité*. Édition CALS et Université de Toulouse Jean-Jaurès Toulouse, 2014, pp. 199–209.
 19. Gautier Th. *Histoire du romantisme*. G. Charpentier et Cie, libraires-éditeurs, 1874.
 20. Hugo V. Hernani P.: J. Hetzel Libraire-éditeur, 1889.
 21. *L'Honneur des poètes*, Les Editions de Minuit, 1943.
 22. *La poésie française du Moyen Age au XX siècle*. Sous la direction de M. Jarrety. PUF, 1997. 585 p.

23. La Résistance et ses poètes: France, 1940–1945, Pierre Seghers, éd. sous la dir. de Bruno Doucey, 2007.
24. Marcenac J. Les Lettres françaises, 1964, no. 1033, p. 6.
25. Matonti F. Sapiro G., La guerre des écrivains. 1940-1953. In: Politix, vol. 13, n°50, Deuxième trimestre 2000. Sport et politique. pp. 180-186.
26. Murat M. Aragon, la rime et la nation. In: La Langue des dieux modernes, 2012, pp. 201–232.
27. Péret B. Le déshonneur des poètes, avec Grandizo Munis. Les syndicats contre la révolution. La Bussière, Acratie, 2014. 155 p.
28. Sapiro G. La politique littéraire nationale d'Aragon: de la “contrebande” poétique au CNE, Lire Aragon, éd. M. Hilsum et al., Champion, 2000, pp. 311–330.
29. Sapiro G. La Guerre des écrivains. Fayard, 1999.
30. Verlaine P. Œuvres poétiques complètes, texte établi et annoté par Y.-G. Dantec, édition révisée par Jacques Borel. “La Pléiade”, Gallimard, Paris, 1982.

Поступила в редакцию 03.12.2024
 Принята к публикации 22.04.2025
 Отредактирована 05.05.2025

Received 03.12.2024
 Accepted 22.04.2025
 Revised 05.05.2025

ОБ АВТОРЕ

Белавина Екатерина Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языкознания; kat-belavina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Belavina — PhD in Philology, Associate Professor, Department of French Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kat-belavina@yandex.ru

КЛАДБИЩЕ В «РАЮ АМОРА»: ТРАНСФОРМАЦИЯ КУРТУАЗНОГО «ЗЕМНОГО РАЯ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ АЛЛЕГОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А.В. Демахина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; aldem94@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается, как изменилось изображение двора Амора во французских аллегорических текстах XV в. по сравнению с предыдущей традицией. Двор Амора обычно предстает в виде сада — «рая Амора»: в его описании традиционно присутствуют аллюзии на земной рай. В текстах Ашиля Колье, Мартена Ле Франа и Рене Анжуйского пространство царства Амора усложняется: помимо сада, герой попадает в замок, церковь, лечебницу, даже на кладбище. Определяется, какую роль картина кладбища играет в рассматриваемых текстах, а также как это влияет на изображение идеального, «райского» пространства. Кладбище для авторов становится «каталогом» положительных и отрицательных примеров куртуазной любви; составление такого «каталога» также позволяет продемонстрировать ученость, вступить в литературный спор, сделать политическое высказывание. На кладбище верные и неверные влюбленные разделены: верные лежат в прекрасных могилах, а неверные не преданы земле, их тела разбросаны по земле за пределами кладбища. В описаниях кладбищ содержатся отсылки к аду и раю, таким образом, пространство кладбища позволяет показать «рай» и «ад» любви: благое воздаяние за правильную любовь и наказание за дурную. Анализ особенностей изображения пространства позволяет доказать, что подлинный «рай Амора» теперь лежит за пределами досягаемости героя. Сюжет о посещении «рая Амора» трансформируется в бесконечный поиск, а наградой за служение Амору становится потенциальное блаженство после смерти, а не реальная благосклонность дамы.

Ключевые слова: французская аллегорическая литература; куртуазная любовь; идеальное пространство; царство Амора; Амур; воздаяние; кладбище

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-17

Для цитирования: Демахина А.В. Кладбище в «раю Амора»: трансформация куртуазного «земного рая» во французской аллегорической литературе позднего Средневековья // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 196–203.

THE CEMETERY IN THE “PARADISE OF LOVE”: TRANSFORMATION OF THE COURTLY “EARTHLY PARADISE” IN FRENCH ALLEGORICAL LITERATURE OF THE LATE MIDDLE AGES

Alla Demakhina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; aldem94@mail.ru

Abstract: The aim of this paper is to show how the representation of the court of Love (Amour), an ideal, “heavenly” space, is affected by the image of a cemetery. The court of Love is usually described as an ideal garden, a sort of “avatar” of the Earthly paradise. But this imagery changes in French allegorical texts of the 15th century. It becomes more complex in the texts of Achille Collier (*Hospital of Love*), Martin Le Franc (*The Champion of Women*) and Rene d’Anjou (*The Book of The Love-Smitten Heart*): the imagery contains not only a garden, but other locations, and specifically a cemetery. The descriptions of cemeteries are analyzed and compared. It is revealed that the cemetery becomes a sort of “catalog” of positive and negative examples of courtly love; such a “catalog” also allows the authors to demonstrate their scholarship, engage in literary debate, make a political statement. The description of cemeteries contains references to heaven and hell, more specifically, to “heaven” and “hell” of love: faithful lovers are rewarded and unfaithful lovers are punished. The results of this research show that the plot of visiting “paradise of Love” transforms into an endless search, as the court of Love loses its initial characteristics of “paradise”, and the true “paradise of Love” now lies beyond the reach of the hero; the reward for serving the god of Love thus becomes possible only after death.

Keywords: French allegorical literature; courtly love; court of Love; Amour; punishment; cemetery

For citation: Demakhina A.V. (2025) The Cemetery in the “Paradise of Love”: Transformation of the Courtly “Earthly Paradise” in French Allegorical Literature of the Late Middle Ages. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 196–203.

Посещение двора Амора¹ — типичный эпизод куртуазных аллегорических поэм. Туда отправляется главный герой, чтобы получить от бога любви наставление или помощь. В литературе высокого Средневековья царство Амора традиционно изображалось в виде сада² и именно «райского сада». Однако в позднесредневековых

¹ Мы обозначаем имя данного персонажа именно как «Амор», а не «Амур», чтобы точнее различать средневековую аллегорическую фигуру, олицетворяющую любовь, и античного бога любви: разделение тем более актуальное, поскольку в рассматриваемых нами текстах античный Амур встречается как отдельный персонаж. Средневековый «бог» Амор, конечно же, перенимает некоторые черты Амура античного (например, такой атрибут, как лук со стрелами), однако скорее изображается в виде мудрого благородного сеньора.

² Лишь иногда, помимо сада, мог изображаться и замок Амора.

аллегорических текстах XV в. привычная образность усложняется: изображается и сад, и замок Амора, а кроме того, церковь, лечебница, кладбище. В статье мы рассмотрим три произведения: «Лечебницу Амора» (*L'Ospital d'Amours*, ок. 1440 г.) Ашиля Колье, «Книгу о Сердце, охваченном Любовью» (*Le Livre du Cuer d'Amours espris*, 1457 г.) Рене Анжуйского и «Защитника дам» (*Le Champion des dames*, ок. 1442 г.) Мартена Ле Франа. Эти сочинения объединяет не только время написания, тематика куртуазной любви³, художественный прием аллегии⁴, использование сюжетной схемы посещения «рая Амора» и формы видения⁵, но и появление схожего образного ряда, не встречающегося в более ранней куртуазной аллегорической литературе. Наиболее интересно в этом ряду кладбище, как, казалось бы, самый чужеродный для картины «рая» элемент. Стоит задуматься о причинах появления такого локуса при дворе Амора сразу в нескольких текстах: зачем он нужен авторам, и меняется ли изображение идеального, «райского» пространства?

«Первый райский сад, открыто помещенный под эгиду Амора» [Strubel 1990: 343] описал Андрей Капеллан в своем трактате «О науке учтивой любви» (*De arte honeste amandi*, кон. XII в.). Однако более известен сад из «Романа о Розе» Гийома де Лорриса и Жана де Мена (*Roman de la Rose*, XIII в.), аллегорической поэмы, оказавшей значительное влияние на последующую куртуазную литературу. Сад Веселья⁶, место действия поэмы, обнесен высокой оградой, внутренняя часть — владения Амора, куда во сне попадает главный герой. Сад квадратный по форме, в нем цветут цветы и поют птицы; возле фонтана растет одно самое высокое и красивое дерево — ель. Рассказчик сравнивает сад с земным раем (*Paradis terrestre*)⁷. В «Романе

³ Продолжая использовать термин «куртуазная любовь» в контексте современного литературоведения, мы опираемся на концепцию швейцарского исследователя А. Корбеллари [Corbellari 2018], который рассматривает ее как динамическую систему, позволяющую охватить совокупность средневековых литературных изображений любви, и все же любви определенной: между представителями благородного сословия, любви, которая должна строиться по правилам и соответствовать идеальным образцам.

⁴ Мы не готовы однозначно определить все рассматриваемые тексты как аллегорические поэмы; вопрос об их жанровом определении достоин отдельного исследования.

⁵ Во всех трех случаях действие разворачивается во сне. Форма видения типична для аллегорических поэм.

⁶ В «Романе о Розе» можно найти целую систему садов (см. [Голикова 2012]); в данной статье для нас важен тот сад, где обитает Amor.

⁷ Отметим, что Жан Фруассар выносит слово «рай» в название своей поэмы — «Рай Амора» (*Le paradis d'Amour*, ок. 1362 г.), что позволяет использовать данное словосочетание для обозначения владений Амора.

о Розе» мы видим «классический» образный ряд «рая Амора»: зеленые деревья, источник воды, садовую ограду, вечную весну⁸.

Первым, кто «поместил» кладбище во владения Амора, вероятно, был Ашиль Колье, достоверных сведений о котором почти не сохранилось. В поэме «Лечебница Амора» рассказчик, получив отказ от дамы, размышляет о смерти, затем во сне переносится в лечебницу Амора, где ему оказывают медицинскую помощь, добывает два поцелуя дамы и излечивается.

На Колье впоследствии ссылается (см. далее) Мартен Ле Фран (ок. 1410–1461), священник из Нормандии, поэт при дворе Филиппа Бургундского. Его сочинение «Защитник дам» состоит из пяти книг, главная тема — спор о женщинах⁹. Мартен встает на сторону женщин, вкладывая свои аргументы в уста аллегорической фигуры — рыцаря Честная Воля. Первая книга выступает в качестве экспозиции; значительное место в ней занимает описание владений Амора и Венеры, по которым рассказчик гуляет в сопровождении некоего Валентина (вероятно, Святого Валентина, покровителя влюбленных).

Рене Анжуйский (1409–1480) известен в первую очередь не как государственный или военный деятель, а как покровитель искусств и автор книг. В «Книге о Сердце, охваченном Любовью» рассказчику снится, что Амор изымает сердце у него из груди. Сердце превращается в рыцаря и отправляется в путешествие, чтобы отыскать прекрасную даму Нежную Милость, добирается до острова Амора, вступает в борьбу с Опасением и Отказом, но в результате терпит неудачу.

Кладбище-«каталог»

В рассматриваемых произведениях кладбище становится «пространством» для литературного спора, демонстрации эрудиции и даже политического высказывания.

Авторы, во-первых, *перечисляют* похороненных на кладбище влюбленных, а во-вторых, *делят* их на «правильных» и «неправильных». Здесь можно увидеть следы повествовательных форм, которые средневековая ученая литература перенимала у античной, а именно: список (богов, героев, первооткрывателей в Античности, список выдающихся людей в Средневековье [Курциус 2021: 219–221]) и *exemplum* (вставная история, добавленная для примера [Курциус 2021: 145–146]).

⁸ Источником образности «земного рая» Амора служит не только Книга Бытия, но и Песнь Песней (*hortus conclusus*), а также античная литература, а именно тоπος *locus amoenus*, см. [Курциус 2021].

⁹ Большой литературный спор, начавшийся в XV в. во Франции, который касается, прежде всего, природы женщины (добродетельной или порочной) и ее положения в обществе.

Мы не можем говорить о последовательном воспроизведении формальных элементов ученой литературы в рассматриваемых текстах, однако «каталог» примеров позволяет авторам продемонстрировать эрудицию и придать большую авторитетность текстам.

Наиболее длинный «каталог» влюбленных¹⁰ мы встречаем в «Книге о Сердце» Рене: на воротах кладбища Амора висят щиты с гербами образцовых влюбленных, в подписях к гербам излагаются их истории служения Амору. Там есть щиты античных героев, персонажей средневековой литературы и Библии, а также современников Рене — это способ выразить уважение политическим союзникам, родственникам, друзьям [Poirion 1994: 325]. Описание герба самого автора тоже становится политическим высказыванием: Рене напоминает читателю о своих многочисленных титулах¹¹.

В эпизоде посещения кладбища есть и своего рода рассуждение о литературе. Отдельно описаны могилы лучших (по мнению Рене) авторов, писавших о любви: Овидия, Петрарки, Боккаччо, Гийома де Машо, Жана де Мена, Алена Шартье. В эпитафиях и изображении могил находят отражение особенности творчества каждого из поэтов.

Отклики на литературные события присутствуют и у Ашиля Колье. Поэма «Лечебница Амора» была создана в контексте спора о «Безжалостной красавице» Алена Шартье (*La Belle Dame sans mercy*, 1424 г.). Это поэма, в которой влюбленный жалуется, что умирает от тоски из-за отказа дамы, спровоцировала литературные ответы, как критикующие, так и одобряющие произведение Шартье и поступок дамы. Колье относится к даме с осуждением. Он рассказывает, что в качестве наказания ее тело было оставлено гнить на земле. А Мартен Ле Фран замечает, что ее прозвали «безжалостной» незаслуженно, и утверждает: «Elle n'est pas a l'ospital / Comme ne scauy qu'il a songier / Elle est en tambeau de cristal» [Martin Le Franc 1999: 81]. Он оправдывает героиню и спорит с Колье, завуалированно упоминая название его произведения.

Мартен также пользуется случаем, чтобы укрепить положение при бургундском дворе. Он описывает монастырь, где в прекрасных часовнях покоятся самые верные служительницы Амора. Среди них захоронения сестер самого Филиппа Бургундского. Таким образом, почти их память, Мартен сознательно стремится угодить своему покровителю.

Однако изображение кладбища представляется не только удобным приемом для создания списков (будучи по сути местом-«каталогом» тех, кто там похоронен), также оно отсылает читателя к теме смерти.

¹⁰ О списке влюбленных у Рене подробнее см. [Mühlethaler 2009].

¹¹ Как реальных, так и потенциальных: благодаря богатой родословной, Рене мог претендовать на целый ряд территорий.

Кладбище олицетворяет загробную жизнь, где идеальные влюбленные получают благое воздаяние, а неверные — наказание¹².

«Рай» и «ад» любви

В «Защитнике дам» на кладбище Венеры¹³ рассказчик видит могилы, покрытые пылью и мхом, слышит стоны и жалобы и видит в земле пылающую дыру. Его спутник ссылается на Данте и рассказывает, что это один из кругов Ада: страдание после смерти ожидает любого, кто предан Венере, т. е. чувственной любви.

В «Лечебнице Амора» разлагающиеся тела неверных влюбленных не похоронены, а разбросаны по земле. При виде этого зрелища рассказчик говорит: «Je cuiday que ce fust inferne» [Achille Caulier 2004: 393].

Рене слово «ад» не упоминает, однако тоже описывает гниющие и оставленные без могилы тела тех, кто не был предан Амору. Он прямо ссылается на Колье: дама Куртуазность советует Сердцу прочесть «Лечебницу Амора».

Если тела наказанных влюбленных не преданы земле или похоронены самым жалким образом, то во всех трех текстах идеальные влюбленные лежат в прекрасных могилах и гробницах. У Мартена кладбище даже приобретает черты райского сада: на кладбище Амора могилы усыпаны цветами и окружены зелеными деревьями. Отметим, что «райская» часть кладбища в текстах описывается менее подробно. Однако есть и более существенное различие: «ад» увидеть можно, но «рай» оказывается за пределами визуального восприятия персонажей.

В «Защитнике дам» Валентин рассказывает, что души праведных влюбленных воспарили на небеса: «Ou paradis d'Amours repose repouse / L'esprit de la dame lealle» [Martin Le Franc 1999: 81]. У Рене рыцарь Сердце начинает молиться за верных влюбленных, но Куртуазность утверждает, что в этом нет необходимости, «car leurs esperilz estoient en grant joye et repos pardurable ou paradis d'Amours» [René d'Anjou 2003: 368].

Мы не найдем подобной цитаты в «Лечебнице Амора», однако отметим, что у Колье Amor в собственном «раю» вообще не появляется, там есть лишь его статуя. Герой, находясь, напомним, уже в пространстве видения, засыпает (попадая в «сон во сне»), и только тогда Amor приходит к нему. «Рай» Амора становится местом либо недостижимым, либо покинутым.

¹² Связь пространства кладбища с «иным» миром, раем и адом можно увидеть и в предшествующей куртуазной литературе (неаллегорической). (См., например, [Абрамова 2022].)

¹³ В «Защитнике дам» иначе строится разделение локусов: на кладбище Амора «правильные» влюбленные; на кладбище Венеры — «неправильные».

Таким образом, поместив кладбище при дворе Амора, авторы преобразуют его в «каталог» положительных и отрицательных примеров куртуазной любви, придающий авторитетность и широту их рассуждению о том, как правильно любить¹⁴. Однако возможность приблизиться к куртуазному идеалу, следуя этим примерам, оказывается под вопросом. Находясь во сне, уже в «ином» пространстве, герой попадает в один «рай Амора», его владения, обнаруживает кладбище (тоже «иное» пространство), где находится следующий «рай», могилы идеальных влюбленных. Но оказывается, что настоящий «рай» — за пределами кладбища и царства Амора. Сюжет о посещении «рая Амора» превращается в бесконечный поиск все отдаляющегося «рая» любви. Идеал куртуазной любви недостижим для персонажа, по крайней мере, *при жизни*, а итогом преданного служения Амору становится не столько реальная благосклонность дамы, сколько *возможная награда уже после смерти*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова М.А. Специфика изображения «мира иного» во французском рыцарском романе XII–XIII вв. // Фольклор: структура, типология, семиотика. № 5 (3). 2022. С. 34–44.
2. Голикова А.А. Изображение пространства в средневековой аллегорической поэме: «Психомехания» Пруденция и «Роман о Розе» Гийома де Лорриса и Жана де Мена. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.
3. Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье: Том 1. / Пер., коммент. Д.С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. М., 2021.
4. *Achille Caulier L'Ospital d'Amours* // Alain Chartier: The Quarrel of the "Belle dame sans mercy" / Edited and translated by Joan E. McRae. N. Y., 2004.
5. *Corbellari A. Prismes de l'amour courtois*. Dijon, 2018.
6. *Martin Le Franc Le champion des dames*. Éd. publiée par Robert Deschaux. T. 1, P., 1999.
7. *Mühlethaler J.-C. Liste des poètes, énumération des victimes d'Amour: les enjeux d'un choix dans Le cœur d'amour épris de René d'Anjou* // Versants. № 56: 1. 2009. P. 67–82.
8. *Poirion, D. Les tombeaux allégoriques et la poétique de l'inscription dans le Livre du cuer d'amours esprís de René d'Anjou (1457)* // Écriture et composition romanesque. Orléans, 1994. P. 399–414.
9. *René d'Anjou Le livre du cœur d'amour épris*. Texte présenté, établi, traduit et annoté par Florence Bouchet, P., 2003.
10. *Strubel A. L'allégorisation du verger courtois* // Vergers et jardins dans l'univers médiéval. Aix-en-Provence, 1990. P. 343–357.

REFERENCES

1. Abramova M.A. Spetsifika izobrazheniya «mira inogo» vo frantsuzskom rytsarskom romane XII–XIII vv. [The “other world” image specific in the French chivalric

¹⁴ Содержание их концепций куртуазной любви — материал для отдельного исследования.

- romance of the 12th — 13th centuries]. *Fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore: Structure, Typology, Semiotics], 2022, vol. 5, № 3, pp. 34–44. (In Russ.) doi:10.28995/2658-5294-2022-5-3-34-44.
2. Golikova A.A. *Izobrazhenie prostranstva v srednevekovoi allegoricheskoi poeme: "Psikhomakhia" Prudentiya i "Roman o Roze" Giioma de Lorrisa i Zhana de Mena*. Diss. ... kand. filol. nauk [The image of space in a medieval allegorical poem: «Psychomachia» by Prudentius and «Romance of the Rose» by Guillaume de Lorris and Jean de Meun], PhD diss. Lomonosov Moscow State University, Moscow, 2012. 201 p. (In Russ.)
 3. Curtius E.R. *Evropeiskaya literatura i latinskoe Srednevekov'e: Tom 1* [European Literature and the Latin Middle Ages. Vol. 1]. Moscow, *Izdatel'skii dom "YaSK"*, 2021. 560 p. (In Russ.)
 4. Achille Caulier. *L'Ospital d'Amours. The Quarrel of the "Belle dame sans mercy"*. Edited and translated by Joan E. McRae. New York, *Routledge*, 2004. 512 p.
 5. Corbellari A. *Prismes de l'amour courtois*. Dijon, *Éditions universitaires de Dijon*, 2018. 119 p.
 6. Martin Le Franc. *Le champion des dames*. Éd. publiée par Robert Deschaux. T.1. Paris, *Champion*, 1999. 216 p.
 7. Mühlethaler J.-C. Liste des poètes, énumération des victimes d'Amour: les enjeux d'un choix dans "Le cœur d'amour épris" de René d'Anjou. *Versants*, 2009, 56, № 1, pp. 67–82.
 8. Poirion D. Les tombeaux allégoriques et la poétique de l'inscription dans le *Livre du cuer d'amours esprits* de René d'Anjou (1457). *Écriture et composition romanesque*. Orléans, *Paradigme*, 1994, pp. 399–414.
 9. René d'Anjou. *Le livre du cœur d'amour épris*. Texte présenté, établi, traduit et annoté par Florence Bouchet. Paris, *Librairie générale française*, 2003. 533 p.
 10. Strubel A. L'allégorisation du verger courtois. *Vergers et jardins dans l'univers médiéval*. Aix-en-Provence, *Presses universitaires de Provence*, 1990, pp. 343–357.

Поступила в редакцию 29.02.2024

Принята к публикации 24.12.2024

Отредактирована 06.05.2025

Received 29.02.2024

Accepted 24.12.2024

Revised 06.05.2025

ОБ АВТОРЕ

Демахина Алла Васильевна — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; aldem94@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alla V. Demakhina — PhD student, Departament of the History of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; aldem94@mail.ru

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МАКЕДОНСКОГО ПИСАТЕЛЯ П.М. АНДРЕЕВСКОГО СКВОЗЬ ПРИЗМУ АРХЕТИПА

П.Д. Гаврилова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; karpin1997@gmail.com*

Аннотация: Петре М. Андреевский (1934–2006) принадлежит к классикам македонской литературы. В его любовной лирике 1960-х гг. и романах, посвященных событиям Балканских и Первой мировой («Пырей», 1980) и Второй мировой войн («Небеска Тимьяновна», 1988) на центральное место выдвигаются женские образы. В данной статье они анализируются сквозь призму архетипа. Выделены три главные женские ипостаси: Богиня, Мать и Воительница. Так, в основе Дениции, центрального образа цикла «Дениция» («Дениција», 1968), наделенной совершенством и красотой богини утренней зари, заложен архетип Первозданной женщины. При его художественном воплощении автор использует яркий метафорический стиль, подчеркивая великую созидательную силу любви. Велика, главная героиня романа «Пырей», является хранительницей домашнего очага и народных традиций и рассматривается сквозь призму архетипа матери. Это сильный характер, вырастающий в символ жизнестойкости македонского народа. Партизанка и революционерка Небеска Тимьяновна, героиня одноименного романа, — воительница, наделенная твердостью и волей. По мере развития сюжета ее образ эволюционирует и сближается с архетипом Матери. В целом, в женских образах македонского писателя соединено несколько ипостасей — Первозданной женщины, Матери и Воительницы, хотя особенно заметно преобладание первых двух. В новейшей македонской литературе архетипическая основа женских образов заметно меняется, так как растет присутствие в литературном процессе женщин-писательниц, предлагающих свой «женский» взгляд на мир, на историю своей страны и ее настоящее.

Ключевые слова: архетип; македонская литература; женские образы; Петре Андреевский; поэзия; проза; миф; фольклор

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-18

Для цитирования: Гаврилова П.Д. Женские образы в творчестве македонского писателя П.М. Андреевского сквозь призму архетипа // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 204–212.

FEMALE IMAGES IN THE WORKS OF P.M. ANDREEVSKY THROUGH THE PRISM OF THE ARCHETYPE

Polina Gavrilova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kampin1997@gmail.com

Abstract: Petre M. Andreevski (1934–2006) belongs to the classics of Macedonian literature. In his love lyrics of the 1960s, and novels dedicated to the events of the Balkans and the First World War (*Wheatgrass*, 1980) and the Second World War (*Nebeska Timyanovna*, 1988), female images are brought to the fore. In this article they are analyzed through the prism of Carl Gustav Jung's theory of the archetype. Three main female hypostases are identified: Goddess, Mother and Warrior. Thus, at the heart of *Denitsiya*, the central image of the cycle *Denitsiya* (1968), endowed with the perfection and beauty of the goddess of the dawn, lies the archetype of the Primordial Woman. In its artistic embodiment, the author uses a vivid metaphorical style, emphasizing the great creative power of love. Velika, the main character of the novel *Wheatgrass*, is the keeper of the hearth and folk traditions, and will be viewed through the prism of the Mother archetype. This is a strong character that grows into a symbol of the resilience of the Macedonian people. The partisan and revolutionary *Nebeska Timyanovna*, the heroine of the novel of the same name, is a Warrior endowed with firmness and will of character. As the plot develops, her image evolves and becomes closer to the Mother archetype. In general, the female images of the Macedonian writer combine several hypostases — the Primordial Woman, the Mother and the Warrior, although the predominance of the first two is especially noticeable. In recent Macedonian literature, the archetypal basis of female images is noticeably changing, as the presence of women writers in the literary process is growing, offering their “feminine” view of the world, the history of their country and its present.

Keywords: archetype; Macedonian literature; female images; Petre Andreevsky; poetry; prose; myth; folklore

For citation: Gavrilova P.D. (2025) Female Images in the Works of P.M. Andreevsky Through the Prism of the Archetype. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 204–212.

В произведениях македонских писателей второй половины XX в., весьма разнообразных по тематике и проблематике, большое место принадлежит изображению женских образов. В лирике и прозе национальной литературной классики (а она создавалась именно в это время) можно выделить несколько основных типов их воплощения: женщина и ее красота как объект поклонения и страсти (поэзия Б. Конеского, Г. Тодоровского, В. Урошевича, М. Матеского, Р. Павловского), хранительница домашнего очага (проза В. Малеского,

С. Яневского, Л. Старова и др.), партизанка и революционерка (лирика и проза А. Шопова, В. Малеского). Это наше наблюдение служит основанием для попытки анализа женских образов в произведениях македонских авторов с учетом исследований К.Г. Юнга об архетипах. Представляется, что такой подход помогает глубже проникнуть в суть конкретного женского художественного образа, раскрыть его исконную природу в национальном культурном контексте. Согласно Юнгу, «архетип есть символическая формула, которая начинает функционировать всюду там, где или еще не существует сознательных понятий, или же где таковые по внутренним или внешним основаниям вообще невозможны» [Юнг 1991: 203]. Интересно, что в последнее время активно исследуются именно женские архетипы, они выводятся на первое место и во многом становятся основополагающими для понимания специфики национальных культур (работы А.Х. Гольденберга, А.А. Леонтьева, А.Ю. Большаковой и др.).

Лирика и проза классика македонской литературы, выдающегося современного писателя П.М. Андреевского (1934–2006) отличаются богатством и разнообразием женских образов и использованием для их воплощения новаторских средств художественного изображения. Поэзия Андреевского справедливо относится к вершинам македонской любовной лирики. В прозе при изображении ярких, самобытных национальных характеров писатель был одним из первых в македонской литературе, кто позволил обрести женщине самостоятельный голос, в том числе в качестве основного нарратора, что повлияло на тональность и эмоциональную окраску повествования. При всем разнообразии женских образов в творчестве П.М. Андреевского можно выделить три главные женские ипостаси: Богиня, Мать и Воительница. «Символическая формула» архетипа помогает понять их глубинное содержание и художественный смысл, не заслоняя при этом уникальности и неповторимости.

В цикле стихотворного сборника «Дениция» (1968) П. Андреевский воспевае животворящую силу любви и женскую красоту почти с языческим поклонением и страстностью. Его героиня носит имя прекрасной славянской богини утренней зари (в русском варианте Денница). П. Андреевский создает гимн великой любви, земной и космической, любви к женщине и родине, что в чувствах его лирического героя неразделимо. Он поражен страстью, ослеплен любовью, страдает от временного расставания, болезни возлюбленной и окончательного прощания с ней, причиной которого становится ее смерть. Цикл о Дениции — один из самых ярких образцов на-

циональной любовной лирики. Как отмечал македонский ученый М. Друговац, «“Дениция” Петре М. Андреевского является семантическим и референциальным апофеозом любви» [Друговац 1990: 520]. Воспевание женщины и созидательной силы чувства поражает яркостью красок, обилием сравнений и метафор. Национальная критика выделяла в любовной лирике П. Андреевского «симбиоз реалистического и сюрреалистического, эротического и судьбоносного» [Друговац 1990]. Портрет возлюбленной насыщен одновременно возвышенными и чувственными оттенками. Оригинальность и выразительность стиха достигается синтезом фольклора и сюрреализма, что и стало источником ярких и неожиданных метафор. Лирический герой сравнивает свою возлюбленную с необъятным миром: каплей воды, солнцем, родиной. В «Дениции» влияние исконных, запечатленных в фольклоре представлений славян о мире очевидно. Богиня утренней зари Денница дарит людям и миру свет и жизнь. Героиня представляет собой архетипическую фигуру, воплощающую энергию творчества и вдохновения. Дениция как Первозданная женщина символизирует интуитивное понимание мира, является источником творческого восторга лирического героя. Любовь поражает лирического героя в самое сердце, побуждая творить. Лирический герой обожествляет свою музу, наделяя ее огромной силой. Дениция превращается во владычицу жизни и смерти, способную вершить судьбы людей и всей страны.

В лирическом цикле Андреевского при создании образа идеально прекрасной женщины нашло также отражение культурное присутствие Библии, в частности Песни Песней, в сознании македонского человека. Как и в Песни Песней, для лирического героя Андреевского красота и совершенство Дениции являются причиной «вновь поверить в бога». Последнее стихотворение цикла, «На могиле Дениции», представляет собой детальное изображение совершенной красоты и вызывает ассоциации с Песнью Песней своей стилистикой. Его первые строки перефразируют слова из текста Священного Писания. Царь Соломон воспекает гибкость стана своей возлюбленной: «Этот стан твой похож на пальму...» (ст. 7:8). У лирического героя Андреевского возникают подобные ассоциации: «Ибо когда я видел башню и тополь высокий — они казались мне подобны твоему стану» («Оти дошто видов кула и пладневна топола / беа како твојата става, Дениција...»). Еще одна «библейская» особенность цикла Андреевского: сходство метафоры и символики. Многие метафоры многослойны, в них заключается скрытый символ. Дениция, помимо музыки поэта, становится Природой, Матерью,

Женой, любовь к Дениции равноценна любви к Родине: «Ибо в го- лосе ее вся моя родина поместилась» («...оти во нејзиниот глас мо- жеше да се смести / сета моја татковина»). Подобная метафора-сим- вол присутствует и в Песни Песней: «Ты красива, любовь моя, как Тирца, / Хороша, как Иерусалим...» (6:4). Стихотворения в сборни- ке Андреевского раскрывают неистовство любви лирического героя к его музе. Картины любви постоянно сменяются и чередуются, соревнуются между собой, создавая головокружительную гонку. Масштаб метафоры в «Дениции» («когда я любил Деницию, я слов- но участвовал в создании первого македонского государства»¹) го- ворит о ее сюрреалистической природе, прихотливо соединенной с фольклорной образностью. П. Андреевский, новаторски сближая образы традиционной народной культуры (обожествление природы, хлеб, вода, солнце и др.) и опыт европейской поэзии, достиг повы- шения выразительности языка и стиля македонской лирики.

Героини прозы П. Андреевского рассматриваются нами через архетипы Матери (Велика из романа «Пырей», 1980) и Воительницы (Небеска из романа «Небеска Тимьяновна», 1988). Архетип матери находит проявление в первую очередь в представлениях, в соот- ветствующих образах, символике, в ощущениях, в подчеркивании исключительной значимости этой фигуры и ее невидимой власти над человеком, в великом множестве его отношений с окружающим миром и с самим собой. Данный архетип неизменно активен в свя- зях личности с природой, землей, родиной, семьей.

Образ матери принадлежит к числу изначальных, поскольку свойствен человечеству как таковому со времени его появления и развития. Продолжение и сохранение рода является ее главной функцией в разного рода обрядах, народной поэзии и литературе. В пословицах и поговорках подчеркивается, что она неиссякаемый источник нежности, любви и заботы. В этой роли она представля- ет собой символ безусловной любви и поддержки, олицетворяя понятие дома и уюта. В то же время она умеет быть сильной и го- товой защищать своих детей и семью от опасностей и внешних врагов.

В романе «Пырей» главная героиня Велика Мегленоская — про- стая крестьянка, чей образ очень земной, но одновременно прекрас- ный своей внутренней цельностью и силой. Действие романа про- исходит в трагическую для македонского народа эпоху: во время

¹ Ассоциация с важнейшим событием для македонской нации — образова- нием Социалистической республики Македония в составе союзной Югославии в 1945 г.

Балканских и Первой мировой войн, когда Македония была ареной сражений. Писатель на примере истории семьи рассказывает о судьбе народа, давая слово мужу и жене, голоса которых звучат параллельно. Таким образом женщина обретает функцию нарратора, и по мере повествования именно она становится выразителем авторского понимания истории и судьбы народа. «Это один из самых колоритных и сильных в македонской литературе народных характеров» [Шешкен 2022: 331]. В Велике писатель сосредоточил основные «македонские» черты, главные свойства национального характера македонцев, подчеркивая его жизнестойкость, внутреннюю силу и выносливость, любовь к своей земле и верность основным нравственным законам. С Великой связана центральная метафора романа — травы пырей с ее неистребимостью и жизнеспособностью. На долю героини выпало много страшных испытаний: голод, болезни и смерть детей. Велика после ухода мужа на войну одна противостоит превратностям суровой судьбы. И после потери детей она находит в себе силы сохранить доброту и отзывчивость к людям, пережить смерть мужа и вырастить дарованного ей судьбой последнего сына (сын рождается в момент смерти отца), доказав свою жажду жизни и победив смерть. Героиня, пытаясь защитить детей, действует согласно интуитивным знаниям, ищет спасения от бедствий, угрожающих ее семье. Велика совершает разные священные (языческие по своему характеру) действия и обряды, посредством которых реализуется влияние на конкретное человеческое бытие потусторонних сил, нередко требующих жертв и крови. В то же время она не принимает обряды жестокие по своей сути. Это ярко демонстрирует эпизод, когда она не поддается фанатичной толпе, готовой в приступе невежества принести в жертву собак, чтобы отогнать от села смертельную болезнь. Образ Великой вырастает в символ хранительницы семьи, рода и всего народа. При этом П. Андреевский опирается на собственное знание народной жизни, на семейные предания (роман посвящен его бабушкам) и на национальную традицию, подлинным хранителем которых в его произведении становится именно женщина.

Македонский писатель в своем творчестве акцентировал: именно мать обладает небывалой силой, именно она способна хранить и передавать ценность народных традиций, воспитывать любовь к родине и быть ее подлинной защитницей, даже когда на первое место выдвигается великая идея. Эта мысль лежит в основе эволюции образа главной героини романа «Небеска Тимьяновна» (1988) от партизанки и борца за идеалы революции к хранительнице рода.

Женщина-Воительница — древний архетип, выведенный Юнгом. Воительница — это женщина, которая на уровне инстинктов чувствует свое право бороться, защищать себя и побеждать. Она не является традиционным воплощением женщины. Эта женщина может быть матерью, однако она не видит в материнстве своего единственного предназначения, так как для нее существуют более важные цели. Такая героиня наделена, как правило, физической и духовной силой, гордостью, суровостью, которая может даже перейти в жестокость, упорством, желанием побеждать. Воительница соединяет в себе мужские и женские черты.

История давала вдохновение писателям для создания образов женщин-воительниц (Орлеанская дева и др.). В истории Македонии была известна Сирма Стрезова Крстева (1776–1864), воспетая в фольклоре и литературе как Сирма Воевода, которая сражалась против турецких угнетателей. Во время борьбы с фашизмом и революции появились новые героини, храбрость которых стала легендой. Одна из самых известных — партизанка Вера Йоич, которой посвятил свои стихи Ацо Шопов («Любовь», «Очи»).

П. Андреевский в романе «Небеска Тимьяновна» тоже обращается к образу убежденной революционерки, сражавшейся в рядах партизанской армии. Как отмечал македонский писатель и критик Димитар Солев, в «Небеске Тимьяновне» Андреевский «продолжает рассказывать историю народа, из которого происходит он сам» [Солев 1990: 61–67]. П. Андреевский затрагивает важную для македонской литературы «эгейскую тему», трактовка которой неизменно приобретает трагический оттенок². Писатель создает выразительный образ македонской женщины сложной судьбы, вступившей в борьбу во имя идеалов революции, в которые она искренне верила. Небеска — яркая индивидуальность. Она не знает страха и не боится смерти. В ее характере слились мужские и женские черты. Героиня ставит на первое место необходимость отстоять коллективные ценности — победить врага. Во всех выпавших на ее долю испытаниях ее питали внутренняя убежденность и высокая цель: родина и свобода. Ради того, чтобы оставаться в строю, она готова была пожертвовать ребенком и сделать аборт, но все-таки стала матерью. Небеска принимает свое новое предназначение (быть матерью), но остается борцом, сражаясь и за будущее своего сына. Самое серьезное испытание Небеска пережила, когда были постав-

² «Эгейская тема» в македонской литературе включает в себя участие населения Эгейской Македонии в гражданской войне в Греции 1946–1949 гг., закончившейся разгромом партизанских сил и фактическим геноцидом славянского населения.

лены под сомнения ее идеалы. После поражения партизанского движения она вместе с другими бойцами была вывезена в СССР, затем арестована как иностранная шпионка и отправлена в ГУЛАГ. В лагере она выжила благодаря силе характера, памяти о своей родине (поет заключенным народные песни и показывает, как танцуют национальный танец) и любви к сыну. Возвратившись домой, она пытается возместить сыну ту любовь, которую не смогла ему раньше дать, таким образом все больше проявляя качества архетипа матери.

Андреевский тонко чувствовал женскую психологию и умело передавал оттенки эмоций и чувств своих героинь. Он был одним из первых, кто дал женщине говорить. В упомянутых выше романах он использует форму повествования от первого лица, чтобы подчеркнуть интимность повествования, достоверность исповеди, погрузиться в женский мир и убедительно изобразить его. Исповедь его героинь звучит как взволнованный монолог, раскрывающий тяжелые переживания и потрясения. Его героини выступают как активные участницы поворотных в судьбе Македонии событий, и каждая из них выполняет свою историческую роль. В целом, в женских образах македонского писателя соединено несколько ипостасей — Первозданной женщины, Матери и Воительницы, хотя заметно преобладание первых двух.

В новейшей македонской литературе наблюдаются изменения в изображении женщины. Это связано с тем, что в последние два десятилетия в литературном процессе все больше присутствуют женщины-писательницы (Т. Урошевич, О. Николова, Л. Пандева, В. Мойсова-Чепишевска и др.), которые предлагают свой «женский» взгляд на мир, на историю своей страны и ее настоящее. Их произведения все чаще становятся лауреатами престижных литературных премий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Друговац М.* Историја на македонската книжевност XX век. Скопје, 1990.
2. *Солев Д.* Петре М. Андреевски како раскажувач и романиер. 1990.
3. *Шешкен А. Г.* Македонская литература XX — начала XXI века. Очерки истории. М., 2022.
4. *Юнг К. Г.* Архетип и символ. Об архетипах коллективного бессознательного. М., 1991.
5. *Юнг К. Г.* Психологические типы. Спб.: Азбука, 2001.

REFERENCES

1. *Drugovac, M.* *Istorija na makedonskata knizhevnost XIX vek* [History of the Twentieth Century Macedonian Literature]. Skopje, *Vozrozhdenije*, 1990. (In Mac.)

2. Solev, D. *Petre M. Andreevski kako raskazhuvach i romansier* [Petre M. Andreevsky as narrator and novelist]. Skopje, *Misla*, 1990. (In Mac.)
3. Sheshken, A.G. *Makedonskaia literatura XIX — nachala XXI veka. Ocherki istorii* [Macedonian literature of the 20th — early 21st century. Essays on history]. Moscow, *Indrik Publ.*, 2022. 480 p. (In Russ.)
4. Jung, K.G. Arkhetip i simvol. Ob arkhетipakh kollektivnogo bessoznatel'nogo [Archetype and symbol. On the archetypes of the collective unconscious]. Moscow, *Renaissance Publ.*, 1991. 304 p. (In Russ.)
5. Jung, K.G. *Psikhologicheskie tipy*. [Psychological types]. St.-Petersburg, *Azbuka Publ.*, 2001. (In Russ.)

Поступила в редакцию 31.05.2024

Принята к публикации 24.12.2024

Отредактирована 06.05.2025

Received 31.05.2024

Accepted 24.12.2024

Revised 06.05.2025

ОБ АВТОРЕ

Гаврилова Полина Данииловна — аспирант кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
kampin1997@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Polina Gavrilova — PhD Student, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kampin1997@gmail.com

ЭПИГРАФ КАК СРЕДСТВО МЕЖЛИТЕРАТУРНОГО ДИАЛОГА: ЛИРИКА МАКСИМА БОГДАНОВИЧА

А.Г. Шешкен

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; asheshken@yandex.ru*

Аннотация: Темой статьи является анализ эпиграфов к стихотворениям классика белорусской литературы Максима Богдановича (1891–1917). Его лирика (сб. «Вянок» / «Венок», 1913) обогатила национальную литературу новыми темами и мотивами, жанрами, разнообразием стихотворных размеров, в чем поэт опирался на опыт русской и европейской поэзии. До сих пор недостаточно изучена в этом процессе роль эпиграфов, которыми белорусский автор широко пользовался. С точки зрения современных представлений в эпиграфе следует видеть своеобразный ключ, помогающий ориентироваться в богатом по содержанию контексте, в который вписывается творчество Богдановича как литературный феномен. Анализ эпиграфов важен для исследования художественных предпочтений белорусского поэта, его собственного понимания задач литературы. Они прямо указывают на важных для него авторов и конкретные стихотворения, помогающие понять направление его художественных поисков и формирование собственного взгляда на поэзию. Эпиграф в статье рассматривается как важная часть творческого диалога белорусского поэта с другими литературами. Отмечено, что в качестве эпиграфов им чаще всего использовались цитаты из русской (А. Пушкин, Е. Боратынский, А. Фет, К. Фофанов, В. Брюсов) и французской (В. Гюго, П. Верлен, Р. Сюлли-Прюдом) лирики. Замечено, что практически отсутствуют эпиграфы из польской поэзии и редко встречаются из лирики современных Богдановичу белорусских авторов (Я. Купала). Использование в качестве эпиграфов цитат из русских стихотворцев, в которых Богданович видит своих собеседников, объяснимо в первую очередь тем, что именно в контексте русской литературы происходило формирование творческой индивидуальности молодого белорусского поэта. Строки из Боратынского, Пушкина, Фета, Фофанова, Брюсова и др. часто отсылают к программным стихотворениям этих поэтов, в том числе на тему поэтического творчества. В целом сделанные наблюдения показывают ярко выраженный интерес Богдановича к традиции романтической лирики, переплетенной с новыми течениями рубежа XIX–XX вв. — импрессионизмом и символизмом. Это подтверждают также эпиграфы из европейских поэтов, французских и немецких. Отмечена близость мотивов и ассоциативная связь с ними пейзажной лирики Богдановича, сосредоточенной на стремлении запечатлеть постоянную изменчивость окру-

жающего мира, наполненной философским содержанием, размышлениями о красоте и быстротечности жизни, ее вечном движении и обновлении. Сближает Богдановича с символистами тонкое чувство музыки родного слова и музыкальность звучания стиха. В числе любимых поэтов Богдановича были Блок и Верлен. Первый в белорусской лирике «городской цикл» Богданович создавал в диалоге с Брюсовым, на что указывает служащая эпиграфом цитата из стихотворения Брюсова «Городу».

Ключевые слова: белорусская литература; символизм; Максим Богданович; междисциплинарный диалог; эпиграф

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-19

Для цитирования: Шешкен А.Г. Эпиграф как средство междисциплинарного диалога: лирика Максима Богдановича // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 213–224.

EPIGRAPH AS A MEANS OF INTERLITERARY DIALOGUE: MAXIM BOGDANOVICH'S LYRICS

A. Sheshken

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; asheshen@yandex.ru

Abstract: The article is dedicated to the analysis of epigraphs to poems by the classic of Belarusian literature Maxim Bogdanovich (1891–1917). His lyrics (collection *Vyanok / A Wreath*, 1913) enriched national literature with new themes and motifs, genres, and a variety of verse meters, in which the poet relied on the experience of Russian and European poetry. The role of epigraphs, which the Belarusian author widely used, has not yet been sufficiently studied in this process. From the point of view of modern concepts, an epigraph should be seen as a kind of key that helps to navigate the rich context in which Bogdanovich's work fits as a literary phenomenon. The analysis of epigraphs is important for the study of the artistic preferences of the Belarusian poet, his own understanding of the tasks of literature. They directly point to important authors and specific poems that help to understand the direction of his artistic searches and the formation of his own view of poetry. The epigraph in the article is considered as an important part of the creative dialogue of the Belarusian poet with other literatures. It is noted that as epigraphs he most often used quotes from Russian (A. Pushkin, E. Boratynsky, A. Foeth, K. Fofanov, V. Bryusov) and French (V. Hugo, P. Verlaine, R. Sully-Prudhomme) poets. It has been noted that there are practically no epigraphs from Polish poetry and those from the lyrics of Belarusian authors contemporary to Bogdanovich (Ya. Kupala) are found rarely. The use of quotations from Russian poets, who Bogdanovich sees as his interlocutors, is primarily explained by the fact that it was in the context of Russian literature that the creative individuality of the young Belarusian poet was formed. Lines from the poetry of E. Boratynsky, A. Pushkin, A. Foeth, K. Fofanov, B. Bryusov and others often refer to their programmatic poems, including those on the topic of poetic creativity. In general, the observations made show a pronounced interest of

M. Bogdanovich in the tradition of romantic lyrics, intertwined with new trends of the turn of the 19th–20th centuries — impressionism and symbolism. This is also confirmed by epigraphs from European — French and German — poets. The closeness of the motifs and the M. Bogdanovich's associative connection with their landscape lyrics, the complex desire to capture the constant variability of the surrounding world, filled with philosophical content, reflections on the beauty and transience of life, its eternal movement and renewal, are noted. What brings M. Bogdanovich closer to the Symbolists, is his subtle sense of the music of his native word and the musicality of the sound of his verse. Among Bogdanovich's favorite poets were A. Blok and P. Verlaine. M. Bogdanovich created the first "urban cycle" in Belarusian poetry in dialogue with V. Bryusov, as indicated by the quotation from V. Bryusov's poem "To the City" that serves as the epigraph.

Keywords: Belarusian literature; symbolism; Maxim Bogdanovich; interliterary dialogue; epigraph

For citation: Sheshken A. (2025) Epigraph as a Means of Interliterary Dialogue: Maxim Bogdanovich' Lyrics. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 213–224.

Классик белорусской литературы Максим Богданович (1891–1917) внес огромный вклад в расширение и обогащение тематики и проблематики национальной поэзии, совершенствование выразительных возможностей родного языка, формирование жанровой системы национальной лирики. Его поэзия, наряду с творчеством Я. Купалы и Я. Коласа, вывела белорусскую литературу за национальные рамки и сделала явлением мировой литературы. На формирование М. Богдановича и как писателя, и как личности оказала влияние сложная и насыщенная культурная атмосфера эпохи рубежа XIX–XX вв. Увлеченный задачей создания литературы на национальном языке поэт опирался на богатый белорусский фольклор и художественный опыт мировой литературы. Именно в этом синтезе он видел неисчерпаемые возможности для успешного развития национального искусства слова. В статье «Забывтый путь» Богданович подчеркнул: «Мы совершили бы серьезную ошибку, если бы не усвоили ту науку, которую нам дает мировая (прежде всего европейская) поэзия. Было бы более чем легкомысленно ничего не брать из того, что сотни народов в течение тысячелетия складывали в сокровищницу мировой культуры» [Багдановіч 2001: Т. 2, 291]. Широкое обращение к «сокровищнице» демонстрирует лирика и единственный изданный при жизни поэта сборник «Венок» («Вянок», 1913). Этот сборник, объединивший стихи разных лет, по праву называют духовной биографией поэта. Анализ стихов раскрывает богатство подтекста, реминисценций и ассоциативных связей поэзии Богдановича с классиками мировой литературы. Об этом пи-

сали многие исследователи творчества поэта. При этом (парадоксально) менее изучена роль эпиграфов, которыми белорусский автор широко пользовался и которые прямо указывают, с кем он вступал в диалог, формулируя одновременно собственный взгляд на поэзию.

Эпиграф как «чужое слово» в начале произведения акцентирует внимание на важных для автора аспектах. Эпиграфом пользовались поэты разных эпох, в том числе весьма активно современники Богдановича — представители разных течений и направлений литературы рубежа XIX–XX вв. Эпиграф (чаще всего это цитаты) показывает, что автор стихотворения находится в творческом диалоге с конкретными писателями и текстами. С точки зрения современных представлений это своеобразный ключ, помогающий ориентироваться в богатом по содержанию контексте (интертексте), в который вписывается конкретный литературный феномен. Анализ эпиграфов важен для понимания художественных предпочтений поэта, его собственного видения задач литературы, принадлежности (отношения) к актуальным для эпохи течениям и направлениям. Эпиграф тесно связан с основным текстом стихотворения, подсвечивает его идейно-художественное содержание и одновременно объединяет стихотворение с источником цитаты, который играет роль контекста. В целом, эпиграф — важное проявление внутрилитературного и/или междисциплинарного взаимодействия.

Анализ эпиграфов к стихотворениям Богдановича дает представление о круге чтения и литературных предпочтениях, интересе к литературным открытиям предшественников и современников, т. е. о важности для него определенной литературной традиции и актуальных художественных тенденций, что может служить ориентиром при исследовании собственной лирики поэта. Эпиграфы к стихотворениям Богдановича прямо указывают на авторов, созвучных молодому белорусскому стихотворцу, важных для формирования его поэтической индивидуальности. Чаще всего использованы цитаты из стихотворений русских (Фет, Брюсов, Пушкин, Боратынский, Фофанов и др.) и французских поэтов (Верлен, Сюлли-Прюдом, Гюго и др.), встречаются также строчки из итальянских (Данте) и немецких (Гейне) авторов. Редко в этом качестве употребляются цитаты из стихотворений белорусских поэтов (Я. Купала), что может показаться странным, тем более что Богданович с ними широко сотрудничал, есть также ряд стихотворений, адресованных национальным поэтам («С.Е. Палуяну», «Каганцу» и др.). Из близкой белорусам польской лирики их тоже совсем мало.

Значительное присутствие эпиграфов из русских авторов, в которых Богданович видит своих собеседников, объяснимо в первую очередь тем, что именно в контексте русской литературы происхо-

дило формирование молодого поэта. Это обусловлено обстоятельствами биографии Богдановича, который большую часть своей жизни провел на Волге (куда в 1896 г. после смерти матери от туберкулеза переехала семья), в Нижнем Новгороде и Ярославле, там же он получил образование и начал писать. Отец поэта Адам Егорович Богданович был собирателем белорусского фольклора, этнографом и знатоком белорусского языка, что сыграло главную роль в освоении Максимом богатства родного слова. В Нижнем Новгороде и Ярославле отец имел тесные контакты с местной интеллигенцией, литературной и культурной средой, в его доме бывали многие литераторы, в том числе Максим Горький.

Увлечение европейской литературой в русской культурной среде на рубеже XIX–XX вв. было серьезным и систематическим, а контакты разнообразными и плодотворными. Французская поэзия традиционно занимала в них важное место. Русские символисты поддерживали с ней напряженный творческий диалог. Традиционно интерес вызывала и немецкая лирика. В целом опыт европейского стиха, богатство его жанров, строфики, ритмов и рифмы заново осмыслились русскими поэтами, стимулировали их переводческую деятельность, что Брюсов образно назвал «кипением фиалок в тигле» [Брюсов 1987: 98]. Можно утверждать, что широкое обращение Богдановича к западноевропейской литературе соответствовало общей культурной атмосфере эпохи, когда оформился тип поэта, которому невозможно было обходиться без обширных гуманитарных знаний. Сам Богданович знал несколько иностранных языков, древние языки и обладал в области европейской литературы весьма широкими знаниями. Достаточно обратить внимание на имена авторов, поэзию которых он перевел на белорусский язык. Это Овидий и Гораций, Шиллер и Гейне, Верхарн и др. Особо выделяется среди них Верлен, чрезвычайно популярный в России того времени поэт. Среди основоположников белорусской литературы именно Богданович наиболее активно занимался переводческой деятельностью и заслужил славу выдающегося переводчика.

Даже беглое перечисление авторов, строки из поэзии которых Богданович использовал в качестве эпиграфов, показывает его явный интерес к традиции романтизма, переплетенной с новыми течениями — импрессионизмом и символизмом. Сборник «Венок» дает тому множество подтверждений. Он открывается частью под названием «В зачарованном царстве» («У зачарованым царстве») и циклом «Зарисовки и напевы» («Малюнкi і спевы»). Ему предпослан эпиграф из позднего стихотворения Фета «Поэтам» (1890): «Этот листок, что иссох и свалился, / Золотом вечным горит в песнопенье». Фетовские строки подчеркивают значимость для Богдановича об-

раза листка, сохраненного среди страниц книги. Засушенный листок приобретает значение важного символа, соединяющего живую жизнь и память о важных ее моментах. Молодой Богданович разделяет главную мысль философской элегии Фета, рассуждающего об уникальной способности поэтов украшать поэтическим словом жизнь, наполняя ее гармонией и красотой, и противостоять смерти и забвению. Подобно русскому поэту, чей «дух окрылился», соприкоснувшись с совершенством творчества предшественников, Богданович в свою очередь вдохновлен Фетом, певцом красоты природы и возвышенной любви. Ему близка мысль об уникальной возможности запечатлеть в слове восхищение красотой мира, пусть и недолговечной. Этот мотив появился у Богдановича достаточно рано и прослеживается на протяжении его короткой жизни вплоть до предсмертных стихов. Связано это с его болезнью (туберкулез) и пониманием обреченности на раннюю смерть. Он сам себя видел поздним осенним цветком, которому суждено недолго радовать глаз.

Об этом свидетельствует пейзажная лирика Богдановича, наполненная философским содержанием, размышлениями о красоте и быстротечности жизни, ее вечном движении и обновлении. Смена времен года, грустная пора наступления осени («Плакало лето, землю покидая...» / «Плакала лета, зямлю пакідаючы...») видится белорусскому поэту «по-пушкински». Стихотворению предпослан эпиграф из короткого стихотворения Пушкина «Цветы последние милей...». Оно не принадлежит к числу хрестоматийных, что говорит о желании Богдановича избежать использования общеизвестных строк. У белорусского поэта соприкосновение с Пушкиным прослеживается во многих произведениях, в том числе в одном из самых известных — поэме «Вероника». Это отмечало белорусское литературоведение [Навуменка 1999: 265–318], нам также приходилось об этом писать [Шешкен 2003: 23–36]. Богданович находит у классика русской литературы близкое именно себе. Сложное переплетение грустных мыслей и ожидание радости характерно для лирического героя, для которого тронутый увяданием окружающий мир все же прекрасен. На таком возведенном до философского символа понимании природы и гармонии мира настаивает Богданович.

Обращает на себя внимание богатая палитра красок пейзажной лирики, соответствующая смене настроения лирического героя в разное время суток. Пейзаж находится в постоянном движении, а лирический герой стремится уловить эту изменчивость, следуя принципам импрессионистической живописи. Например, стихотворение «Привет тебе, жизнь на воле...» («Прывет табе, жыццё на волі...») фиксирует изменение вечернего пейзажа, освещение засы-

пающей природы вечерней зарей, звездами и месяцем, порывы ветра и сгущающиеся тени («Лахмонцы ценяў на палянах, / зхваўшы золата, ляжаць»). Стихотворению предпослан эпиграф «Оглянись — и мир вседневный / Многоцветен и чудесен» из раннего программного стихотворения Фета «Мы с тобой не просим чуда...» (1843), где русский поэт отдает предпочтение созерцательности и воспринимает окружающий мир как чудо и совершенство. В этом же ключе написаны многие стихотворения Богдановича, относящиеся к пейзажной лирике («Добрай ночы, зара-зараніца!», «Ціха па мягкай траве...», «Вечар на захадзе ў попеле тушыць...» и др.). В стихотворении «Теплый вечер, тихий вечер, свежий стог...» («Цёплы вечар, ціхі вечар, свежы стог...») подчеркнуто именно такое, «фетовское» восприятие мира: «Бачу я, з прыродай зліўшыся душой, / Як дыжаць ад ветру зоркі нада мной, / Чую ў цішы, як расце трава». В них выражено стремление запечатлеть «чудо» того, что человек может ежедневно созерцать, если он наделен даром видеть прекрасное в картинах родной природы.

Ярко выраженный интерес Богдановича к Фету сформировался в те годы, когда русские символисты в этом поэте видели своего предшественника [Авраменко 1990: 56–62]. Именно так оценивали поэзию Фета В. Соловьев и Брюсов. Последний прямо говорил об огромном влиянии Фета на свое творчество. А упомянутые выше строки «Этот листок, что иссох и свалился, / Золотом вечным горит в песнопенье» были для символистов практически идеальной формулой соотношения жизни и искусства. Мотивные переключки, реминисценции, импрессионистический стиль, свойственный символистам, во многом восходят к лирике Фета. Мимолетность, миг, поразивший душу, который хочется запечатлеть и увековечить в слове, были важным эстетическим принципом символизма. Такой взгляд на поэзию оказался близок и белорусскому поэту. В целом пейзажная лирика Богдановича избегает картин, наполненных предметными деталями. Она использует штрих, передающий эмоциональное состояние [Навуменка 1999: 284]. Взятые Богдановичем в качестве эпиграфа строки Фета следует рассматривать как «ключ», позволяющий открыть широкое ассоциативное поле лирики белорусского поэта и осмыслить глубинные ее связи со стихами русского поэта XIX в. и его последователей. Например, ряд интересных наблюдений можно сделать о мотиве «золотого солнца», «золотого луча», образе солнца в целом у Фета, русских символистов [Авраменко 1990] и Богдановича. При этом эпиграф ориентирует на конкретные, важнейшие для поэзии символистов, часто программные стихотворения, трактовка которых позволяет выявить особенности мировосприятия и взгляда на поэзию самого Богдановича.

В этой связи следует сказать и о понимании белорусским поэтом природы поэтического творчества как уникального божественного дара, неповторимого в своем блеске. Второй части сборника «Венок» предпослан эпиграф из программного стихотворения Боратынского «Не подражай: своеобразен гений» (1828), адресованного Мицкевичу. В нем русский поэт прямо призывает польского поэта помнить, что при всем почтении к Байрону, он «сам бог». Богданович двум стихотворениям («С.Е. Полуяну», «Каганцу»), посвященным белорусским деятелям эпохи Национального Возрождения критику Сергею Полуяну (1890–1910) и писателю Карусю Коганцу (1868–1918), и всему циклу «Думы» предпослал строки Боратынского «С Израилем певцу один закон: / Да не творит себе кумира он!» Подобно предшественнику, считающему Мицкевича столь же великим, как и кумир поколения Байрон, Богданович заявляет о ценности и божественной природе таланта, возвышающего в глазах мира национальную литературу. Обращение в этой связи именно к Боратынскому тоже не случайно, особенно если учитывать, что на рубеже веков Боратынский «заял в читательском сознании место наряду с Пушкиным и Тютчевым» [Гельфонд 2004]. Заслуга такой популярности уже почти забытого поэта принадлежит символистам Брюсову, Бальмонту, В. Иванову, Андрею Белому и др., которые увидели в Боратынском своего предшественника и стали уделять много внимания его творчеству. Очевидно, что и в этом случае Богданович разделял художественные предпочтения и оценки символистов.

Можно отметить и жанровые поиски белорусского поэта, который был в национальной литературе подлинным новатором, отдавая должное общему для эпохи увлечению традиционными, но часто забытыми жанрами европейской лирики. К их числу принадлежит триолет, ставший чрезвычайно популярным у русских поэтов 1910-х гг. (Сологуб, Бальмонт, Фофанов и др.). Богданович тоже написал ряд триолетов, в том числе одному из них («Як птушка ў гібкіх трасніках» / «Как птичка в гибких тростниках») предпослан эпиграф «Красавец юный, Триолет» из триолета Фофанова.

Белорусские исследователи, отмечавшие устойчивый интерес Богдановича к импрессионизму и символизму, писали о «синтезе европейской культуры и чисто национальных форм ее выражения», что образует в представлении Богдановича «идеал поэта»¹, в то же время подчеркивая специфику восприятия данного опыта: «Питая

¹ О важности традиции символизма для Богдановича писал автор одного из первых фундаментальных исследований о нем Г. Железняк (защитил диссертацию в 1940 г., она была впервые опубликована в 2011 г.). В научных трудах вплоть до начала 1990-х гг. акцент ставился на фольклорном начале поэзии и мотивах, позволяющих соотнести лирику Богдановича с литературно-критическим направле-

определенные симпатии к русскому и западноевропейскому символизму, испытывая влияние его, Богданович вместе с тем остался чужд религиозно-философским глубинам символизма. Воспринимая у Андрея Белого его тяготение к точной критике, его формально-поэтические поиски и повышенный интерес к формальным задачам художественного творчества, Богданович остался равнодушен к религиозно-философской стороне его теории» [Навуменка 1999: 185]. Усложненность символов была ему чужда (называл такие образы-символы ребусами), ближе и органичнее был для него Брюсов, с ясностью слога, мысли и образа.

Воззрения Брюсова на литературу оказали серьезное влияние на Богдановича, который стал первым белорусским «городским поэтом» в смысле и создания образа города, и ориентации на книжную культурную традицию и город как место ее становления. Именно в этом свете следует понимать использование в качестве эпиграфа строки из известного стихотворения Брюсова «Городу» (1907): «Ты — чарователь неустанный, / Ты — неслабеющий магнит». Сам Брюсов назвал это стихотворение дифирамбом Москве, стремительно менявшей свой облик под воздействием новой промышленной эпохи (город «стальной, кирпичный и стеклянный»). Возникает образ города, полный контрастов, поэт играет не только на противопоставлении прекрасного (дворцы из золота, праздничные храмы) и безобразного (фабричные трубы, нищета, злоба, голод и разврат), но и на противопоставлении обозначенного жанра (дифирамб) и предчувствии неизбежной катастрофы. Стихотворение Богдановича «Вступление» («Уступ»), которому предпослан эпиграф из Брюсова, открывает цикл «Город» («Места»), возникший под впечатлением поездки Богдановича в Вильно летом 1911 г. Исследователи называют «Город» первым в белорусской поэзии урбанистическим циклом. Контрастность городского пейзажа, ярко отраженная у Брюсова и наполненная предчувствием катастрофических потрясений, у Богдановича несколько смягчена. Его лира как бы ненароком свернула с приволья полей на улицы древнего города («Звярнуў калісь Пегас на вулкі / З прывольных палявых дарог») и запечатлела его современную суету, так отличающуюся от города эпохи Возрождения и Реформации, когда в Вильно жил и трудился выдающийся деятель белорусской культуры — «доктор лекарственных наук» и первопечатник Франциск Скорина. Образ Вильно построен на контрасте центральных улиц, что «сияют и гулко гремят», где людской поток «заливает пояса тротуаров», тревожно звенят трам-

нием. В последние десятилетия вновь активно изучается связь лирики Богдановича с модернистскими течениями конца XIX — начала XX века.

ваи, горят фонари, освещая «глаза на измученных лицах», и переулков, где все — купола церквей, колокольный звон, старинные ворота, бойницы и тишина — напоминает о далеком прошлом («Вулкі Вільні зіяюць і гулка грымязь...»). В этом же ключе выдержан и сонет «В Вильно» («У Вільні»), где еще более выпукло изображена атмосфера современного города с «рядами касс, ломбардов, банков», огнями вокзала, сипящим паровозом, пакгаузами, складами и «тьмой небес». Лирический герой Богдановича страдает здесь, где «нет места для природы буйных сил», он с особой радостью замечает меркнущую на закате «небес позолоту» и мечтает «хотя б немного отдохнуть».

Ответ на вопрос, почему именно Вильно стало объектом художественного воображения Богдановича, на первый взгляд, простой. Известно, что белорусский поэт глубоко интересовался прошлым своего народа, а Вильно на протяжении веков был важным культурным центром белорусов и продолжал им оставаться в начале XX в. В Вильно издавалась газета на белорусском языке «Наша нива», в которой начал печататься Богданович. В Вильно он издал и свой единственный сборник «Венок», где помещен и упомянутый городской цикл. В то же время остается непонятно, почему именно Вильно, а не Нижний Новгород или Ярославль с не менее яркими контрастами, в которых поэт провел большую часть своей жизни и атмосфера которых была ему ближе. Для ответа на этот вопрос стоит обратить внимание на ключевые слова эпитафии: чарователь и магнит. Магнетической силой для поэта, очевидно, обладал именно Вильно. Этот город, который он мечтал увидеть, представлялся ему овеванным легендами прошлого, колыбелью печатного белорусского слова, где Ф. Скориной была издана первая датированная белорусская печатная книга «Апостол». Цикл «Город» в сборнике «Венок» помещен сразу после цикла «Старая Белорусь», что подчеркивает контраст между прошлым и настоящим. Эффект усилен зарисовками из современной жизни древнего города, суетливой и непривлекательной.

Сближает Богдановича с символистами тонкое чувство музыки родного слова и музыкальность звучания стиха. В числе любимых поэтов Богдановича были Блок и Верлен. Мотив музыки является сквозным у Богдановича, что нередко подчеркивается эпитафией. Так, к «Майской песне» («Маёвая песня») эпитафией служит цитата из Верлена «De la musique avant toute chose» (в одном из вариантов перевода — «Здесь музыка важнее всего»). Музыка майского дня — «гимн весне», «ветер звонкий» — это песня, что «рвется и льется» на широкое раздолье, услышать которую способен «только сам поэт». Обращает на себя внимание, как много у Богдановича «звучащих»

глаголов, вообще словосочетаний, связанных со звуками. В этом белорусские исследователи видят «дань музыкальной, ритмической стороне поэзии», сближающей поэта не только с Фетом, но и с Блоком. Кроме того, есть стихотворения, в которых центральный образ — это музыкальный инструмент. Часто это звучащий рояль («Рояль целует тонкая рука»), что тоже не случайно. Образ открытого и/или звучащего рояля ассоциативно отсылает к традиции в русской и европейской литературе.

Анализ эпиграфов, взятых из поэзии В. Гюго, «парнасца» Рене Сюлли-Прюдомы и др., также подтверждает систематический интерес белорусского поэта к романтической традиции и лирике символистов. В богатой палитре литературной жизни конца XIX — начала XX вв. именно символисты были Богдановичу близки и созвучны его поэтическим поискам, именно с ними он вел напряженный творческий диалог.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авраменко А.П. Фет и русские символисты // Авраменко А.П. А.А. Блок и русские поэты XIX века. М., 1990. С. 56–62.
2. Багдановіч Максім. Забыты шлях. Пер. А. Шешкен // Поўны збор твораў: У 3 т. Мінск, 2001.
3. Брюсов В. Фиалки в тигеле // Брюсов В. Соч. в 2 тт. Т. 2. М., 1987.
4. Гельфонд М.М. Традиция Боратынского в лирике XX века. Автореф. дис. канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2004.
5. Железняк Г. Поэзия Максима Богдановича // Максім Багдановіч вядомы і нявядомы. Крытыка-архіўны зборнік. Мінск. 2011. С. 181–198.
6. Навуменка І. Я. Максім Багдановіч // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: У 4 т. Т. I. Мн., 1999. С. 265–318.
7. Шешкен А.Г. Поэма Максима Богдановича «Вероника» в контексте русской и европейской литературных традиций // Славянский вестник. Т. I. М., 2003. С. 23–38.

REFERENCES

1. Avramenko, A.P. *Fet i russkie simvolisty* [Foeth and Russian Symbolists]. In: Avramenko A.P. A.A. Blok i russkie poety XIX veka [A.A. Blok and the Russian Poets of XIX century]. Moscow, 1990. P. 56–62. (In Russ.)
2. Bagdanovich, Maksim. *Zabyty shlyah* [The Forgotten Road]. In: Pouny zbor tvorau [Complete Works]. Vol. 1–3. Vol. 3. Minsk, 1996. (In Belorussian)
3. Bryusov, V. *Fialki v tigele* [Lilacs in the Crucible]. In: Bryusov V. Soch. [Works]. In 2 vol. Vol. 2. Moscow, 1987. (In Russ.)
4. Gelfond, M.M. *Tradiciya Boratynskogo v lirike XX veka* [Boratynski's Tradition in XX Century Lyrical Poetry. Abstract of the Candidate's Thesis in Philology]. Nizhnij Novgorod. 2004. (In Russ.)
5. Zheleznyak, G. *Poeziya Maksima Bagdanovicha* [Maxim Bogdanovich's Poetry]. In: Maksim Bagdanovich vyadomy i nevyadomy. Krytyka-arhiuny zbornik [Maxim Bogdanovich Known and Unknown: Critical and Archival Collection]. Minsk, 2011. (In Russ.)

6. Navumenka, I.Y. Maksim Bagdanovich [Maxim Bogdanovich]. In: Gistoriya belaruskay literatury XX stagoddzya: u 4 tt. [The History of XX Century Belorussian Literature: in 4 vol.] Vol. I. Minsk, 1999. P. 265–318. (In Belorussian)
7. Sheshken, A.G. Poema Maksima Bagdanovicha “Veronika” v kontekste russkoy i evropeyskoy literaturnykh traditsiy [Maxim Bogdanovich’ Poem “Veronica” in the Context of Russian and European Literary Traditions]. *Slavyanskiy vestnik*. T. I. M., 2003. P. 23–38.

Поступила в редакцию 01.02.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 06.05.2025

Received 01.02.2025

Accepted 22.04.2025

Revised 06.05.2025

ОБ АВТОРЕ

Шешкен Алла Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; asheshken@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alla Sheshken — Prof. Dr., Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; asheshken@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ТЕМИРШИНА О.Р. ЕГОР ЛЕТОВ: ЯЗЫК И МИР. ОПЫТ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПОЭЗИИ. СПб.: Скифия, 2024. 608 с.

В.А. Гавриков

*Московский университет имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия;
yarosvettt@mail.ru*

Аннотация: В рецензии анализируется книга О.Р. Темиршиной, посвященная поэтике Егора Летова. Рассматриваются общие методологические подходы исследовательницы к поэтическому материалу, выявляется междисциплинарная специфика монографии, интерпретируются полученные автором результаты.

Ключевые слова: Егор Летов; русский авангард; поэтика; психолингвистика; поэтический язык

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-20

Для цитирования: Гавриков В.А. Рецензия на книгу: Темиршина О.Р. Егор Летов: язык и мир. Опыт психолингвистического подхода к поэзии. СПб.: Скифия, 2024. 608 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 225–228.

REVIEW OF THE BOOK: OLESYA R. TEMIRSHINA. YEGOR LETOV: LANGUAGE AND WORLD. AN EXPERIENCE OF A PSYCHOLINGUISTIC APPROACH TO POETRY. St. Petersburg: Skifiia, 2024, 608 p.

V. Gavrikov

Moscow Griboyedov University, Moscow, Russia; yarosvettt@mail.ru

Abstract: The review analyzes the book by Olesya R. Temirshina, dedicated to the poetics of Yegor Letov. The general methodological approaches of the researcher to the poetic material are considered, the interdisciplinary specificity of the monograph is revealed, and the results obtained by the author are interpreted.

Keywords: Yegor Letov; Russian avant-garde; poetics; psycholinguistics; poetic language

For citation: Gavrikov V. (2025) Review of the book: Olesya R. Temirshina. Yegor Letov: Language and World. An Experience of a Psycholinguistic Approach to Poetry. St. Petersburg: Skifiia, 2024, 608 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 225–228.

Рецензируемая монография получилась капитальной отнюдь не только по объему текста, но и по масштабности и глубине прорабатываемых вопросов. Подзаголовок «Опыт психолингвистического подхода» сразу подводит читателя к важнейшему методологическому контексту этой работы — трудам в области психологии творчества, причем важными столпами для автора являются не только литературоведческие, но и лингвистические константы. На стыке этих трех отраслей знания — поэтики, лингвистики, психологии — и строится монография.

О.Р. Темиршина смотрит на «язык и мир» Летова через призму оппозиции «значение — смысл». Она показывает, как в рамках авторской *системы смыслов* трансформируются *узусные значения*. Основой (и, может быть, механизмом) таких смысловых сдвигов становится крайне индивидуализированная модель мира. «По нашей идее, — пишет исследовательница, — сдвиги в индивидуальной поэтике указывают на места “разрыва языковой ткани” личностными смыслами: язык в его узусном измерении не может выразить субъективные смыслы, в связи с чем он деформируется, что приводит к технике “поэтической ошибки” и обуславливает поэтику сдвига» (с. 35–36).

Таким образом, поэтика Егора Летова исследуется как *смысловая производная* его художественной реальности. Это установочное положение на первый взгляд кажется общим, однако в работе оно конкретизируется. О.Р. Темиршина выявляет первичные структуры авторского мира — субъектность, пространство, время, телесность — и убедительно доказывает, что эти смысловые параметры прямым образом влияют как на общий семантический строй лирики Летова, так и на ее «поэтическую грамматику». Фактически в фокусе внимания ученого оказывается сам момент сотворения поэтической вселенной, в которой понятия еще только ищут свое лексическое и грамматическое выражение.

Именно поэтому книга открывается исследованием художественной онтологии поэта. Как доказывает автор монографии, у Летова можно обнаружить два типа пространства: открытое и закрытое. Оба типа в рамках поэтики не изолированы, они задают образы субъекта, который в мире Летова носит отчетливый телесно-физиологический характер. «Пространственно-телесная» модель связывается с особым «центробежным сюжетом», ключевым для поэтики Летова: запертая внутри узкого пространства сущность (эго, душа и т. д.) активно прорывается наружу, что ведет к разрушению телесности, а значит, к переходу в инобытие, которое понимается как пространство расширенное, иногда безграничное.

Исследовательница не останавливается на литературоведческой фиксации этого лирического нарратива, она идет дальше и показывает, что с психологической точки зрения этот сюжет метафорически кодирует этапы протекания сильной эмоции. Оживляя языковую метафору «выйти из себя», Летов разрабатывает «поэтику аффекта», «оголенного» чувства — настолько мощного, что оно способно преобразовать не только лирического героя, но и весь окружающий его мир.

Способы воплощения таких «коннотативно-эмотивных» значений в поэтике — одна из приоритетных тем монографии. Отличительной чертой летовской лирики являются «аграмматизмы», которые не только реализуют авангардный подтекст (и претекст) его поэтики, но и входят в сложную корреляцию с миромоделирующими основами. И здесь Темиршина с опорой на аппарат психолингвистики развивает мысль о том, что в основе летовских аграмматизмов лежат образы деформированного пространства и деформированного тела. Такая неочевидная связь — тела, пространства и грамматики — объясняется тем, что грамматические значения генерализуют отношения субъекта и мира, именно поэтому разрушение этих первичных образов приводит к грамматическим «девиациям». И недаром, как замечает автор монографии, в летовских аграмматических конструкциях всегда обнаруживается образ «разрушаемого» тела — такая связь семантики и грамматики обусловливается психологически.

Закономерности, обнаруженные исследовательницей, «работают» не только на макроуровне синтаксиса, но и на микроуровне звуковой поэтики. Здесь герой монографии предстает наследником русского поэтического авангарда, развивая находки футуристов в области поэтической фоники. Однако у Летова, как показывает Темиршина, в освоении звуковой темы есть своя специфика: звук трактуется им как «звуковой жест», теснейшим образом связанный с механизмами поэтической суггестии.

Завершает книгу анализ переключек поэтики Летова с русским поэтическим авангардом и фольклором, которые, по мнению автора, являются двумя первичными кодами, основами летовского художественного мира.

Материалом книги стали поэтические тексты Летова, изданные в виде «традиционных стихотворений». Поэтому автор работы сразу оговаривается: «Вопросы синтетического текста не попадают в поле нашего зрения» (с. 39). Это оставляет значительный простор для будущих исследований летовской поэтики. Так, интересно «наложить» полученные Темиршиной выводы на собственно «живой звук», под которым можно понимать не только лингвистические

параметры устной речи, но и «актерскую игру», то есть артистическо-артикуляционный компонент летовского исполнительства, а также вокальную составляющую (ведь мы имеем дело чаще всего не с говорением, а с пропеванием), музыкальную составляющую и даже шумовую. Всё это не только обогащает собственно «вербальный субтекст» («подстрочник»), но и порой приводит к иным интерпретациям, трудно угадываемым при простом «чтении с листа». Впрочем, сегодня исследователи песенной поэзии используют именно печатный текст песен, исключения из этого правила редки.

Таким образом, рецензируемая работа крайне важна для понимания смыслообразования в летовской идиопэтике, будущие исследователи этого поэтического феномена обречены обращаться к книге Темиршиной как к исследованию, сфокусированному на самых первичных элементах летовского мира. Однако монография не ограничивается идиопэтикой Летова, на методологическом уровне она выходит далеко за пределы этого материала. Темиршина создает работающую методологию, которая может быть экстраполирована и на иные объекты как песенной поэзии, так и поэзии традиционной, «бумажной», — особенно ее авангардного и поставангардного изводов.

Поступила в редакцию 05.11.2024

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 07.05.2025

Received 05.11.2024

Accepted 22.04.2025

Revised 07.05.2025

ОБ АВТОРЕ

Гавриков Виталий Александрович — доктор филологических наук, доцент, профессор Московского университета имени А.С. Грибоедова; yarosvettt@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vitaly Gavrikov — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Moscow Griboyedov University; yarosvettt@mail.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

LVI ВИНОГРАДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Н.К. Онипенко

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Москва, Россия;
onipenko_n@mail.ru*

Аннотация: В статье излагается содержание докладов, прочитанных на очередных 56-х Виноградовских чтениях в МГУ. Доклады содержали обоснование актуальности идей В.В. Виноградова для современной русской лингвистической науки. Основное внимание уделяется в синхронном плане словообразованию, синтаксису и грамматическому анализу текста, в диахронном — грамматике и синтаксическим функциям глагольных форм.

Ключевые слова: грамматика; анализ текста; текстология; грамматические формы глагола; причастие; наклонение; словообразование; аббревиатуры

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-21

Для цитирования: Онипенко Н.К. LVI Виноградовские чтения // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 229–235.

56th VINOGRADOV READINGS

N.K. Onipenko

V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Moscow, Russia; onipenko_n@mail.ru

Abstract: The article describes the content of the papers read at the regular 56th Vinogradov Readings at Moscow State University. The reports contained substantiation of the relevance of V.V. Vinogradov's ideas for modern Russian linguistics. The main attention is paid in synchronic terms to word formation, syntax and grammatical analysis of the text, and in diachronic terms, to grammar and syntactic functions of verb forms.

Keywords: grammar; text analysis; textology; grammatical forms of the verb; participle; inflection; word formation; abbreviations

For citation: Onipenko N.K. (2025) 56th Vinogradov Readings. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 229–235.

12 января 2025 г. научная общественность отметила 130-летие со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова, а 14 января 2025 г. в МГУ состоялись очередные 56-е Виноградовские чтения, в которых участвовали преподаватели вузов и сотрудники научно-исследовательских институтов из Москвы и Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Донецка, Петрозаводска. Тема чтений — «Традиции и новации в русской филологической науке (синхрония и диахрония)» — соединила актуальные проблемы описания современного русского языка с вопросами исторической грамматики, исторической лексикологии, лексикографии и текстологии.

Открывая научные чтения, президент филологического факультета МГУ, заведующая кафедрой русского языка проф. **М.Л. Ремнева** сказала об актуальности идей В.В. Виноградова для современной русистики, для преподавания многих научных дисциплин на филологическом факультете МГУ. В научных трудах академика Виноградова мы находим те опоры, которые позволяют сегодня сохранять и приумножать то лучшее, что оставили нам филологи-русисты XIX–XX вв., позволяют видеть перспективы и двигаться вперед, развивая русскую филологию. В настоящее время актуально междисциплинарное взаимодействие, соединяющее системность и функциональность, описание языка и анализ текста, синхронию и диахронию.

Программа чтений открывалась докладом **М.Ю. Сидоровой** (Москва) «Судьба идей В.В. Виноградова в русской грамматике: от грамматики 1952–1954 гг. до наших дней», которая обратила внимание слушателей на основные положения введения ко второму тому «Грамматики русского языка» (1952–1954). Это введение было написано В.В. Виноградовым. Он исходил из убеждения, что нормативная описательная грамматика обеспечивает единство общенационального функционирования русского языка как языка государственного, что нормативная грамматика должна быть адресована любому носителю русского языка, что грамматические правила должны формулироваться понятно и что изобилие терминов не является признаком научности лингвистического текста. М.Ю. Сидорова обосновывала функционально-коммуникативный подход в описании синтаксической системы, в основе которого деление синтаксиса на докоммуникативный и коммуникативный уровни. На коммуникативном уровне важнейшими признаками модели предложения являются не только интонационная оформленность предложения, но и его предикативность и двусоставность. Теория валентности эффективна на докоммуникативном уровне, но не на уровне предложения, которое характеризуется структурно-

семантической взаимозависимостью его конститутивных компонентов и функционально-текстовой обусловленностью самой модели предложения. Описание системы моделей русского предложения не должно ограничиваться приоритетом глагола и иерархией падежей, должно опираться на семантику и учитывать связи той или иной конструкции с уровнем текста.

В докладе **Т.В. Шмелевой** (Великий Новгород) «Лингвистика текста: предчувствие нового, затянувшееся на полвека» обращается внимание на то, что в середине 1970-х сложилось ощущение, что русистика должна пополниться новой лингвистической дисциплиной — лингвистикой текста. Это ожидание формировалось публикацией зарубежных и отечественных работ программного характера и множеством конкретных наблюдений над текстами разных типов. Однако, несмотря на то, что исследования текста ведутся, лингвистика текста во многих вузах не стала обязательной частью учебных университетских курсов. Между тем можно утверждать, что высказаны идеи, которые позволяют говорить о грамматике текста: это, прежде всего, предложенная В.В. Виноградовым идея «образа автора», идея тематической основы, сформулированная чешскими лингвистами, и идея рематической доминанты Г.А. Золотовой. Докладчица обосновывала мысль о том, что лингвистика текста должна стать частью современных грамматических представлений.

В.И. Теркулов (Донецк) в своем докладе «Базовые характеристики синхронного подхода к определению и описанию сокращенных номинативных единиц» рассмотрел особенности образования и функционирования сложносокращенных слов — аббревиатур, возникающих в результате замещения слова (слов) производящего (эквивалентного) словосочетания слоговым абброконструктом. Сложносокращенные слова противопоставляются инициальным аббревиатурам, создаваемым путем сокращения слов исходного словосочетания до их первых звуков или букв, и сложносокращенным онимами, конструируемым из абброконструктов. Устанавливается различие между диахронным и синхронным подходами к выделению и описанию сложносокращенных слов. Описываются параметры эквивалентности как основания для выделения синхронных сложносокращенных аббревиатур. Определяются особенности семантики этих единиц, характеризующейся эмерджентностью и эквивалентностной полисемией. Устанавливаются причины формирования данного типа полисемии, основной из которых является наличие у абброконструкта набора дешифровальных стимулов — стереотипов развертывания в слово, имеющих презентативный, релятивный и модификативный статус.

Доклад **Г.И. Кустовой** (ИРЯ РАН) «Вводность и присоединение» был посвящен вводным (ВК) и распространительно-присоединительным (РПК) конструкциям с ментальными глаголами предположения. Показано, что РПК обычно являются не результатом преобразования изъяснительных конструкций с тем же глаголом, а самостоятельной синтаксической стратегией. Рассматривались 1) категория лица в ВК (ВК 1-го лица употребляются в повествовательных предложениях, но не в вопросительных и побудительных; ВК 2-го лица, наоборот, возможны в вопросительных предложениях); 2) особенности ВК настоящего и прошедшего времени как показателей синхронной и ретроспективной позиции наблюдателя: ВК прошедшего времени имплицитно подразумевает 'ситуация Р не подтвердилась' (*Он не уехал, как она думала* ['думала, что уехал']); ВК как *Х и* думал имплицитно подразумевает 'ситуация Р подтвердилась'.

Е.Н. Виноградова (Москва) в докладе «Идеи В.В. Виноградова и принципы современного описания русских предлогов» обсуждала виноградовский подход к статусу предлогов в системе частей речи и к процессу образования производных предлогов. Наиболее важным в описании академиком В.В. Виноградовым русских предлогов является постановка проблемы грамматикализации языковых единиц и интерпретация этого процесса в связи с системой функциональных стилей русского языка. На примере грамматикализации именных сочетаний было показано, что это непрерывный, сложный процесс, в рамках которого возможен как непосредственный переход именных форм в предлоги, так и их движение через наречие. Основным условием при этом становится потеря самостоятельного «предметного» значения (для разных именных сочетаний в большей или меньшей степени), что обуславливает и парадигматические, и синтагматические свойства производной предложной единицы.

С.В. Вяткина (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Прагматика способов номинации субъектов речи в современном политическом дискурсе», в котором представила описание способов номинации субъекта речи в современном политическом дискурсе. Экспликация источника информации с помощью специальных маркеров была названа опосредованной эвиденциальностью. В аспекте диахронии рассматривались способы номинации информирующего субъекта в текстах «Ведомостей» 1703–1727 гг. Материал «Ведомостей» позволяет охарактеризовать опосредованную эвиденциальность как формирующуюся текстовую категорию: стандартизированный, однотипный набор языковых средств, указывающих на информирующий источник, формульность заголовков. На этом фоне современный политический дискурс отличается диа-

логизированностью, которая предопределяет выбор средств номинации субъекта речи.

А.А. Пичхадзе (Москва) в докладе «Предикативные причастия в средневековых славянских языках» проследила функционально-синтаксическую историю причастий. Докладчица рассмотрела четыре функции предикативного причастия (четыре типа конструкций с предикативными причастиями): вершина зависимой предикации; вершина вложенной предикации; аргумент; сирконстант. В докладе были указаны хронологические рамки появления определенных конструкций с причастиями: (1) на индоевропейской стадии фиксируются причастные вложенные конструкции при глаголах восприятия, мысли и речи и причастие как аргумент фазовых и эмотивных глаголов; (2) на балто-славянской стадии — причастие как вершина предикаций, присоединяемых неопределенными местоимениями без выраженных признаков неопределенности, в нефактивных контекстах; (3) на обще- или восточнославянской стадии — причастные конструкции со значением контактного предшествования; (4) в старорусский период — «гетеросубъектные» причастные конструкции, обозначающие основание/повод.

Доклад **М.Н. Шевелевой** (Москва) «О переносном употреблении ирреальных наклонений в древнерусских текстах» был посвящен проблеме переносного употребления ирреальных наклонений в древнерусских некнижных текстах (основным материалом послужили все имеющиеся на сегодня берестяные грамоты). Переносное употребление повелительного наклонения в условно-уступительном значении фиксируется с самого раннего времени — примеры в грамотах XI–XII вв., «Русской правде», «Вопрошании Кирика» XII в., причем как в значении 2-го лица, так и в значении 3-го л. Примеров употребления императива в значении прошедшего индикатива (неожиданного действия в прошлом, так наз. «драматического императива») типа [*возьми и*] *спроси* в ранних грамотах не зафиксировано, однако в грамоте рубежа XIV–XV вв. (№ 755) есть контекст, допускающий такую трактовку, соседствующий при этом с другими чертами экспрессивности и некнижного синтаксиса. Употребление сослагательного наклонения в значении побуждения генетически представляет собой его желательное значение, которое в независимом предложении предстает как побуждение. Такое употребление отмечалось в старорусских документах, фиксируется оно и в древнерусских берестяных грамотах. Если в современном языке это совет, реже просьба, то в древних текстах это могут быть более сильные типы побуждения (указание, предписание, просьба-распоряжение и даже требование). Такое «побудительное» употребление

сослагательного наклонения активизировалось с XIV в. в связи с ростом его частотности в формуляре деловых грамот.

В докладе **Н.В. Патроевой** (Петрозаводск) «Синтаксис стихотворных произведений Василия Тредиаковского: полупредикативные обороты и модальные слова» с опорой на учение В.В. Виноградова о категории предикативности и модальных словах рассматривалась динамика использования обособленных оборотов и вводных конструкций в поэтической речи середины XVIII столетия. Наряду с архаичными синтаксическими конструкциями («дательный самостоятельный», однородность деепричастного оборота и лично-глагольного сказуемого, размещение подлежащего внутри оборота и др.) были выявлены черты новаторства поэта-реформатора и экспериментатора В.К. Тредиаковского. Исследование показало рост активности демократизирующих и авторизирующих лирический дискурс эпохи барокко и классицизма вводно-модальных элементов (в сопоставлении с частотностью субъективно-модальных синтагм в стихотворных опытах Феофана Прокоповича и раннего Василия Тредиаковского).

М.А. Пузина (Москва) в докладе «Лексика переводных гимнографических текстов на примере Минейного и Триодного стихирарей XII в.» отметила, что, несмотря на значительный интерес исследователей конца XX–XXI вв., славянское гимнографическое наследие продолжает оставаться недостаточно изученным. Значительное число гимнографических памятников XI–XIII вв. издано, но при этом нет практически ни одного полноценного славяно-греческого и греческо-славянского словоуказателя к ним (исключения составляют Ильина книга, Декабрьская минея и Минейный стихирарь). Это обстоятельство значительно затрудняет исследовательскую работу в области славянской переводной гимнографии. В связи с этим была предложена идея создания греческо-славянского словоуказателя к древнейшим славянским гимнографическим сборникам. Ценность этого проекта была показана на примере сопоставления словоуказателей Минейного и Триодного стихирарей XII–XIII вв., в том числе с привлечением данных греческо-славянских словоуказателей к Декабрьской минее и Ильиной книге.

В.В. Каверина (Москва) в докладе «Грамматическое учение В.В. Виноградова как ключ к проблемам правописания наречий» обсуждала проблему орфографии наречий в современном русском письме. Трудности орфографии наречий связаны с нечеткими границами определения частеречной принадлежности сочетаний существительных с предлогом. Пути решения проблемы можно найти, обратившись к работе В.В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)». Для формулировки правил написания на-

речий важны следующие положения, сформулированные В.В. Виноградовым: (1) существительное и наречие нередко выполняют одинаковые синтаксические функции; (2) между существительными и наречиями есть переходные ступени; (3) степень близости именной формы к наречию определяется степенью ее изоляции, характером ее обособления от живой системы падежей и функций соответствующего имени существительного.

Итоги Виноградовских чтений подвела **М.Л. Ремнева**, которая отметила, что Виноградовские чтения, прошедшие в год 270-летия Московского университета и 130-летия академика Виноградова, подтверждают важность сохранения традиций русской лингвистической науки, необходимость внимательного изучения трудов выдающихся ученых прошлого, плодотворность соединения синхронного и диахронного подходов к описанию русского языка.

Поступила в редакцию 21.01.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 07.05.2025

Received 21.01.2025

Accepted 22.04.2025

Revised 07.05.2025

ОБ АВТОРЕ

Онипенко Надежда Константиновна — ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН; onipenko_n@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda K. Onipenko — PhD, Senior Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; onipenko_n@mail.ru

ПАМЯТИ...

ВИКТОР АНДРЕЕВИЧ ТАТАРИНОВ (1952–2024)

И.М. Кобозева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; kobozeva@list.ru

В.Г. Кульпина

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук» (ИНИОН РАН), Москва, Россия; vgrkulpina@mail.ru

Аннотация: В статье описывается жизненный и творческий путь доктора филологических наук, известного терминоведа, германиста и слависта, выпускника и преподавателя МГУ Виктора Андреевича Татарина, основателя и руководителя Российского терминологического общества «РоссТерм», члена редколлегии журнала «Социальные и гуманитарные науки. Серия 6. Языкознание». Дается оценка его вклада в лексикологию, лексикографию, терминоведение, терминографию, издательскую деятельность, сопоставительные исследования, теорию перевода, лингводидактику.

Ключевые слова: Виктор Андреевич Татарин, лексикография, терминоведение, терминография, германистика; славистика; дидактика

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-22

Для цитирования: Кобозева И.М., Кульпина В.Г. Виктор Андреевич Татарин (1952–2024) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 236–240.

VIKTOR TATARINOV (1952–2024)

Irina Kobozeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kobozeva@list.ru

Valentina Kulpina

Institute of Scientific Information on the Social Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; vgrkulpina@mail.ru

Abstract: Viktor A. Tatarinov, Doctor of Philology, an eminent Russian linguist, lexicographer, specialist in Russian and German linguistic studies, graduate and lecturer of Lomonosov Moscow State University, the founder and the chief of Russian

terminology association *RossTerm*, member of the editorial board of the periodical *Social Sciences and Humanities*, well-known and respected in our country, passed away on November 9, 2024. Viktor Tatarinov's research interests were wide and diverse, and included lexicology, terminology, phraseology, grammatical and lexical semantics, translation theory, and language education. He is noted first of all for his lexicography achievements, as an editor of academic periodicals and a compiler of diverse bilingual dictionaries.

Keywords: Viktor A. Tatarinov; lexicology; lexicography; terminological theory; editorial activities; contrastive analyses; linguistic education

For citation: Kobozeva I., Kulpina V. (2025) Viktor A. Tatarinov (1952–2024). *Lomonosov Philology Journal. Series 9*, no. 3, pp. 236–240.

9 ноября 2024 года завершил свой жизненный путь Виктор Андреевич Татаринov, выпускник филологического факультета МГУ, известный отечественный лингвист, автор 350 научных и дидактических работ, пользующийся авторитетом в нашей стране и за ее пределами, основатель и редактор-издатель ряда филологических журналов и серийных сборников. Своими учителями он считал профессоров МГУ Ксению Аристарховну Левковскую (см. [Татаринov 1995: 5–7]), Рубена Александровича Будагова, Юрия Владимировича Рождественского.

Виктор Андреевич Татаринov — это имя неотделимо от процессов становления современного российского терминоведения, чрезвычайно общественно значимой области знаний, непосредственно связанной с теорией языка и словарной работой. Любая область знаний изобилует терминами, образующими терминосистемы — собрания взаимосвязанных терминов, ориентированных именно на данный сегмент науки и техники. Понимать, что такое термин, — значит быть готовым к усвоению аппарата любой отрасли знаний, так как терминолог способен оперативно выявить круг ключевых терминов любой отрасли, эксплицировать их семантику.

Виктор Андреевич Татаринov родился 7 июня 1952 г. одиннадцатым ребенком в многодетной семье сельских учителей в деревне Юферята Кировской области. В деревне не было электричества, учеба в начальной школе проходила при свете керосиновых ламп. После окончания средней школы в селе Макарье, расположенной в 10 км от родной деревни (путь до школы приходилось именно преодолевать), Виктор Андреевич работал сельским библиотекарем и заочно учился на подготовительных курсах филологического факультета МГУ. Подкованный и жаждущий знаний абитуриент успешно прошел вступительные экзамены, отвечая на вопросы в экзаменационных билетах на классическом окающем вятском

диалекте, был зачислен в МГУ и, счастливый, отправился на учебу. И тут он чуть не лишился своего величайшего жизненного достижения — всех поступивших отправили на медкомиссию, которая забрала его по здоровью. Но филологический факультет его отстоял.

После окончания МГУ Виктор Андреевич устроился по распределению на КАМАЗ, где получил серьезную переводческую закалку, а затем заработал необходимый для поступления в аспирантуру МГУ педагогический стаж.

Со студенческой скамьи жизнь Виктора Андреевича была неразрывно связана с Московским университетом. Здесь, на филологическом факультете, он защитил свою кандидатскую диссертацию «Лексико-семантическое варьирование терминологических единиц и проблемы терминографии» (МГУ, 1987). Уже работая в МГУ преподавателем немецкого языка на историческом факультете, он защитил докторскую диссертацию «Исторические и теоретические основания терминоведения как отрасли отечественного языкознания» (МГУ, 1996). Его коллегам с кафедры общего языкознания филологического факультета, принявшей его в аспирантуру, Виктор Андреевич запомнился как энергичный преданный науке молодой человек, обладающий научной смелостью и чувством собственного достоинства, с широким научным кругозором.

Отечественное терминоведение прошло большой путь. Этот путь следовало упорядочить и представить с позиций сегодняшнего дня. В.А. Татаринов взял на себя этот огромный труд, результатом которого стала трехтомная «История отечественного терминоведения. Классики терминоведения. Очерк и хрестоматия» (1993–2003). Для этого ему потребовалось перечитать всю отечественную литературу по терминоведению, доподлинно установить состав научного круга терминоведов, чтобы можно было со всей определенностью отнести труды к терминоведческим, к определенным терминологическим школам, определить место и вклад каждого ученого в науку о термине, создать адекватный образ ученого, узнав судьбы людей, которых давно уже нет в живых. Решение такой масштабной задачи предполагало многолетнее погружение в архивы недоотапливаемых библиотек в постоянных поисках научной и биографической Истины. Период, когда создавалась «Хрестоматия», был еще безынтернетным и даже «бесксероксным». Все тексты приходилось переписывать вручную. Это в наши дни понятно, что и П.А. Флоренский, и А.Ф. Лесохин — терминологи. Но в свое время вклад этих ученых в терминоведение мало кто себе представлял. Надо было открыть эти имена заново — именно в пространстве терминологической мысли, воодушевляясь тем, что делаешь важное дело.

В наши дни «Хрестоматия» популярна, активно «работает» и постоянно в ходу. Ее издание, интерес к терминоведческим исследованиям среди широких кругов ученых окрылили Виктора Андреевича, и он взял на себя труд по созданию базовой «инфраструктуры» этой отрасли знаний — Российского терминологического общества («РоссТерм») с государственной регистрацией, регулярным проведением терминологических конференций и изданием научной периодики. Он обладал удивительной способностью увлекать людей своими идеями; вокруг него сформировался широкий круг исследователей. В перестроечные годы словно открылись какие-то шлюзы, и рекой потекли добротные научные труды, извлекаемые из запылившихся сундуков, авторы которых жаждали их опубликования. На долю В.А. Татарина пришлось масса муравьиной редакторской работы, притом что ее техническое оснащение в 1990-х гг. разительно отличалось от нынешнего. Статьи печатались сначала на русской пишущей машинке, потом в их текст, уже на другой машинке, впечатывались фрагменты на иностранном языке, что было крайне трудоемкой технической работой. А первые шаги на компьютерах вследствие несовершенства и разноречивого программного обеспечения также требовали большой психической устойчивости и самоотречения. Такова была «технология» создания большинства номеров «Терминоведения» (1993–1997, 14 выпусков; два первых озаглавлены «Терминоведение и профессиональная лингводидактика»), «Терминологического Вестника», «Русского Филологического Вестника» (1994–1999, 13 выпусков), «Функциональных исследований» (совместно с А.И. Изотовым, 1996–1998, 10 выпусков). Были у В.А. Татарина еще и несерийные и малосерийные издания, вошедшие, как и другие, в «Библиотеку Русского Филологического Вестника», также оставившие весомый след в науке. Среди них и «Русский Исторический Вестник» (идея такого издания подхвачена и достойно пополняет интернет-пространство наших дней).

Среди 350 публикаций В.А. Татарина особое место занимает монография «Теория термина» (2006), трехтомная Хрестоматия, учебники немецкого языка, написанные им за время работы доцентом на кафедре иностранных языков истфака МГУ (2000–2012), «Методология научного перевода» (2007). Важнейшим достижением стало широкоформатное «Общее терминоведение: энциклопедический словарь» (2006). Виктор Андреевич был его редактором и автором большинства словарных статей. Это и целый ряд терминологических двуязычных словарей (общенаучного, исторического и др.), соавторство в ряде других словарей, в том числе — «Библиографии славистического языкознания...» (Институт славистики Польской АН, 2003), редактирование монографий, учебников. Среди публи-

каций значительное место занимают обширные статьи, обзоры научной литературы, программы учебных курсов.

Следует отметить вклад В.А. Татарина в славистические исследования по линии Международного комитета славистов, прежде всего в рамках руководимой им Терминологической комиссии МКС. Одним из конкретных результатов стало написание Программы работы Комиссии на многие годы и выпуск журнала «Славянское терминоведение» (2009). В.А. Татарин был также членом Библиографической комиссии при МКС. Его международная деятельность в немалой мере была направлена на поддержку зарубежных русистов путем приглашения их на конференции «РоссТерма», написание рецензий и обзоров конференций.

Виктор Андреевич прожил хорошую жизнь. До последних дней интересовался научными событиями в терминоведении и в целом в языкознании. Его рецензии дали путевку в жизнь многим научным трудам. Он жил в гармонии с собой и дачной природой. Очень любил животных и жалел их, особенно диких, потому что «у них нет своего домика» и «им никто не помогает».

Занимаясь историей терминоведения в отечестве, В.А. Татарин сам с ходом времени стал ее неотъемлемой частью. Уверены, что весомость научного вклада В.А. Татарина нашей научной обществу еще предстоит оценить в полной мере.

Поступила в редакцию 15.02.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 07.05.2025

Received 15.02.2025

Accepted 22.04.2025

Revised 07.05.2025

ОБ АВТОРАХ

Кобозева Ирина Михайловна — профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; kobozeva@list.ru

Кульпина Валентина Григорьевна — доцент, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), исследовательская организация при Президиуме Российской академии наук; vgrkulpina@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Irina Kobozeva — Prof. Dr., Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kobozeva@list.ru

Valentina Kulpina — Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Linguistics of the Institute of Scientific Information on the Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAN); vgrkulpina@mail.ru

ПАМЯТИ ТАМАРЫ ФЁДОРОВНЫ ТЕПЕРИК

А.С. Щербина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; anna.scherbina@list.ru

Аннотация: Ушла из жизни Тамара Фёдоровна Теперик (1954–2025), доктор филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ, специалист в области античной литературы и древнегреческого языка. Т.Ф. Теперик — автор более 100 научных публикаций, в которых представлены исследования в сфере античной риторической терминологии, древнегреческой и римской трагедии. Немалую долю ее трудов составляют работы, посвященные рецепции античных сюжетов в современном литературном и кинематографическом искусстве. Наряду с исследовательской, Т.Ф. Теперик занималась преподавательской деятельностью. Ее лекционные и практические занятия пользовались неизменным успехом среди студентов.

Ключевые слова: Т.Ф. Теперик; классическая филология; античная литература; античная риторическая теория; древнегреческая трагедия; рецепция; основные публикации Т.Ф. Теперик

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-23

Для цитирования: Щербина А.С. Памяти Тамары Фёдоровны Теперик // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 241–245.

TAMARA FEDOROVNA TEPERIK

A.S. Shcherbina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; anna.scherbina@list.ru

Abstract: Tamara Fedorovna Teperik (1954–2025), Doctor of Philology, Professor of Classics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, a specialist in ancient literature and Ancient Greek, has passed away. T.F. Teperik is the author of more than 100 academic publications researching ancient rhetorical terminology and ancient Greek and Roman tragedy. A great amount of her work is dedicated to the reception of ancient narratives in modern literature and cinema. Along with scientific research, T.F. Teperik was engaged in teaching. Her lectures and practical classes were always popular with the students.

Keywords: T.F. Teperik; classical philology; ancient literature; ancient rhetorical theory; Ancient Greek tragedy; reception; T.F. Teperik's main publications

17 апреля 2025 года ушла из жизни Тамара Фёдоровна Теперик — доктор филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ (1979–2025).

Т.Ф. Теперик — выдающийся специалист в области античной литературы. Под руководством А.А. Тахо-Годи в 1984 году она защитила кандидатскую диссертацию «Функция сентенций в трагедиях Софокла», в которой были детально проработаны вопросы, затрагивающие риторический потенциал сентенции как средства убеждения и ее функциональный характер, а также приведены, описаны и систематизированы конкретные примеры утверждений гномического характера, которые звучат из уст персонажей трагедий Софокла. Многие положения, выдвинутые Т.Ф. Теперик в этой диссертации, впоследствии легли в основу других научных работ, авторы которых задавались целью исследовать художественную роль сентенций в структуре античных произведений разных жанров — как трагических, так и эпических.

Терминологическому и практическому аспектам понятия «сентенция» посвящены и другие публикации Тамары Фёдоровны: «Слово *gnome* в “Риторике” Аристотеля» (1980), «Сентенция в античной риторической теории» (1981), «Сентенция в трагедиях Сенеки» (1989), «Сентенция в различных элементах жанровой структуры трагедий Софокла» (1989).

Наряду с рассмотрением такого риторического приема, как сентенция, Т.Ф. Теперик занималась изучением античной трагедии. Ее внимание, главным образом, было направлено на творчество Софокла, на материале произведений которого Тамара Фёдоровна исследовала, в частности, этическую категорию благородства в свете социально-политических реалий древнегреческого общества («Проблема благородства в связи со становлением полисного мировоззрения V в. до н. э.», 1981) — и сквозь призму стилистической окраски языковых средств, которые обнаруживаются в текстах упомянутого трагика («Калокагатийная лексика в трагедиях Софокла», 1982; «Стилистические аспекты лексики, отражающей представления о благородстве в трагедиях Софокла», 1982).

Докторская диссертация Т.Ф. Теперик на тему «Поэтика сновидений в античном эпосе» (2008) — это фундаментальное и первое в истории классической филологии исследование феномена сновидений, представляющих собой совокупность средств для воплощения определенных творческих задач в эпических поэмах Гомера,

Аполлония Родосского, Вергилия и Лукиана. Тамара Фёдоровна отмечала, что особый интерес для нее представляла связь поэтики сновидения с поэтикой жанра, а также жанровая эволюция, в ходе которой метод изображения сновидений менялся в сторону большей реалистичности и уклона в психологизм. Защите этой диссертации предшествовали менее объемные работы, в которых была затронута соответствующая проблематика: «Типология изображения сновидений в эпосе Гомера» (1999), «Поэтика сновидений в “Аргонавтике” Аполлония Родосского» (2007), «Онейротопическая поэтика эпоса: Вергилий и Гомер» (2003), «Поэтика сновидений и “новый стиль” исторического эпоса: “Фарсалия” Лукана» (2007), «О поэтике литературных сновидений» (2007), «Поэтика сновидений и римский классицизм: “Энеида” Вергилия» (2007).

Среди научных публикаций Т.Ф. Теперик немало работ, посвященных рецепции античных сюжетов, мотивов и образов в более поздней литературной традиции и в современном кинематографе. К таким работам, в числе прочих, можно отнести следующие статьи: «Античная онейротопика как элемент рецепции: Юлий Цезарь Шекспира» (2007), «Античные войны в кинематографическом дискурсе: стилистика и поэтика» (2010), «Ифигения в Тавриде: рецепция мифа и рецепция мотива (Еврипид и Гёте)» (2016), «Миф об Энее в итальянском кинематографе» (2019), «Рецепция античности в кинематографе (на материале гомеровских поэм)» (2020), «Поэтика рецепции в кино и литературе: образ Клеопатры» (2022), «Античный миф в русской трагедии XVII века: “Демофонт” Ломоносова» (2023). Нередко Т.Ф. Теперик обращалась к русскоязычным переводам античных текстов с целью выявить и прокомментировать их художественные особенности: «“Электра” Еврипида в переводе М.Л. Гаспарова» (2011), «Н.А. Львов — переводчик Анакреонта» (2011), «Гораций в переводах Бориса Пастернака» (2013), «Гомеровские формулы в переводах русских поэтов» (2014), «Переводческая стратегия и практика: об “Энеиде” Владимира Соловьёва» (2018), «Перевод как форма рецепции (на материале античных авторов)» (2020), «Поэтика перевода и поэтика мотива: “Эдип-Царь” в переводе Д.С. Мережковского» (2023), «Поэтика перевода и поэтика рецепции: “Цезарь путешествовал” А.С. Пушкина» (2023).

Тематика работ Т.Ф. Теперик не ограничивалась исключительно филологической наукой: в числе ее публикаций можно обнаружить междисциплинарные исследования на стыке филологии и психологии, некоторые из которых проводились в соавторстве с Риммой Фёдоровной Теперик, сестрой Тамары Фёдоровны: «Литературные сновидения (филологический и психологический аспекты)» (2007),

«Сон Юлия Цезаря после Фарсальской битвы (филологический и психологический аспекты)» (2008), «Формы психологизма в историческом эпосе» (2011), «Гомеровский психологизм с точки зрения невербальной семиотики» (2013), «Невербальное поведение: филологический и психологический аспекты» (2018), «Современные теории сновидений и античность» (2023). Так, психологизм, будучи совокупностью приемов в рамках литературного произведения, получал в трудах Т.Ф. Теперик и теоретическое обоснование, опирающееся на современную психологическую науку.

Сфера научных интересов Т.Ф. Теперик определила и выбор учебных курсов, автором которых она выступала на протяжении многих лет. Тамара Фёдоровна вела семинары по древнегреческому и латинскому языкам не только для студентов классического отделения филологического факультета, но и для тех, кто обучался на отделениях русской, славянской, византийской и новогреческой филологии. В рамках курса «Древнегреческий язык и авторы» под руководством Тамары Фёдоровны студенты осваивали поэмы Гомера, трагедии Софокла, трактаты Аристотеля и другие произведения, отличающиеся жанровым и тематическим разнообразием. Однозначным преимуществом педагогического метода Т.Ф. Теперик было всестороннее изучение текстов: помимо морфологии и синтаксиса, Тамара Фёдоровна заостряла внимание на явлениях внеязыковой действительности — политических, нравственных, эмоциональных. Лекции Т.Ф. Теперик по истории античной литературы в неменьшей степени пестрили красочными подробностями и характеризовались, с одной стороны, глубиной преподносимого материала, а с другой — широтой познаний и невероятной харизмой самого лектора. Неоспоримым свидетельством этого можно считать неизменный успех, которым пользовались межфакультетские курсы Тамары Фёдоровны («Древнегреческий театр», «Античные мифы в кино, театре, литературе», «Античный Рим в зеркале кинематографа»). Высокий уровень профессионализма, непревзойденное ораторское мастерство, тонкий интеллектуальный юмор, удивительное личное обаяние — лишь малая часть достоинств Т.Ф. Теперик, за которые она по праву считается одним из самых ярких и авторитетных преподавателей филологического факультета.

Значимость научного и педагогического наследия Тамары Фёдоровны переоценить настолько же сложно, насколько трудно привести полный обширный перечень ее трудов, затрагивающих различные области филологического знания.

Коллеги и ученики Т.Ф. Теперик, сотрудники, аспиранты и студенты кафедры классической филологии филологического факуль-

тета Московского университета с болью в сердце скорбят о невосполнимой утрате, которую с уходом из жизни Тамары Фёдоровны понес каждый, кому довелось учиться у нее и работать вместе с ней, — и каждый, кому посчастливилось встретить ее на своем жизненном пути.

Вечная ей память!

Поступила в редакцию 01.05.2025

Принята к публикации 10.05.2025

Отредактирована 18.05.2025

Received 01.05.2025

Accepted 10.05.2025

Revised 18.05.2025

ОБ АВТОРЕ

Щербина Анна Сергеевна — аспирант кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; anna.scherbina@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna Shcherbina — PhD Student, Department of Classical Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; anna.scherbina@list.ru

ЛИЛИЯ ВАЛЕНТИНОВНА ЧЕРНЕЦ (1940–2025)

И.Н. Исакова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия: mandala-1@yandex.ru*

Аннотация: В статье описывается жизненный и научный путь известного ученого, специалиста по теории литературы, профессора кафедры теории литературы, доктора филологических наук Лилии Валентиновны Чернец.

Ключевые слова: Лилия Валентиновна Чернец; теория литературы; сравнительное литературоведение

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-24

Для цитирования: Исакова И.Н. Лилия Валентиновна Чернец (1940–2025) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 246–248.

LILIYA CHERNETS (1940–2025)

Irina Isakova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mandala-1@yandex.ru

Abstract: The article describes the life and professional path of the famous scholar, specialist in literary theory, professor of the Department of Literary Theory, Doctor of Philology Liliya Chernets.

Keywords: Liliya Chernets; literary theory; comparative literary studies

For citation: Isakova I. (2025) Liliya Chernets (1940–2025). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 246–248.

24 мая ушла из жизни Лилия Валентиновна Чернец, заслуженный профессор МГУ, замечательный ученый, прекрасный преподаватель, а самое главное — очень светлый, душевный человек, отличительной чертой которого была **доброжелательность**.

Лилия Валентиновна родилась в семье военных врачей. В 1957 году окончила с золотой медалью московскую среднюю школу № 282 и поступила на русское отделение филологического факультета Московского университета. И с этого момента вся дальнейшая жизнь Лилии Валентиновны оказалась связанной

с филологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова, где она занималась в спецсеминаре Г.Н. Пospelова «Творчество Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского». Закончив с отличием филологический факультет (1962), Лилия Валентиновна поступила в аспирантуру по кафедре теории литературы МГУ (научный руководитель Г.Н. Пospelов). Лилия Валентиновна гордилась тем, что училась у Г.Н. Пospelова, всегда отзывалась о нем с глубоким уважением и искренней любовью.

Работая более 50 лет на кафедре теории литературы, Л.В. Чернец ежегодно читала студентам курсы «Введение в литературоведение», «Теория литературы», вела различные спецкурсы и спецсеминары. Работала Л.В. Чернец и в ИСАА. С 2001 года была одним из руководителей специализации «Сравнительное литературоведение», преобразованной в 2011 году в одноименную магистерскую программу; вела курс «Теоретическое введение в сравнительное изучение литератур». С 2008 года по инициативе Лилии Валентиновны в программу был включен курс по сопоставлению русской литературы с восточными, и с этого момента начали развиваться связи кафедры теории литературы с филологическими кафедрами ИСАА.

Под редакцией и при авторском участии Л.В. Чернец вышли различные учебные книги для студентов-филологов. Здесь проявились организаторские качества Лилии Валентиновны. Она находила общий язык с разными людьми. Учебнику Лилия Валентиновна посвятила более 25 лет, и каждое издание выходило дополненным. Она без преувеличения жила наукой, любовь к которой пронесла через всю жизнь. Лилия Валентиновна умела создавать позитивную атмосферу, где бы она ни появлялась, и навсегда осталась в памяти коллег как удивительно легкий человек.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ Л.В. ЧЕРНЕЦ

1. Введение в литературоведение: Учебник для вузов в 2 т. / Л.В. Чернец [и др.]; под редакцией Л.В. Чернец. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2025. 393 с.
2. Школьный словарь литературоведческих терминов / Л.В. Чернец [и др.]; под редакцией Л.В. Чернец. 3-е изд., доп. М., 2013. 558 с.
3. Серия статей по теории литературы и творчеству А.Н. Островского (9 статей) // А.Н. Островский. Энциклопедия. Гл. ред. И.А. Овчинина. Кострома — Шуя, 2012. С. 135–137, 158–160, 192–194, 278–279, 330–332, 349–400, 424–425, 430–432, 492–493.
4. О типах персонажей в русской литературе XIX века: Монография. М., 2018. 210 с.
5. Русская литература в вопросах и ответах. Учебное пособие / Л.В. Чернец [и др.]; под редакцией Л.В. Чернец. 2-е изд., доп. М.; СПб., 2017. 244 с.
6. «Как слово наше отзовется...» Судьбы литературных произведений. М., 1995. 239 с.
7. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М., 1982. 192 с.

8. Научные школы в литературоведении. Программа спецкурса // Stephanos. 2015. № 3 (11). С. 233–248.
9. О понятии «код» в литературоведении и о пейзажных кодах в произведениях И.С. Тургенева // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2018. № 2. С. 76–81.
10. Интерпретация произведений и русский реализм XIX века // Историко-функциональное изучение литературы и публицистики: истоки, современность, перспективы. Сб. материалов Международной научно-практической конференции / под общей ред. Фокина. Ставрополь, 2012. С. 72–75.

Поступила в редакцию 06.06.2025

Принята к публикации 07.06.2025

Отредактирована 07.06.2025

Received 06.06.2025

Accepted 07.06.2025

Revised 07.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Исакова Ирина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы МГУ им. М.В. Ломоносова; mandala-1@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina Isakova — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Literary Theory, Lomonosov Moscow State University; mandala-1@yandex.ru

ISSN 0130-0075

ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2025. № 3. 1–248.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.